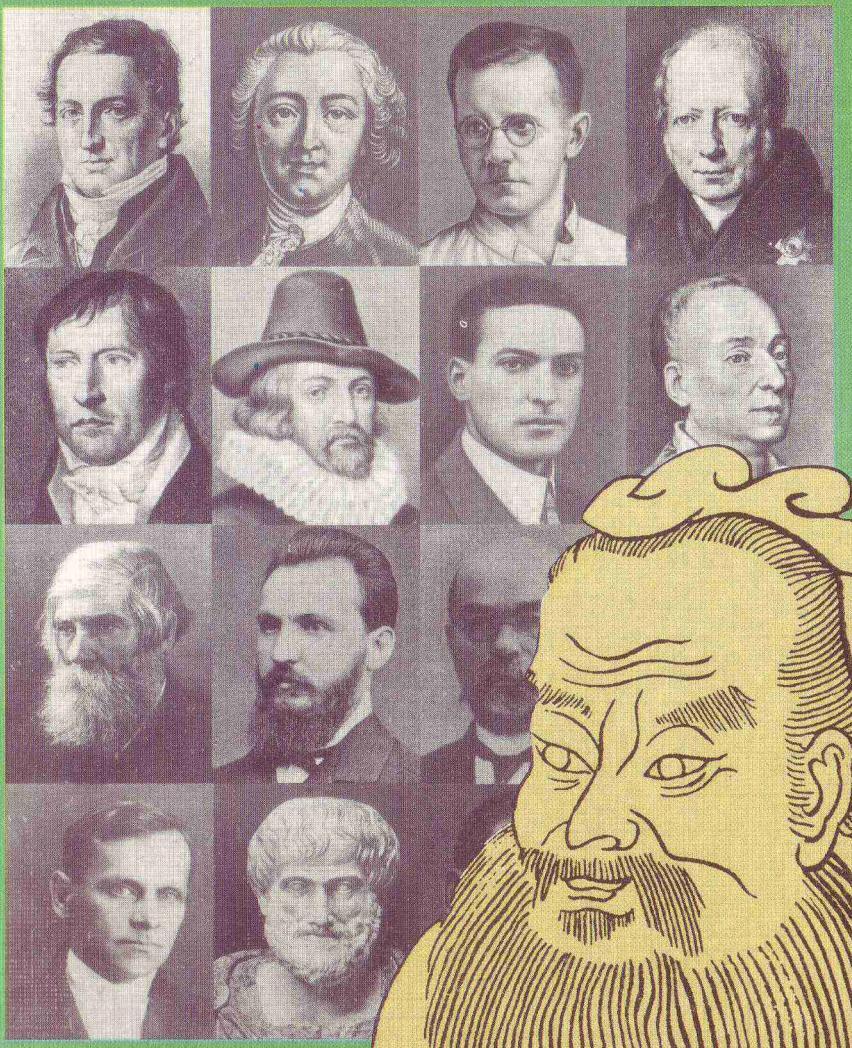
АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ЛАО-ЦЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома
Асмолов А.Г.
Бордовский Г.А.
Дарчия М.Д.
Загвязинский В.И.
Зуев Д.Д. — главный редактор
Кезина Л.П.
Матросов В.Л.
Неменский Б.М.
Ниорадзе В.Г.
Никандров Н.Д.
Петровский А.В.
Рябов В.В.
Сартания В.Ш.
Шадриков В.Д.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКВА

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ЛАО-ЦЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА
2001

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ

Семенов Алексей Львович
Доктор физико-математических наук, профессор, г. Москва

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

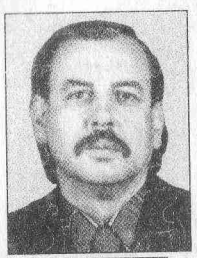

Мокринский Михаил Геннадьевич
Директор школы, г. Москва

АВТОРЫ ТЕКСТОВ:

Малявин В.В.

Лисевич И.С.

Васильев Л.С.

УДК 24.7
ББК 83.44
Л75

«Федеральная программа
книгоиздания России»

Бездонен кладезь находок и опыта китайской цивилизации. Велик соблазн в зеркале даосизма разглядеть все богатство сходств и различий наших культур. Но, кажется, среди прочего есть то немногое, что крайне важно именно для учителя и именно сегодня.

Для начала: полезно думать, что теория и практика даосизма не имеет никакого прямого отношения ни к детям, ни к процессу обучения. Ее удел —вылепить главное в учителе. Она — редкий и замечательный пример того, как складывается самоощущение, основания и общее направление мысли, как из формообразующих мировоззренческих принципов берут начало психология и сознание. Перефразируя слова Л.С.Выготского о «зоне ближайшего развития», можно сказать, что даосский учитель действует, ориентируясь на «зону полноты развития». Перспектива читается им не по омутам и протокам знания, а по горизонтам культуры.

Педагогические идеи и лозунги гуманизации и открытости, индивидуально ориентированного обучения и диалогизма, с которыми начинались реформы в российском образовании, сегодня чаще остаются символами веры и научными принципами, чем практикой образования. И тем важнее вглядываться в традицию, практика которой просвечивает сквозь толщу архаичных предрассудков, гармония которой есть равновесие условностей и иллюзий. Искусству такой гармонии можно лишь учиться, а не изучать его сторонним взглядом.

Увидеть этот путь, который всегда с тобой, приглашают даосские мудрецы.

Лао-Цзы. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001. — с. 224 (Антология гуманной педагогики).

Образованию и воспитанию неизбежно предшествует позиция отношений. Именно с этой точки зрения вглядеться в уникальность философии и практики Даосизма позволяют собранные в настоящей книге труд Лао-Цзы, выдержки из важнейших текстов его последователей и художественные зарисовки современности.

Человеческий путь от созерцания, отношения к выбору, действию и обратно неизбежный спутник метофизического даоского Пути небытия и недеяния. Проникнуть в древнюю мудрость человеческого пути, приблизить ее к современному читателю-учителю помогают комментарии востоковедов и размышления педагогов.

ISBN 5-89147-036-5

© Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2001

ПУТЬ ОБРАЗОВАНИЯ

СЕГОДНЯШНИЕ ОТВЕТЫ НА ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Что может дать традиция Дао современному учителю? В нашем ощущения мира школа существовала всегда, и всегда была такой же. Наши дети кажутся нам идущими в тот же первый класс и заканчивающими тот же последний, что и мы. Неожиданно мы узнаем о появлении новых предметов, но больше всего нас затрагивают сроки обучения (6 дней в неделю или 5, 11 или 12 лет учебы). И лишь изредка мы сталкиваемся с тем, что наши дети не обладают простейшими знаниями, которых мы от них ожидаем. Или задают нам вопросы «по программе», об ответе на которые мы не имеем даже отдаленного представления. Один из современных интеллектуальных лидеров, Алан Кей, в последние годы занимавшийся исследованием того, как дети в начальной школе формируют свою естественнонаучную картину мира, любит демонстрировать документальный видеоотрывок. В этом отрывке выпускники естественнонаучных факультетов Гарварда, в самый день вручения диплома, в мантиях и квадратных черных шапочках, пытаются ответить на один и тот же вопрос: «Почему бывают зима и лето?» Ни одному это не удается. Этот фильм производит на зрителей незабываемое впечатление.

Почти никогда мы, даже профессионалы, не возвращаемся к самым исходным, базовым вопросам образования. Самый общий из них: «Что является и что должно быть процессом и результатом образования?» И здесь мы часто отделываемся парадоксами типа: «Результат образования — это то, что остается, когда все образование забывается», «Все, чему я научился в жизни, я узнал в детском саду». Возникает теория человеческого капитала, объясняющая ценность (и цену) образования, потом парадоксальная теория «фильтров», в соответствии с которой результат образования — это наличие диплома, а наличие диплома доказывает только способность его получить. И здесь, делая еще один шаг, мы приходим к вопросам, ответ на которые надо искать вне сегодняшней системы образования... и вне сегодняш-

ней жизни. Оказывается, образованию нужны «достаточно сумасшедшие идеи».

Мы приходим к книгам, которые входят в НЗ человечества, к книгам из «Антологии гуманной педагогики».

И мы видим:

> *Создавать и воспитывать; создавая, не обладать; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ*. (Лао-цзы)*

Имеет ли это отношение к современной школе? Нет, конечно. Может ли это иметь отношение к будущей школе? Кто знает...

Ребенок приходит в школу с огромным интересом к знаниям о мире, с огромной способностью эти знания приобретать, что он очевидным образом доказал до прихода в школу. Он обладает огромным творческим потенциалом, что видно по его рисункам и рассказам. Он уже научился обращаться с огромным массивом естественных, искусственных (в том числе информационных) объектов окружающего мира. Куда все это девается в школе? На этот вопрос ученые-педагоги всего мира дружно дадут многообразные успокаивающие ответы. Но вопросы-то не исчезают...

> *Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое. (Лао-цзы)*

Какое все это имеет отношение к школе? А какое все это имеет отношение к жизни? Еще недавно казалось, что никакого. Но «бархатная революция» осенью 1989 г. в Праге начиналась с

* *Дэ* — одна из основных универсалий китайской культуры, представление фундаментальное как для картины мира, так и для политической доктрины и этики. Ограничиться одним из принятых вариантов перевода, например «благодарить», значит не объяснить ничего. Это воплощение движения Дао, неотделимая от него мистическая сила творения.

выставленного на улице телевизора, перед котором все время была небольшая толпа и негромко смеялась. А показывали по телевизору видеозапись последнего пленума ЦК. Но сегодня в разных частях света можно найти кусочки Берлинской стены, напоминающие их владельцам о тех минутах в XX веке, когда человечество шло путем Дао. А ведь есть еще и Интернет...

В середине XX в. швейцарский психолог Жан Пиаже пришел к выводу, что намного важнее того, **чему** мы учим, то, **как** это происходит. Именно, если учащийся самостоятельно строит свое знание, опираясь на действия с реальными и мыслимыми объектами и моделями, то учение идет эффективно и его результат оказывается возможно применять в самых разных ситуациях, а не только буквально в изучаемой.

Еще до того российский ученый Л.С.Выготский отметил важность социально-культурного контекста, в котором происходит процесс обучения. В российской школе шло развитие идей Выготского в работах П.Я.Гальперина, В.В.Давыдова. Ученик Пиаже — Симур Пейперт, родившийся в Южной Африке и живущий в США, вернул нас к очень простому принципу: то, что, учащийся конструирует, должно быть не только важным для него как результат выполнения школьной программы, но и иметь отношение к его жизни. Этот принцип лег в основу образовательной философии конструкционизма. К такому же выводу пришли люди во множестве других стран, например Паоло Фрейре, который ликвидировал неграмотность среди взрослых в Бразилии. Шалва Амонашвили сеет семена гуманной педагогики, работая с малышами.

> *Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:*
>
> *— Нет ли в твоем роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!*
>
> *— У сыновей [моих, Вашего] слуги способности небольшие. Сумеют найти хорошего коня, но не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня все это то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.*
>
> *Прошу принять того, кто знает коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], Ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.*
>
> *Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.*
>
> *Через три месяца [тот] вернулся и доложил:*
>
> *— Отыскал. В Песчаных холмах.*

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец. Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— Неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной! (Ле-цзы)

Шок от будущего — это не метафора, а наиболее определенная реальность окружающего нас мира. Мы действительно живем в мире, радикально отличающемся от того, в котором жили наши родители, а мы учились. Одно из наиболее радикальных изменений в нем — это информационная революция. У нее есть несколько взаимосвязанных аспектов.

С одной стороны, большинство рабочих мест современной экономики связано с переработкой информации, с другой стороны, и содержание информации, и методы ее переработки меняются необыкновенно быстро. Но не менее быстро меняются и сами задачи, которые приходится решать этими методами. Мы пытаемся включить все это в школьную программу и даже приспособить компьютер для того, чтобы научить ребенка всему, чему полагается, но побыстрее, побольше и получше.

Однако, приходя в школу, как и приходя в жизнь, компьютер демонстрирует нам бессмысленность того, ради чего мы затрачиваем столь значительные усилия. Мы учим детей делить числа столбиком, будучи уверенными, что ни на одном рабочем месте, никогда им не придется этого делать — им выдадут калькулятор, а если нет, его можно купить за цену килограмма яблок. Мы учим детей красиво, без помарок и грамотно писать, но никто из пишущих не пишет красиво и без помарок — они пишут на компьютере, он же и проверяет грамотность и исправляет ошибки.

Мы предлагаем выучить наизусть кучу сведений по истории и географии, но все они доступны в любую секунду через интернет, а интернет, в свою очередь — в кармане, в наушнике сотового телефона.

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счета. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, [но завязывает так прочно], что развязать невозможно. (Лао-цзы)

Столь ли быстро меняется содержание информатики? Оказывается, не так уж. Выясняется, что наиболее глубокие и важные истины в ее фундаменте были открыты еще в XIX и первой трети XX в., а некоторые — и тысячелетия назад. Пытаясь рассказать о них, Хофштадтер пишет книгу «Гёдель, Эшер, Бах», но ссылается в ней, даже в большей степени, на восточных мудрецов.

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая. Он наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что он — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу.

Оказывается, фундамент информатики — это даже не числа, функции и производные математики, а вещи куда более древние — это наши общие представления о времени и событиях, игре и ритуале.

Итак, мы ставим своей целью научить ребенка решать задачи, которые он никогда не видел. Нужно ли для этого давать ему решать как можно больше задач? Нужно ли стараться, чтобы он выучил наизусть как можно больше из «всей многовековой мудрости человечества»? Может быть, лучше дать ему в руки подходящие инструменты и научить ими пользоваться? Учение использованию инструментов происходит в ходе их использования и наблюдения того, как это делает учитель. Среди этих инструментов имеются «знания, умения, навыки».

Сбор, анализ, отбор, организация информации — эти функции и еще многие другие человеческий разум осуществляет так автоматически, мастерски и легко, что даже самый совершенный компьютер выглядит пластмассовой игрушкой. Но наш разум

способен на бесконечно большее. Использование его для того, для чего мы обычно его используем, столь же неэффективно и несообразно, как использование волшебного меча для открывание банки тушенки.

Силу ясного ума невозможно описать. Но воспользоваться ею сможет тот, кто оценит значение Ничего. Ну, например, вы нашли идею. Или, как более точно сказал бы Пух, она вас нашла. Откуда она взялась? Из этого чего-то, которое получилось из чего-то того.

Если идти по этому пути, в конце концов придешь к Ничему. Скорее всего, чем замечательней идея, тем скорее на этом пути появится Ничто. «Ничего подобного мы не слышали», «Это радикально новый подход» и т.д.

Может быть, вместо попытки выучить ботанику можно самому построить ботаническую классификацию, потом посмотреть, как это сделали Линней и другие. Построенную ими классификацию применить, чтобы узнать названия тех растений, которые растут в школьном дворе. Может быть, вместо попытки выучить геометрию можно самому открыть в эксперименте новое соотношение, построить его геометрическое доказательство и сравнить это доказательство с тем, которое построил Фалес Милетский, разобравшись в оригинальном тексте на греческом. Можно ли не учить ребенка таблице умножения, но помочь ему правильно поставить вопросы о площадях всех прямоугольников и самому найти ответы на них, самому сделать собственную таблицу умножения и, когда нужно, обращаться к ней, так никогда и не выучив таблицу умножения, но просто зная ее?

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное Дао. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. (Лао-цзы)

Один из путей, по которому, возможно, пойдет цивилизация, образование, может состоять в вынесении все большего объема знаний во внешнюю среду, во все большей доступности и бесплатности этого знания. Но при этом все больше и больше будет цениться индивидуальная мудрость, возможность получить ответ там, где «ответы» (которые можно мгновенно извлечь из интернета) уже кончились. **Роль Учителя будет цениться много больше**.

Современная школа вербальна или, в более модном сегодня словообразовании, тексто-центрирована, тексто-ориентирована. Только сейчас мы начинаем возвращаться к более широкому представлению о том, что такое грамотность. Человечеству потребовалось изобрести компьютеры, интернет, DVD на десятки гигабайт, виртуальную реальность со всеми цветами, звуками и

движениями (уже и запахами), чтобы начать возвращаться к исходным, архаичным формам общения.

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей. (Лао-цзы)

Наши воспоминания и восприятия школы во многом определены выставляемыми нам отметками. При этом отметки не обязательно числовые. Я до сих пор помню собственные ощущения от обучения в начальной и основной школе: одни из наиболее неприятных — это когда тебя хвалят перед классом.

Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит слава и позор подобны страху? Это значит, что нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом. Это и называется — слава и позор подобны страху. (Лао-цзы)

И еще одно. Бенжамин Хофф начинает свою книгу «Дао Пуха» диалогом с Винни Пухом, где объясняет, что книга эта — о том, как быть счастливым при любых обстоятельствах, и цитирует:

...наконец Пятачок спросил: «Что ты говоришь себе, когда просыпаешься утром?»

«Что сегодня на завтрак?» — ответил Пух. — «А ты что, Пятачок?»

«А я спрашиваю: «Что сегодня случится замечательного?»»

Пух задумчиво кивнул...

На фоне катаклизмов последних десятилетий Проект Ш.А.Амонашвили и Д.Д.Зуева выглядит чудом. Но и оба они выглядят пришельцами не из сегодняшнего мира, а из мира вечности, выстраивающими Проект этот как попытку завязать диалог между сегодняшнем учителем и Учителями человечества. Я не думаю, что сегодня многие учителя станут непосредственными последователями Лао-цзы. Честно говоря, и смысл последнему утверждению можно придать лишь уже находясь «внутри». Однако я уверен, что, читая его книгу «Дао дэ цзин»,

размышляя о ней, погружаясь в нее, глядя на окружающий мир, на свою жизнь, работу, на своих учеников в ее контексте, многое можно понять.

Для читателя эта книга — приглашение к ощущению своего пути, как Пути Дао.

...путешествие в тысячу ли начинается с одного шага. (Лао-цзы)

А.Л.Семенов

МЫСЛИ МУДРЫХ

Основа учения Лао-Тзе одна и та же, как и основа всех великих, истинных, религиозных учений. Она следующая: человек сознает себя прежде всего телесной личностью, отдельной от всего остального и желающей блага только себе одному. Но, кроме того, что каждый человек считает себя Петром, Иваном, Марией, Екатериной, каждый человек сознает себя еще и бестелесным духом, таким же, какой живет во всяком существе и дает жизнь и благо всему миру. Так что человек может жить или той телесной, отделенной от мира личностью, которая хочет только себе блага, или тем бестелесным духом, который живет в нем и который желает блага всему миру. Человек может жить или для тела, или для духа. Живи человек для тела, — и жизнь — горе, потому что тело страдает, болеет и умирает. Живи для души, — и жизнь — благо, потому что для души нет ни страданий, ни болезней, ни смерти. И потому для того, чтобы жизнь человека была не горем, а благом, человеку нужно научиться жить не для тела, а для духа. Этому-то и учит Лао-Тзе. Он учит тому, как переходить от жизни тела к жизни духа. Учение свое он называет Путем, потому что все учение указывает путь к этому переходу; от этого и все учение Лао-Тзе называется книга Пути.

Л.Н.ТОЛСТОЙ (1828—1910),
великий русский писатель и мыслитель

Это произведение Лао-цзы является первым великим образцом непрямого сообщения, на которое всегда полагается подлинная философская мысль.

К чему обращено в нас философское высказывание? Мы слышали: не к рассудку, который является знанием предметов, не к воле, сориентированной на цель и на действия по расчету. Лао-цзы, напротив, обращается к изначальному в нас, затуманенному рассудком и целями. Поэтому он стремится не к преодолению себя силой воли, а к более глубокой проверке самих наших побуждений.

...Мысли Лао-цзы обращаются к находящейся в нас и вне нас всеобъемлющей основе. Они о том напоминают, что постоянно забывается под воздействием целенаправленной воли и ограниченного рассудка.

КАРЛ ЯСПЕРС (1875—1961),
немецкий философ, психиатор

Наследие, хранимое в даосских кругах, является не слепой верой в эффективность объектов созерцания, а древней традицией практики приведения человеческой психики к ее полной зрелости.

ИРВИН АРТУР РУССЕЛЬ (1890—1949)

СЫМА ЦЯНЬ

Перевод и комментарии Р.В.Вяткина

Великий китайский мудрец Лао-цзы жил в начале VI в. до н.э.*

Из трех дошедших до нас биографий Лао-цзы наиболее ранняя входит в «Исторические записки» Сыма Цяня (145—87 гг. до н.э.). Лаконизм описания объясняется не только исторической дистанцией почти в три века, но и типичным для даосской традиции стремлением Мастера и Учителя к безвестности.

Лао-цзы был уроженцем селения Цюйжэнь волости Лисян уезда Кусянь[1] [царства] Чу, [происходил] из рода Ли, имел имя Эр, второе имя Дань[2]. Он был хранителем дворцового архива Чжоу[3].

Конфуций отправился в Чжоу, чтобы осведомиться о ритуале у Лао-цзы. Лао-цзы сказал: «Того, о чем вы спрашиваете, уже почти не осталось. Так от человека остается гниющий труп и [когда-то] произнесенные речи. К этому добавлю: в благоприятные времена совершенномудрый разъезжает на колеснице, а в неблагоприятные — ходит пешком с тяжкой поклажей. Я слышал, что хороший торговец прячет подальше [свои товары], как будто [у него] ничего нет, а совершенномудрый, обладающий многими добродетелями, внешне стремится выглядеть глуповатым. Отбросьте вашу заносчивость и необузданные желания, [откажитесь] от напыщенных манер и низменных страстей — все это не принесет вам пользы. Вот и все, что я хочу вам сказать». [Конфу-

* *«Лао»* — по-китайски означает «старый», «почетный».
«Цзы» — «мудрец» и «дитя», т.е. «старец-дитя».

Во всех текстах, представленных в этой книге, сохраняется транскрипция изданий, в которых они были опубликованы.

ций] ушел [и] сказал ученикам: «Я знаю, что птица умеет летать, что рыба умеет плавать, а дикий зверь умеет бегать. Бегающих можно поймать в капкан, плавающих выловить сетью, летающих сбить стрелой. Что же касается дракона, то я не могу понять, как он, оседлав ветер и пронзая облака, устремляется к небесам. Я сегодня виделся с Лао-цзы, который подобен дракону!».

Лао-цзы совершенствовал Дао [и] дэ[4], его учение призывает жить в уединении [и] не стремиться к славе. [Он] долгое время жил в Чжоу, [но] увидев, что Чжоу приходит в упадок, решил уехать. Когда [он] достиг заставы[5], *линьинь* Си сказал: «Вы собираетесь удалиться от мира. Напишите для меня [хоть] что-нибудь!» Тогда Лао-цзы написал книгу в двух частях[6], более пяти тысяч слов которой говорили о смысле *Дао* [и] *дэ*. После этого он ушел, и никто не знает о его дальнейшей судьбе.

Некоторые говорят, что [был] Лао Лай-цзы, который тоже был чусцем [и] написал книгу в 15 главах, толкующую о пользе учения даосов. Говорят, что он жил одновременно с Конфуцием. [Тогда] Лао-цзы, наверное, прожил больше 160 лет, или даже 260 лет, поскольку взрастил долголетие, совершенствуя свое *Дао*.

Через 129 лет после смерти Конфуция главный историограф чжоуского дома Дань при встрече с циньским Сянь-гуном сказал: «Цинь и Чжоу начали с единства. После 500 лет единства [они] разойдутся. После 70 лет разъединения там (в Цинь) появится ба-ван». Одни говорят, что Дань и был Лао-цзы, другие отрицают это, и никто на свете не знает правды. Но мудрец-отшельник по имени Лао-цзы несомненно существовал.

Сына Лао-цзы звали Цзун. Он служил военачальником в Вэй и был пожалован владением в Дуаньгань. У Цзуна был сын Чжу, у Чжу был сын Гун, [а] праправнука Гуна звали Цзя. Цзя служил ханьскому Сяо Вэнь-ди. Сын же Цзя [по имени] Цзе был назначен *тайфу* при Ане, наследнике Цзяоси-вана, и поселился с семьей в [княжестве] Ци.

Люди, изучающие [учение] Лао-цзы, отвергают конфуцианство, а конфуцианцы отвергают Лао-цзы. «Пути у людей разные, каждый следует собственным устремлениям», — разве не об этом сказано? Ли Эр [проповедовал] недеяние, [ведущее к] самоусовершенствованию, безмятежность и чистоту, ведущие к истине[7].

КОММЕНТАРИИ

[1] Уезд Кусянь и волость Лисян в царстве Чу находились на востоке совр. уезда Луи пров. Хэнань.

[2] В некоторых источниках его называют не Эр, а Бо-ян. Поскольку он считался простолюдином, его посмертное имя не упоминалось, хотя иногда именно «Дань» считают его посмертным именем.

[3] Несмотря на то, что Сыма Цянь приводит некоторые данные о месте рождения Лао-цзы, его деятельности и потомках, вопрос о реальности существования этого человека, его имени и биографии остается по сей день спорным. Вокруг фигуры основателя даоской школы уже в древних источниках и сочинениях первых веков нашей эры возникло множество легендарных сюжетов.

[4] В основе даоского учения лежало понятие Дао, передаваемое на русский язык (в зависимости от исходной позиции авторов и контекста) как «путь», «истина», «порядок», «всеобщий закон природы», «начало и конец творения». Если в большинстве советских работ о даосизме 50-60-х годов (например, Л.Д.Позднеевой, Ян Хин-шуна) в центре внимания стояли поиски материалистических или идеалистических основ этого учения, то уже Ф.С.Быков справедливо подчеркивал, что на отдельных исторических этапах развития китайской мысли в понятие Дао вкладывают различное содержание. Категория *дэ* означала и в даосизме, и в конфуцианстве «добродетель», «нравственность», «этическая норма». Более поздним работам свойствен глубокий, многовариантный поиск сути и основы даосизма.

[5] Многие комментаторы полагали, что речь идет об известном горном проходе и пограничном укреплении Ханьгу. Однако применение в рассказе чуского термина *линьинь*, возможно, указывает на одну из южных застав (Угуань? Лугуань?), поскольку чусец Лао-цзы, весьма вероятно, возвращался на родину.

[6] Имеется в виду *Даодэцзин*.

[7] Ли Эр — одно из имен Лао-цзы. Этой фразой Сыма Цянь, заключая краткий рассказ о Лао-цзы, попытался передать суть его учения.

Рисунок из книги эпохи Мин «Жизнеописание небожителей»: Лао-цзы на буйволе выезжает за Западную заставу.

ЛАО-ЦЗЫ

«ДАО ДЭ ЦЗИН»

«Дао дэ цзин» («Книга пути и благодати») — основное сочинение даосского канона. Текст его включен в настоящее издание полностью. Более того, публикуются два перевода. Причина не только в огромной значимости труда Лао-цзы, но и в стремлении редакции объемно представить его читателю. Европейские китаеведы уже несколько веков назад оценили философскую глубину и значимость «Дао дэ цзина». Еще в 1788 г. был сделан перевод труда Лао-цзы на латинский язык, позже — на английский, немецкий, французский и другие языки. На русский язык «Дао дэ цзин» был впервые переведен в 1892 г., а в 1950 г. Академия наук СССР издала перевод, сделанный китайским ученым Ян Хин-шуном в Москве. Этот перевод был наиболее распространенным в российских изданиях. Его недостатком является явная тенденциозность, стремление к материалистическому переосмыслению памятника.

В последнее время появилось несколько новых переводов, один из которых предлагается вниманию читателей.

Его автор — И.С.Лисевич, доктор филологических наук. При жизни Игорь Самойлович Лисевич успел опубликовать перевод первой части книги с подробными комментариями, которые также частично включены в настоящее издание.

Редакция выражает глубокую благодарность семье И.С.Лисевича за разрешение на публикацию.

КНИГА ПЕРВАЯ

Перевод Ян Хин-шуна

1

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное *дао*. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя. Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [*дао*], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме. Оба они одного и того же происхождения, но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими. [Переход] от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному.

Перевод И.С.Лисевича

ВОПЛОЩЕНИЕ ПУТИ

Путь, о котором можно
поведать, —
То не Предвечный Путь;
Имя, которое можно
восславить, —
То не Предвечное Имя.

Что было без Имени —
Стало началом Небес
и Земли,
Обретшее Имя —
Сделалось матерью всех
вещей.

Вечно бесстрастный
Зрит недоступное,
Кто же вечно во власти
страстей —
Зрит лишь предельное.

То и другое имеет один
исток,
Но их различает Имя;
Мы же равно наречем
их «тайной».
Тайна из тайн —
Вот врата ко всему
недоступному!

NB ***Стоит обратить внимание: книга канона построена не в логической структуре, а рассчитана на перечитывание и рождение собственных мыслей в согласии с мыслями автора.***

Этим стихом открывается главная, «эзотерическая», часть книги. Здесь начинается разговор, доступный лишь посвященным, рассказ о величайших тайнах мироздания, адресовавшийся далеко не каждому. Тот Путь, о котором идет речь, — не дорога в обычном понимании, хотя он, за неимением лучшего, обозначается все тем же иероглифом —

извилистой линией пути и головой вола, бредущего по дороге. Это путь незримый, необозначенный, подобный полету птицы в небе, о нем нельзя рассказать словами, потому что человеческие понятия, имея предел, не в силах вместить беспредельное.

Прочитав всю «Книгу...», мы поймем, что Лао-цзы говорит здесь о великом Пути Вселенной, об изначальном истоке Мироздания и одновременно «черной», «пустой», недоступной глазу и разуму программе его развертки в пространстве и времени. Этот Путь — предначертание, и в то же самое время, — механизм, движущий Вселенную, ее «пружина». В конечном счете все сущее идет от него и из него. Он один стабилен и постоянен в этом вечно изменяющемся бренном мире, подобно недвижимой оси бешено вращающегося колеса. Впрочем, любые аналогии способны схватить лишь какую-то одну грань его качеств — и другая метафора уподобит его потоку, ибо с возникновением Бытия Дао тоже становится как бы «вещью», оно «чуть брезжит», протекая через мириады вещей, существ и явлении, оно омывает весь мир в его «великом пределе» и сущее то всплывает из его бездонных глубин, призванное к жизни, то тонет в черной бездне Дао, ожидая нового возникновения. Дао словно гигантское информационное поле, внутри которого заложено все то, что уже свершилось и что еще свершится, «субстанциальное поле континуального сознания», по выражению В.В.Налимова, бескрайний океан мысли, тотчас материализующейся в нашем мире, перед которым меркнет любой «Солярис». Впрочем, достаточно — нам предстоит прочесть о Дао еще целую книгу.

Вслед за Вечным Путем названо Вечное Имя — его имя, судя по всему. Рождая Небо и Землю, т.е. переходя из изначального состояния небытия и Хаоса в состояние Космоса и существуя уже в «великом пределе», Дао обретает Имя, которое отныне неуничтожимо. Имя — это очень важно, это «энергия сущности», по определению А.Лосева...

Надо сказать, что отсутствие в древнекитайском языке каких-либо грамматических формантов (рода, лица, числа, времени и т. д.) и знаков препинания, включая точку, подчас очень затрудняет понимание смысла. На фоне предельной афористичности стиха и нарочитой его затемненности от непосвященного это обстоятельство позволяет членить текст по-разному, соответственно получая различный смысл.

Наш перевод основан на традиционном понимании Лао-цзы, идущем от первых комментаторов...

Концовка стиха требует особого терминологического пояснения.

Человек, чей внутренний взор не замутнен борением страстей и желаний, чье сердце подобно ровному зеркалу

вод, не колеблемому ветрами, отражает в себе все — от близкой пагоды до далекой звезды, — такой человек способен овладеть самым недоступным, самым неуловимым (мяо). Для него нет преград — вплоть до возможности опуститься по лестнице времен к первоначалу мира, когда Предвечное Имя еще не прозвучало. Знание человека обычного, обуреваемого страстями, находящегося во власти желаний, более ограниченно, предельно. Лишь размытые очертания сокровенного проступают в замутненном зеркале его сердца, его знанию доступно лишь бытие, вызванное к жизни Именем, вещи и явления феноменального мира. Разумеется, и Бытие, и тем более Небытие есть тайна — но высшее знание дается лишь проникновением в Тайну из тайн!

То, что мы переводим здесь как «тайна», в оригинале обозначено словом «сюань», что трактуется комментаторами и переводчиками как «темное», «тайное», «сокровенное», «мистическое». У Лао-цзы в стихе 10-м мы прочитаем о всепроникающем «мистическом взоре» (сюаньлань), а комментатор Гу Хуань (V в.) определяет «сюань» как «нечто глубочайше-отдаленное». Первоначальное же значение слова «сюань» — тот священный черный цвет, который образуется многократным погружением материи в особый красный краситель; чернота эта с неким отсветом, что уловит не каждый.

Черный цвет «сюань» есть изначальный цвет Неба, Космоса. Потому-то комментаторы, начиная со «Старца с берегов Желтой Реки», в один голос утверждают, что речь идет о небесном, т.е. космическом. «Тайна из тайн» — это значит, что в Небе есть еще небо!» (а может быть: «Еще небеса!») — утверждает Старец, а вслед за ним другие комментаторы. И лишь проникновение в запредельные сферы может дать человеку истинное знание. Что же касается слов, то они не в состоянии адекватно передать внечувственный опыт — единственный способ приближения к сути вещей. А чтобы сразу дать почувствовать эту беспомощность слов, развенчать иллюзию понятийного познания, автор «Дао дэ цзина» начинает словесную игру уже в первых строках.

Итак, знание не в слове или понятии, оно лежит за пределами рационального, и человек может надеяться познать все сущее и несуществующее, только проникнув до «второго неба» («раннего Неба»? — сянь тянь. — *И.Л.*), до тайных сфер.

2

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены.

САМОВОСПИТАНИЕ

Стоит лишь всем
в Поднебесной познать,
Что прекрасное прекрасно —
и оно уже зло!
Стоит познать, что добро
есть добро
— И оно уже не добро!
Ибо существующее
и несуществующее
Одно другое порождает,
Трудное и легкое
одно другое образует,
Длинное с коротким
дают друг другу тело,
Высокое с низким друг
к другу тянутся,
Звук и напев друг с другом
согласуются,
«До» и «после» друг
за другом следуют...
Оттого-то мудрец, пребывая
в недеянии,
Творит безмолвное поучение.
Созидает легионы вещей —
и их не отвергает.
Рождает, но не владеет,
Творит, но не гордится.
Заслуги растут, но ими
он не живет.
А коль скоро ими он
не живет,
Они его не покинут...

Что есть Добро и что Зло, что такое, наконец, Красота? — все эти вопросы в глазах Лао-цзы лишены смысла, ибо каждое из понятий таит в себе свою противоположность, и даже справедливостью можно повредить. Мир состоит из пар, поделен на противоположности, но ни одна из них не может существовать сама по себе: и в схеме «Великого предела», который и есть наш мир, наибольшая полнота светлого начала Ян уже содержит в себе частичку темного начала Инь, а предельно созревшее Инь содержит в себе зародыш Ян. Вещи достигают своего предела — и переходят в свою противополож-

ность. Красота, ставшая всеобщим достоянием, теряет свою привлекательность, она уже банальна; добро, всеми признанное и вознесенное на пьедестал, рождает ответное зло...

Потому-то человек истинного знания не стремится утвердить в Поднебесной свой идеал, не старается сделать людей счастливыми, ибо «спутанные в клубок нити счастья и бед не разделить» все равно.

Мудрец не играет в эти пагубные игры. Вся жизнь его заключена как бы внутри себя. Он делает мир лучше не делом и даже не словом — ведь его поучение идет безгласно, «от сердца к сердцу», коль скоро то готово его принять. Уже само существование мудреца как бы осветляет мир, меняет его судьбы...

Если первый стих Лао-цзы чем-то напоминает нам начало библейской «Книги Бытия» с ее картиной сотворения мира, то в стихе втором, словно дальний отголосок знакомой темы, звучит идея познания добра и зла. Думаю, однако, что сходство с библейскими текстами здесь весьма поверхностно — его многократно усиливают стереотипы нашего собственного сознания, в то время как начальный импульс сравнительно невелик.

3

Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки — полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет их кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать.

Осуществление недеяния всегда приносит спокойствие.

УСПОКОЕНИЕ НАРОДА

Не возвеличивай
мудрых —
И в народе не станет
борьбы.
Не дорожи тем,
что трудно добыть, —
И в народе не станет
воров!
А не будет
желанного —
И в сердцах у людей
не станет смятения.
Вот целительство
мудрого:
Опустошить их сердца,
Внутренности
наполнить,
Смягчить устремления,
Сделать крепким
костяк.
Чтобы люди всегда
оставались без знания
и без желаний,
Чтоб даже знающий
действовать не посмел.
Твори недеяние —
Тогда любой исцелится!

Этот стих, поражая простотой лексики и какой-то знакомостью общих мест, производит впечатление банальности.

Итак, перед нами реакционная, если угодно, утопия, нацеленная на полное устранение любых моральных («не возвеличивай») и материальных («не дорожи тем, что трудно добыть») стимулов развития общества, на уничтожение любой инициативы («чтобы знающий действовать не посмел»). Устранить желания, «смягчить устремления», подавить ложное «знание» и взамен направить всю человеческую энергию из мирской сферы в чисто духовную, где-то даже медитативную, побудить людей обратить внутренние взоры к неиссякающему космическому источнику Дао — вот главная идея третьего стиха.

К сожалению, даже после выяснения смысла третьего стиха, как мне кажется, довольно близкого к истине, остается его прискорбная текстуальная близость с писаниями легистов, жаждавших уложить безропотные человеческие песчинки в незыблемое основание государства.

Третий стих лишний раз показывает нам, во что может быть обращена общественная утопия, пусть, как всегда, провозглашенная с самой доброй целью, как недалеко в нашем мире Добро отстоит от Зла. Единственное, что вызывает здесь безусловную симпатию к Лао-цзы, — его недвусмысленное нежелание трудиться ради осуществления своего идеала, тем более — нежелание навязывать что-то кому-либо. Слово — все же не Дело, в этом, по-видимому, вся разница. Тем более что Лао-цзы опасался даже слова, предпочитая ему «безмолвное поучение» — и, видимо, был в своих опасениях прав. Заметим также, что стих третий входил в эзотерическую часть книги — он не был предназначен для полных энтузиазма профанов, готовых исказить все и вся.

4

Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей.

Если притупить его проницательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует Небесному Владыке.

БЕЗ ИСТОКА

Путь есть вместилище сосуда —
Его никогда не наполнить!
О, бездна,
Она, похоже, Праотец сущего!
Она притупляет твои острия,
Разрешает узы твои,
Делает гармоничным сияние твое,
Собирает пылинки твои...
Глубока — а словно и нет ее!
Я не ведаю, чье она порожденье,
Ибо она — прежде образа и божества!

В этом стихе Лао-цзы делает первую попытку развернутой характеристики Дао, пытается дать читателю почувствовать его вселенское, надвременное величие. Дао — гигантская космическая бездна, всепорождающая и всепоглощающая, куда, как в гигантский плавильный котел (Цзя И, II в. до н.э.), погружается все то, что закончило свой земной путь, и откуда возникает после переплавки в иных образах и обличьях.

Следующее четверостишие (начиная со строки: «Она притупляет твои острия») вновь повторяется в стихе 56, и это дает основание целому ряду исследователей полагать, что в данный стих оно включено по ошибке. Однако коль скоро уже в мавандуйских рукописях II в. до н.э. и дуньхуанских рукописях Чжан Дао-лина (II в. н.э.) текст дан в своем «нелогичном» виде, не будем нарушать двухтысячелетнюю традицию.

Вариантов толкования этого отрывка много даже в комментаторской литературе, переводчики же добавляют свои прочтения. Но в целом мы, наверное, не ошибемся, трактуя его как описание изменений человеческого «я» при переходе от бытия к небытию, при погружении в гиперпространство Дао. Термин «измененное сознание», введенный психологами для характеристики медитативного и других «альтернативных» состояний че-

ловеческой психики, как нельзя лучше квалифицирует момент трансцензуса, вхождения в запредельную сферу. Им снимаются все противоречия, вся «разрегулированность», свойственные бытию: странствуя в бесконечных просторах Дао, человек ощущает себя перешедшим на иной уровень и в иное качество.

Острие иглы («чжуй») — символ сосредоточения и противоборства, преодоления и борьбы, оно однонаправленно, а потому — преходяще. Древние комментаторы отождествляли острия с человеческими страстями (Хэшан-гун), человеческой тягой к злому (Чжан Даолин), с желанием двигаться вперед («цзинь») к славе и почестям (Хэшан-гун). Что же касается уз, то «Старец с берегов Реки» и Гу Хуань (V в.) видят здесь прежде всего общую «повязанность ненавистью». Всякого рода связи и взаимоотношения, совокупность которых, по определению Маркса, и составляет человеческую личность, незримые нити, идущие от одного человека к другому, разного рода жизненные хитросплетения и «гордиевы узлы» — все, что опутывает человека и держит его в этом мире, составляя самое жизнь, при погружении в Дао распадается и исчезает.

5

Небо и земля не обладают человеколюбием и предоставляют всем существам возможность жить собственной жизнью. Совершенномудрый не обладает человеколюбием и предоставляет народу возможность жить собственной жизнью.

Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Чем больше [в нем] пустоты, тем дольше [он] действует, чем сильнее [в нем] движение, тем больше [из него] выходит [ветер].

Тот, кто много говорит, часто терпит неудачу, поэтому лучше соблюдать меру.

ПОЛЬЗА ПУСТОТЫ

Небо и Земля не
милосердны,
Им вся тьма существ —
Что песий идол из
соломы,
Не милосерд
и совершенномудрый —
Ему, что песий идол
из соломы,
Все сто родов людских.

Меж Небом и Землей,
Словно кузнечный мех,
Нескудеющая пустота.
Чем сильнее движенье —
Тем больше она
источает...

Бессчетны утраты от многих
речей —
Не лучше ли пребывать
в середине?!

Милосердие есть величайший дар духовности, оно одно способно оборвать бесконечную цепочку зла, которую ничто иное прервать не может. Конфуций почитал милосердие — жэнь наивысшим качеством благородного мужа, определяя его как «любовь к другим людям» и как стремление «не делать другим того, чего себе не желаешь» (сравни слова Евангелия от Матфея). Любовь к постороннему, способность поставить себя на его место и сочувствовать, сопереживать ему, что есть непременное условие истинного счастья (ср. древнерусское: «со-частие»), свойственна лишь человеку (отсюда смысловой ключ «человек» в иероглифе «жэнь») на высших ступенях его нравственного развития. Несколько странное, хотя бы и в отрицательном плане, приложение этого понятия к Небу и Земле выглядит более естественным, если вспомнить воззрения древних китайцев. Небо, как и Земля, были для них существами живыми — достаточно взглянуть на иероглиф «небо», изображающий «великого человека» с увенчанной главой. У Неба, согласно представлениям китайской древности, есть сердце, у Земли — кровеносные сосуды, оба они наде-

лены сознанием и волей, однако у этой надмировой пары нет «ближних» и аналогов вообще, им некого поставить рядом с собой, не с кем себя сравнить, а ведь смысл иероглифа жэнь — «милосердия», зафиксированного в двух параллельных чертах, именно в сопоставлении, аналогии, сопереживании. Возвышаясь над всеми, они равно изливают свою благостыню не только на человека, который «всего дороже», но вообще на все сущее, на великое и малое, вплоть до деревьев и трав, до гадов и насекомых. Они как бы по ту сторону добра и зла, хотя только «как бы» — ведь Дао всегда на стороне добрых. Их высшее милосердие кажется порой бесчеловечным, но это лишь видимость. Таким должен быть и человек, достигший высшей ступени духовного совершенствования, — он бесстрастен и дает свершиться высшей справедливости.

Образ, с помощью которого Лао-цзы поясняет свою мысль, некогда был у каждого на виду, ныне же забыт и восстанавливается с трудом. Судя по отрывкам старых текстов, «соломенное чучело собаки в древности использовалось при жертвоприношении» предкам, когда в присутствии всех родичей один из членов клана изображал покойного предка, а другой молил его о помощи и благоволении. Присутствие собаки в обряде не случайно — в мистических ритуалах многих народов она предстает своего рода проводником души, позволяющим ей благополучно проникать из среднего солнечного мира в нижний мир смерти или наоборот. Не случаен и материал, из которого делался этот идол, — мертвая солома напоминает о наполненном скрытой жизнью зерне, о погребении и воскресении, о возвращении через смерть к жизни, о связи мира живых и мира мертвых. Наконец, не случайно и то, что после совершения обряда богато и ярко изукрашенное, до тех пор бережно хранимое изображение втаптывали в грязь или просто сжигали — поводыря души возвращали в тот потусторонний, подземный мир, откуда ненадолго он вывел дух покойного для общения с его потомками и принятия их даров.

Ну а нас «песий идол» подводит к тем обобщениям, которые Лао-цзы хотел между строк подсказать своему читателю. Все в мире имеет свой срок: начало и конец, время расцвета и увядания.

Потому-то человек высшего совершенства должен следовать Небу и Земле в их бесстрастности, ему следует не сострадать, а дать проявиться высшему благу, высшему милосердию. Великим надмировым существам Небу и Земле он должен подражать во всем.

Он — сердце страны, мысль государя, сердце народа. Он недеянием своим преобразует тело и недеянием своим хранит Закон. Это-то и есть милосердие. В безмолвии и безвестности, не являя милосердности — так следует совершенномудрый тому внешнему милосердию Неба и Земли, которое «немилосердно» и совершенствует себя» (Чунь Ян).

Однако из всего этого следует некий практический вывод. Человеку не следует ждать от Вселенной доступных его пониманию жалости или сострадания. Она функционирует по собственным незыблемым законам, законам жертвоприношения: все сущее рождается, взращивается, пестуется — а после умирает, и, быть может, именно в этом проявляется высшее милосердие. Лишь сама Вселенная вечно пульсирует, как кузнечный мех, без устали наполняясь и опустошаясь. Человек же являет собой как бы ничтожное ее подобие: снова и снова его вдох сменяется выдохом — и так до конца. Не здесь ли возможность продолжить подобие дальше: воспитав в себе бесстрастие, достойное мировых глубин, и последовав ходу естественности, обрести дыхание гармоничное, неиссякающее и сосредоточиться в том центре кузнечного меха, откуда никогда не уходит Дао?!

И многоглаголание, конечно же, мешает достижению цели, грозит оскудением праны — ци. «Многие заботы вредят духу, многие речи вредят телу», — такими словами завершает свой комментарий к пятому стиху «Старец с берегов Желтой Реки».

6

Превращения невидимого [*дао*] бесконечны. [*Дао*] — глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБРАЗОВ

Бессмертен дольний
Дух —
Вот почему зовут его
Родительницей
Сокровенного.
В лоне Родительницы —
Корни Неба и
Земли
Тонкие-претонкие, словно
едва лишь существуют,
А до конца не размотать!

Вот перед нами то место, где, не подозревая об этом, Лао-цзы решает основной вопрос философии, объявляя Дух прародителем, а точнее — прародительницей всего сущего. Это единственное место, где он квалифицирует Дао как понятие духовное, но делает это столь недвусмысленно, а сам фрагмент текстуально столь бесспорен, что это доставляет массу неудобств всем, кто хотел бы услышать от патриарха даосизма нечто иное.

Впрочем, оставим эти упражнения в стороне; гораздо интереснее вопрос о том, почему Лао-цзы именует бессмертный мировой Дух дольним. Над этим вопросом немало бились еще древние и средневековые комментаторы, стараясь подставить на место слова «гу» — «долина» значения более понятных, по их мнению, омонимов или сходных по написанию иероглифов, призванных исправить «описку переписчика». Однако во вновь найденных древнейших рукописях мы видим все тот же иероглиф, да еще с так называемым «смысловым ключом» воды, показывающим, что речь идет о долине реки, русле потока.

Образ Духа в долине — это образ нашего мира. Твердо очерченные берега — и текущий внутри этих окаменевших форм поток, который дает жизнь всему сущему, питает его и изменяет. Проходят тысячелетия, меняются берега — а поток все так же струится, не останавливаясь и не прекращая свой бег.

Много позже Ван Чун (I в. н.э.) выскажет свою, вероятно весьма древнюю, мысль о видимых, материальных формах как духе застывшем. Иными словами, в представлении древних китайцев все сущее действительно мыслилось как порождение духа, который, частично

материализуясь, давши в лоне своем жизнь Небу и Земле, образует две сущности — духовную и материальную. Материя мертва — по крайней мере временно, в своем окаменевшем состоянии, дух же есть средоточие жизни, ее податель. И тот, кто питается от Духа Долины, тот никогда не умрет.

Что же касается самого Лао-цзы, то и в этом коротеньком стихе нам не следует упускать из виду его визионерский аспект. Визионерство вдруг возникает в поле нашего зрения в самых последних строках, хотя и до этого Лао-цзы, возможно, не рассуждает, а «прозревает». Здесь же он совершенно явственно «видит» незримые корни вещей, подобно тому, как видят современные экстрасенсы едва брезжущие светлые тяжи, соединяющие физическое и тонкое тело во время их временного разделения при жизни. Вот проходят перед его внутренним взором эти тончайшие, едва заметные нити, когда нельзя даже быть до конца уверенным, существуют ли они вообще, — и все тянутся, тянутся... Описание краткое, но очень «зримое» — вряд ли это случайно. «Зримость» стиха отражена и в названии, данном ему «Старцем с берегов Желтой Реки», — «Возникновение образов». Возникновение происходит дважды — в момент становления мира, когда Небо, Земля и все сущее возникают из ничего, из Бездны Дао, — и тогда, когда даосский мудрец вновь «прозревает» начало мира, опускаясь к его истокам.

7

Небо и земля — долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными.

Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он пренебрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется. Не происходит ли это оттого, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам].

ЛУЧ, ВЛОЖЕННЫЙ В НОЖНЫ

Долговечно Небо,
стара Земля.
Долговечными стать могли
они,
Ибо не для себя живут —
Оттого живут долго.
Так и мудрец —
Держится позади, а выходит
вперед,
Покидает тело, а оно
существует...
Не бескорыстием ли своим
Блюдет он свою корысть?!

Если в пятом стихе Лао-цзы говорил о том, что космические законы отличны от человеческих, и отрицал конфуцианский принцип «милосердия» или «человеколюбия», то здесь он возводит в ранг космического закона воздаяние за бескорыстие. Небо и Земля взращивают мириады существ, дают им пропитание и заботятся о них. Именно так должен поступать и мудрый человек, если он хочет добра самому себе, ибо воздаяние за добрые дела — закон Вселенной. Вся Вселенная построена на действии и противодействии, на принципе единства противоположностей. Скромный возвышается, а гордый низвергается, алчущий выгоды лишается всего, а бескорыстный приобретает. Правда, трудно предполагать, чтобы Лао-цзы был столь наивен, чтобы не видеть, что жизнь постоянно опровергает этот постулат. Тогда не имел ли он в виду, что воздаяние не ограничивается данным существованием, а включает в себя и «жизнь после смерти» (в любом из вариантов, предлагаемых древними религиями)? Лао-цзы не говорит об этом прямо, однако его последователь Чжуан-цзы достаточно ясно заявляет о «великом пробуждении» души после сна жизни и о радостном инобытии духа, преодолевшем смерть.

...«Держаться позади» как тень в конечном счете означает быть покорным Первопричине, Дао... Дух ставится на первое место, а телесное, мирское на второе, послушно следуя ему. В конечном счете все это означает тот же призыв следовать естественности, которая вопреки мнению профанов выводит человека вперед и в этом мире.

...О названии стиха. В даосской литературе очень популярны легенды о чудесных мечах, гибельных для всякой нечисти, — едва вынутые из ножен или другого какого-то футляра, они источают свет, наполняющий все вокруг таинственным сиянием. Даосский мудрец, достигший высоких ступеней совершенства, подобен такому мечу: скрывая до времени свой блеск, он лишь преумножает его.

8

Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на дао.

[Человек, обладающий высшей добродетелью, так же как и вода], должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последовательным; в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок.

ИЗМЕНИТЬ СВОЮ ПРИРОДУ

Высшее благо подобно
воде —
Приносит пользу мириадам
существ,
Ни с кем не соперничая.
Избрав презираемый всеми
удел,
Приблизишься к Дао.
В добрых селись местах,
(Черпай) сердцем из добрых
истоков,
С добрым людом общайся,
Истинное и доброе говори,
Доброе правление
осуществляй,
Способности добрые
развивай,
Действуй во благовременьи...
Но лишь не соперничая
ни с кем,
Избегнешь печали!

Скорее всего, говоря о высшем благе (благодати), Лао-цзы имеет в виду то благо, которое себя ничем не проявляет (см. стих 38). Он подразумевает не изливающуюся на мир благодать, а источник ее, т.е. само Дао. И действительно, все комментаторы согласны, что вода есть символ именно Дао, есть как бы его явленный образ. «Вода умеет быть мягкой и податливой, она — подобие Дао, — пишет Чжан Дао-лин, — она покидает вершины и устремляется вниз, избегает наполненного и возвращается к Пустоте, увлажняет и пользует все сущее, ни с кем не вступая в борьбу, — хотелось бы, чтобы человек следовал ее примеру».

Весь последующий текст есть развитие идеи подражания Дао — воде, идеи изменения собственной природы ради приближения к Высшему благу. Основная цель человека мудрого — избежать борьбы и соперничества, оттого-то добрым местом для жительства будет для него лишь то, на которое никто другой не претендует, — выбирая его, следует думать об интересах соседей. Быть униженным и теснимым извне, внутри же жить обращенным к истине, омываться сердцем в глубинных истоках Бытия, — такова позиция Мудрого.

9

Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [все время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами навлекают на себя беду.

Когда дело завершено, человек [должен] устраниться. В этом закон небесного *дао*.

ДВИЖЕНИЕ К ГИБЕЛИ

Чем наполнять
и поддерживать —
Не лучше ли бросить?!
Что точат и заостряют —
Не может остаться острым.
Коль золота и нефрита
полны палаты,
Можно ли их уберечь?!
Кто чванится знатностью
и богатством,
Сам себя ввергает в беду.
Обретают заслуги.
А тело уходит —
Таков Путь Неба!

Этот стих — о тщете человеческих усилий, о бесплодности стремления утвердить себя на земле, о бренности всего, достигнутого в этом вечном мире. То, «что точат и заостряют», уже встречалось нам в стихе четвертом — это стрекала наших желаний, постоянно понуждающих человека рваться вперед в пагубной гонке за призрачными миражами. Дорогой ценой даются успехи в этой гонке: «Ненасытность желаний губит дух, обилие богатств изнуряет тело», — замечает по этому поводу «Старец с берегов Желтой Реки». Смерть стоит у нас за плечами, мы умираем каждую минуту, ибо по мере наших свершений телесное «я» человека постепенно отходит в небытие. Так, действительно, «не лучше ли бросить», прекратить эту погоню за недосягаемым?

Особенной же опасности подвергает себя тот, кто не знает меры и удержу (в стихе будет сказано: «знающий меру — богат!»), поскольку все в мире со временем переходит в свою противоположность, и то, что еще недавно дарило радость и успех, становится причиной бед и несчастий. «Солнце в зените начинает клониться к закату, полная луна — убывает, расцвет сменяется увяданием, а радость — печалью», — приводит цепь аналогий «Старец...». Древние китайцы постоянно помнили об этом законе бытия и старались, например, не вступать в родственные отношения с семьей, достигшей вершины успеха, ибо за головокружительным взлетом всегда следовали опала и казни. Тот, кто вовремя умеет отступить в тень, покинуть пост, спасает себя от гибели.

10

Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному? Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление недеяния, если познать все взаимоотношения в природе?

Создавать и воспитывать [сущее]; создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим *дэ*.

СПОСОБНОСТЬ СВЕРШАТЬ

Вместивши душу небесную
и земную,
Объявши единое —
Сможешь ли их удержать?!
Перегоняя дух ци до предела
смягчения —
Сможешь ли оборотиться
дитятей?!
Омыв и очистив
мистический взор —
Сможешь ли бельма его
устранить?

Людей возлюбя, направляя
царства —
Сможешь ли пребывать
в недеянии?!
Отпирая и запирая Врата
Небес —
Сможешь ли женственность
соблюсти?!
До белизны прояснив четыре
предела —
Сможешь ли неведение
сохранить?!

Рождай же и умножай!

Рождать не владея,
Свершать не гордясь,
Растить не начальствуя —
Вот что зовут сокровенною
благодатью!

В одной из китайских хрестоматий начала века, в примечаниях «на полях» (есть такой особый вид комментария), против этого стиха я нашел полную искреннего восхищения фразу: «Такое доступно только совершенномудрому — человек обыкновенный разве в состоянии такого достичь?!» Разумеется, вся книга обращена к человеку, решившемуся на высочайшее духовное продвижение, на духовный подвиг, но здесь впервые и зримо установлена верхняя планка: остановить смерть, повернуть вспять ход времени, рас-

смотреть внутренним взором все без изъятия... Тон и характер вопросов (а для непосвященного они звучат чисто риторически) напоминают обряд инициации, высшего посвящения: желающий войти в последнюю дверь должен знать на них ответы.

Вообще, стих десятый совершенно необычен. Даже те, кто склонны видеть в книге Лао-цзы произведение чисто философское, умозрительное, вынуждены признать, что в этом стихе отражены принципы так называемой «даосской йоги» («стих подчеркнуто говорит о совершенствовании тела» — ею шэнь, — пишет Чэнь Гу-ин).

Этот стих служит подтверждением тому, что его автор не был отвлеченным мыслителем европейского типа; его построения оказываются тесно связанными с медитативной практикой, и более того: сама медитация предстает перед нами как некий процесс овеществления, материализации мысли.

Процесс начинается с той ступени сосредоточения на Едином Дао, когда слияние становится неразрывным, когда внешнее не отвлекает и ничто уже не нарушает гармонии двух человеческих душ, небесной и земной, достигнутой в момент погружения в Абсолют. Погружение в себя — и в Дао — есть необходимая отправная точка так называемой «внутренней алхимии», когда, пропуская жизненную энергию, пневму ци по каналам своего тела — снизу вверх по позвоночному столбу, через мозг, вниз до «моря пневмы» или «киноварного поля», где находится воображаемый алхимический тигель, и далее — даос производит трансмутацию пневмы. В процессе «возгонки» и «осаждения» пневма превращается в чисто духовную субстанцию — шэнь, которая, накапливаясь в теле, сообщает ему качественно новые свойства. Ментально-дыхательная циркуляция способствует выведению из тела всего косного и застойного, всего «твердого», что принадлежит смерти.

Своими упражнениями, активизирующими самые разные центры, даосы стремятся не только остановить ход биологических часов, запрограммированных на саморазрушение организма, но и отвести их стрелки назад почти до нуля, до состояния младенца.

Следующая строка, где говорится о «Вратах Небес», вроде бы и понятна, однако конкретные ее толкования разнятся между собой чрезвычайно. Ясно то, что «Врата Небес» есть некий проход в высшие, горние сферы, таинственная дверь, открытая не всегда и не каждому. Древний словарь «Толкование письмен» (II в.) определяет это выражение как эвфемизм сердца человеческого, ибо оно одно есть скрытое чувствилище мира, способное познать Дао.

11

Тридцать спиц соединяются
в одной ступице, [образуя ко-
лесо], но употребление колеса
зависит от пустоты между [спи-
цами]. Из глины делают сосу-
ды, но употребление сосудов
зависит от пустоты в них. Про-
бивают двери и окна, чтобы
сделать дом, но пользование
домом зависит от пустоты в
нем. Вот почему полезность
[чего-либо] имеющегося зави-
сит от пустоты.

ПОЛЬЗА
НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО

Стягивают во втулку
тридцать колесных спиц —
А пользуются тем местом,
где их нет!
Месят и лепят глину,
изготовляя сосуд, —
А пользуются тем местом,
где ее нет!
Пробивают окна и двери,
строя землянку, —
И пользуются тем местом
где нет ничего,
Ибо от наличия — корысть,
А от отсутствия — польза.

«О пользе несуществующего», или, если угодно, «небытия», традиционно озаглавливается этот стих. Европейские переводчики практически не комментируют его: мысль автора парадоксальна, быть может, даже ошеломляюща, однако предельно ясна: наивысшая польза в том, чего нет, все сущее способно как-то функционировать лишь благодаря небытию, и само существование вещей этим небытием порождается. Взяли комок глины, сделали в нем углубление — и явился сосуд, прорезали в лессовом обрыве окна, двери, вынули все внутри — и получилось жилище. Диалектическое единство противоположностей обнажено здесь гениально просто, с изумительным мастерством.

Однако, если мы ограничим себя констатацией только этого факта, мы остановимся на уровне, уготованном для профанов. На мысль о существовании иного, скрытого, смысла наводит уже знакомство с образом колеса. Колесницы Древнего Китая превосходно изучены, сохранилось немало самих колес и особенно их отпечатков, но, увы, количество спиц в них всегда много меньше — даже в огромных колесницах Иньской эпохи, построенных за тысячу лет до создания «Книги Пути и благодати». И лишь недавно при раскопках окрестностей надгробного кургана первого китайского императора Цинь Шихуана была сделана поистине уникальная находка: бронзовая модель закрытой колесницы самого

Сына Неба: ровно тридцать спиц одна в одну сходилось в ступицах обоих ее колес. Второе свидетельство — письменное — находим среди сохранившихся фрагментов в главе «Записки о ремеслах» в конфуцианской «Книге ритуала».

Есть, безусловно, что-то сакральное, какая-то скрытая магия чисел в отличии колесницы Сына Неба от найденных тут же простых повозок; элемент ритуальности, несомненно, присутствует и в описании «эталонной» древней колесницы в «Лицзи». Впрочем, текст говорит сам за себя: «тридцать спиц в колесничьем колесе — по образу солнца и луны» — читаем мы в «Книге Ритуала». А «Старец с берегов Желтой Реки» в своем комментарии к книге Лао-цзы окончательно расставляет все по своим местам: «Колесницы древних имели по тридцать спиц в подражание числам месяца». «Древние делали колесницы по образу движения месяца, — подтверждает Ян Цзунь. — В месяце тридцать дней, в колесе — тридцать спиц. И вот месяц, повиснув в небе, кружится без устали, колесницы, катясь по земле, движутся без остановки». Образ мира, движущегося во времени, образ круговращения бытия — вот что такое сакральное колесо у Лао-цзы. И не только у него. Вспомним буддийский образ «колеса закона», еще более ранний индуистский образ «колеса перерождений», вспомним образ времени-солнца, которое символизировало колесо у европейских народов, от древних римлян до древних славян...

Но если колесо — это мир времен, смертей и рождений, смены образов и форм, то что же тогда ступица, к которой сходятся и из которой исходят спицы: та пустота, которая приводит в движение круг бесконечности, сама оставаясь на месте, которая порождает мириады изменений, сохраняя вечно свою неизменность?! Ну, конечно же, это Дао, которое так часто сравнивают с осью колеса! Не сам ли Лао-цзы в стихе четвертом описывал Дао почти так же, как ныне он описывает это средостение феноменального мира, пребывающего в вечном вращении: «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо». И многие авторы будут потом на разные лады варьировать образ Дао, благодаря которому «может двигаться Небо и покоиться Земля, а колесо вращаться беспрерывно» («Хуайнань-цзы»), или рассуждать о «круговерти гончарного крута и вращении ступицы колеса», все вновь и вновь возвращающихся к первоначалу (там же), опять-таки имея в виду Дао и создаваемый им мир.

Упоминание о гончарном круге подвело нас к следующему образу стиха — образу сосуда. В западной традиции — античной и христианской сосуд нередко являлся

метафорой человека. «Сосуд, который надо наполнить» мудростью или знанием, «сосуд греха», просто «сосуд мерзостный» или, напротив, «сосуд Божий» — каждый раз определение рождалось мыслью о том, что тело наше лишь вместилище, местопребывание души, и его должно наполнять светлой духовностью. Нечто подобное мы находим и в Китае: человека выдающегося не раз именуют «великим сосудом» в том смысле, что, подобно расставленной перед государем утвари, он способен утолить своею мудростью его духовный голод (а «общая посудина» — это уже о чиновниках). У великого Сюнь-цзы мы встречаем очень прозрачную ассоциацию с образом Лао-цзы в том месте, где он рассуждает о злой природе человека: «Гончар мнет глину и делает сосуд, но сосуд рождается от усилий мастера, а не от природы человеческой». И, наконец, как бы расшифровку строки Лао-цзы о сосуде мы находим среди рассуждений «Мудрецов из Южного заречья реки Хуай» («Хуайнань-цзы») о жизни и смерти. «Это сравнимо с тем, как гончар мнет глину. Взятая им и превращенная в сосуд, земля ничем не отличается от той, что от (прочей) земли еще не отторгнута. А сосуд разбитый, порушенный, и снова вернувшийся к своей первопричине, ничем не отличается от того, который пока остается сосудом.

Что касается третьего образа — образа дома, то по убывающей, после Вселенной и Человека, он должен был бы звучать метафорой сердца — ведь сердце в своих глубинах соединяет то и другое, а древние авторы нередко называют его обителью (шэ) или дворцом (гун) духа.

Дома не бывает без стен или кровли, ибо они очерчивают его пределы — бытийное творит формы. Однако не будь в доме пустот, им нельзя было бы пользоваться — как ни парадоксально, главным все-таки остается несуществующее, пользу приносит небытие. Выгода от существующего ясна каждому, но Лао-цзы вновь и вновь будет прославлять пустоту, ибо небытие есть бытие истинное.

12

Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус. Быстрая езда и охота волнуют сердце. Драгоценные вещи заставляют человека совершать преступления. Поэтому совершенномудрый стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи. Он отказывается от последнего и ограничивается первым.

СМИРЯТЬ ЖЕЛАНИЯ

Пять цветов ослепляют
глаз,
Пять звуков притупляют
слух,
Пять вкусовых ощущений
губят вкус,
Бешеная скачка охотников
в поле рождает
Безумие в сердце,
Товары, которых невозможно
достать,
Толкают на непотребное.
Потому-то у мудреца
Действуют не глаза,
а нутро.
Он отвергает «то»
И принимает «это»!

Пять цветов и пять звуков знаменуют собой как бы всю китайскую цветовую палитру и звуковую гамму («главные» цвета и «главные» звуки), всё разноцветье и всю разноголосицу мира; то же относится и к пяти вкусовым ощущениям. Суетный мир зовет к себе человека: настойчивые сигналы извне «забивают» его «внесенсорное» восприятие, делают человека невосприимчивым к истинному свету и слову. Мирское влияние способно проникать через все барьеры, вплоть до Духовного семени, и, заполняя собою человеческое существо, не оставить места ни для чего другого. «Жажда красивого ранит Духовное семя, — поясняет «Старец с берегов Желтой Реки». — (Человек) утрачивает просветленность и уже не способен различать цвета бесцветного. Когда наслаждаются пятизвучием, гармония жизненной силы ци теряется, и сердце уже не способно слышать беззвучное... А когда испытываешь пять вкусовых ощущений, утрачиваешь вкус Дао» (Хэшан-гун). «Слепнешь оттого, что рассеивается свет очей, — вторит ему Чжан Дао-лин, — ...если слишком много слушать, дух покинет тебя и ты станешь глухим (к истинному. — *И.Л.*)».

Феноменальный мир не просто препятствует истинному зрению, но также выводит из строя главное чувствилище Вселенной — человеческое сердце, возмущая его страстями. Отныне в этом взбаламученном водоеме

ции все окружающее может отразиться лишь в искаженном виде — или не отразиться вовсе.

Точно так же изнуряет дух и тело личность. Увы, тяга к стяжательству и стремление к духовному совершенствованию несовместимы.

«Следуя по Пути, приходишь к жизни, но не к товарам, — замечает по этому поводу Чжан Дао-лин. — Товар требует деятельности, обретение товаров мешает (постижению) Пути».

Единственный способ познать истину — отвернуться от «того», что вовне, «прекратить безумство зрения», изливающего мировую сперму «цзин наружу» (Хэшангун), и обратиться к «этому», что вблизи, внутри тебя, «пестуя там свой дух» (там же). Потому-то совершенномудрый «всматривается в бесцветное, вслушивается в беззвучное, всеми корнями уходит в пустоту, пресность и прозрачность, не пачкаясь в мире праха» (Гу Хуань).

13

Слава и позор подобны страху. Знатность подобна великому несчастью в жизни. Что значит слава и позор подобны страху? Это значит, что нижестоящие люди приобретают славу со страхом и теряют ее также со страхом. Это и называется — слава и позор подобны страху.

Что значит знатность подобна великому несчастью в жизни? Это значит, что я имею великое несчастье, потому что я [дорожу] самим собой. Когда я не буду дорожить самим собой, тогда у меня не будет и несчастья. Поэтому знатный, самоотверженно служа людям, может жить среди них. Гуманный, самоотверженно служа людям, может находиться среди них.

ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ ПОЗОРОМ

Почет и милости есть как бы
предостережение.
Цени великие печали
подобно телу своему.
Что это значит — «почет
и милости есть как бы
предостережение»?!
Почет есть нечто
низкое:
Со страхом обретаешь его,
Со страхом и теряешь,
Поэтому и говорят «почет
и милости есть как бы
предостережение».
А что же значит «цени
великие печали подобно
телу своему»?!
Великие печали
я имею,
Поскольку обладаю телом,
Когда же у меня не станет
тела,
О чем печалиться?!
Тому, кто ценит мир, как
собственное тело,
Пожалуй, можно мир
вручить.
Тому, кто любит мир, как
собственное тело,
Пожалуй, можно мир
доверить!

Смысл стиха достаточно ясен, если не считать одного маленького нюанса: иероглиф, который мы даем в его буквальном значении — «тело», в переносном смысле употребляется для обозначения понятия индивида, человеческого «я». То, что в русском языке квалифицируется как «личность», в древнекитайском звучало бы как «телесность»; индивидуальность здесь идентифицировалась не с лицом, а с телом. В свою очередь человеческое «я» слагается из страданий и скорбей — они составляют как бы эмоциональную плоть, в которую облекается Духовное

семя. Здесь ориентированность в сторону внешнего мира играет свою роковую роль: мы страдаем, ибо придаем значение таким «низменным» вещам, как почет, слава, милости вышестоящих, которые с легкостью обращаются в свою противоположность. Отказываясь от собственного «я», человек отказывается и от своих скорбей, а лишаясь тела, он оставляет вместе с ним и все свои страдания. «Ежели у меня не будет тела и я воплощусь в Дао, буду естественно и легко вздыматься к облакам, входить и выходить там, где нет (ни малейшего) зазора, буду с Дао единым духом — какие у меня тогда будут печали?!» — восклицает по этому поводу «Старец с берегов Желтой Реки».

И разумеется, только человек, способный отказаться от личного ради блага других, может быть истинным Сыном Неба — ему спокойно можно вручить Поднебесную, точно так же как растворившийся в «не-я» способен овладеть всем миром и оставаться его подлинным владыкой. Ну, а слава и монаршие милости могут служить для такого лишь напоминанием, что все бренно и переходит в свою противоположность: «Занимая высокий пост, он чувствует себя словно бы стоящим над обрывом». Впереди — только опасность, а быть может, и падение в бездну. Потому-то печали тела, страдания телесные предпочтительнее. Их следует ценить, ибо они есть нечто искони присущее человеку, он обретает их вместе с земным телом своим ради шествия по Пути. И они же есть залог будущего избавления от страданий. Так что не следует стремиться к славе и почету, которые служат знаком неблаговещим, являются предостережением для того, кто еще способен отказаться от честолюбивых замыслов. «Сильный и своевольный умирает недоброй смертью», — говорит Лао-цзы...

14

Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не надо стремиться узнать об источнике этого, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается к небытию. И вот называют его формой без форм, образом без существа. Поэтому называют его неясным и туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, следую за ним и не вижу спины его.

Придерживаясь древнего *дао*, чтобы овладеть существующими вещами, можно познать древнее начало. Это называется принципом *дао*.

ХВАЛА СОКРОВЕННОМУ

Именую незримым,
Ибо смотрю на него —
и не вижу,
Именую безмолвным,
Ибо вслушиваюсь —
и не слышу,
Именую бесплотным,
Ибо, притронувшись,
не ощущаю...
И то, и другое, и третье
Невозможно постичь
до конца —
Они же слились в единое...
Не светлы вершины его,
Не темны низины его,
Тянется, тянется —
Ах, имени не подобрать! —
И возвращается вновь
к невещественному...
Это, можно сказать, формы
без форм,
Образы без вещей,
Можно сказать, нечто
мерцающее...
Иду навстречу — и не вижу
начала его.
Поспешаю вослед —
и не вижу конца его.
Лишь овладев Древним
Путем,
Взнуздаешь сегодняшнее
бытие
И сможешь познать Начало
Начал,
Откуда идет нить Пути!

Перед нами — одно из наиболее замечательных мест книги, попытка апофатического описания Дао, когда автор, тщась подобрать эпитеты Невыразимому, лишний раз демонстрирует изначальное бессилие языка выразить Истинную Сущность. Думаю, ошибется тот, кто примет эти строки за плод холодного рассудка, за отвлеченное философское построение, — Лао-цзы всматривается, вслушива-

ется, пытается прикоснуться, он всплывает в незримом потоке и опускается в его глубину, следует вдоль путеводных нитей, идущих от самого Начала времен... Он то поспешает вперед, стараясь опередить Дао, то медлит в тщетной надежде увидеть его конец, он словно сам присутствует среди этих бесплотных образов, видит нечто едва брезжущее, но не в состоянии переложить в слова то, для чего никаких слов не существует. «Уста не могут выразить речами, писания не могут передать, — поясняет эту картину один из ранних комментаторов Гу Хуань, — нужно сосредоточиться на этом в тишине и постигать это духом», т.е. пройти теми же запредельными тропами, которыми прошел Лао-цзы.

В мире бытия все делится на Инь и Ян, на Тьму и Свет, на тяготеющее к земле и на стремящееся ввысь. Но вне предела вещей и форм царствует нерасчлененное единство хаотической однородности — свет не озаряет вершины, тьма не сгущается в глубине. У Пути в пространстве и времени нет ни начала (букв. «головы»), ни конца (букв. «спины»). Безостановочно вращается водоворот Дао, пронося свои волны сквозь видимый мир, но в его запредельности прошлое сливается с будущим, и возвратившись вместе с Дао к истоку времен (букв. «началу древности»), ты становишься хозяином самого себя и всего этого мира.

15

В древности те, кто были способны к учености, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, [я] произвольно даю [им] описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными подобно долине; они были непроницаемыми подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным, содействовали жизни. Они соблюдали *дао* и не желали многого. Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового.

ЯВЛЕННАЯ БЛАГОДАТЬ

В древности, искусные
в постижении
Дао-Пути,
Проникали в мельчайшее,
в неуловимое,
в сокровенное
Так глубоко — невозможно
постичь!
А коль скоро постичь
невозможно,
Опишу их, насколько я
в силах:
О, как чутки они — будто
зимой переходят
вброд (полноводную)
реку!
Как осторожны — словно
боятся соседей
со всех четырех сторон,
Как невозмутимы —
будто бы (званые)
гости,
Как осмотрительны —
будто бы на подтаявшем
льду,
Как естественны — будто бы
древо девственное,
Как отверсты — будто
долина (речная),
Как нераздельны —
будто (осевшая) грязь!
Кто способен упокоить себя
в (осевшей) грязи
и через это очиститься?
Кто способен в успокоении
двинуться
и через это родиться?
Хранитель Пути не жаждет
ничто
наполнять,
Ибо только не наполняя
Можно в ветхости (не иметь)
нового становления!

16

Нужно сделать [свое сердце] предельно беспристрастным, твердо сохранять покой, и тогда все вещи будут изменяться сами собой, а нам останется лишь созерцать их возвращение. [В мире] — большое разнообразие вещей, но [все они] возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, а покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством. Знание постоянства называется [достижением] ясности, а незнание постоянства приводит к беспорядку и [в результате] к злу. Знающий постоянство становится совершенным; тот, кто достиг совершенства, становится справедливым; тот, кто обрел справедливость, становится государем. Тот, кто становится государем, следует небу. Тот, кто следует небу, следует *дао*. Тот, кто следует *дао*, вечен, и до конца жизни [такой государь] не будет подвергаться опасности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К КОРНЮ

Дойдя до пределов пустот,
Сосредоточусь в
недвижности и покое.
Здесь сотворяются купно
мириады вещей,
И я наблюдаю за их
возвращением.
Вот вещи роятся —
И каждая снова вернется к
своим корням.
Возвращение к корню —
это успокоение.
В успокоении — обретение
новой судьбы,
В обретении новой судьбы
(проявляется) вечность,
В познании вечного —
просветление.
Не познавшие вечного,
В ослепленьи творят
злодеяния,
Познавший же вечное
вмещает его в себя.
Вместивший его — уже не
своекорыстен,
Не своекорыстный — это
Владыка.
Владыка — есть Небо,
Небо — есть Путь,
А Путь долговечен.
Пусть тело исчезнет — ты не
погибнешь!

По мнению исследователей, стих шестнадцатый — один из самых важных для правильного понимания Лаоцзы. В нем сплетены воедино вопросы бытия, смерти и бессмертия, разрешить которые возможно только выйдя за пределы обыденного сознания и суетного существования;

путь же к этому выходу — медитация, погружение в пустоту и успокоение вибраций ци.

Само название стиха как бы предваряет ход мысли читателя, подсказывает ему Путь. Ведь в древней китайской литературе «возвращение» есть аллегория смерти, точнее даже не аллегория, а просто синоним, другое наименование, ибо все мы являемся в этот мир лишь ненадолго, обитель же наша находится в иных пределах.

Медитирующий даос, пребывающий за гранью бытия, опускающийся духом в космические бездны и наблюдающий там не иссякающий источник жизни, как бы приобщается к вечности. И это дает ему не просто знание, но духовное просветление. Отныне он уже отстранен от того зла, которое безрассудно продолжают творить другие, он более не своекорыстен, не думает только о себе, ибо познал единство мира и слиянность всего живого. А коль скоро он утратил свой эгоизм — он обретает не доступную прежде целокупность собственного существа, предельную гармонию тела и духа. Отныне он достоин быть владыкой и государем, долг которого пестовать подданных. Он может стать идеальным руслом, по которому небесная благодать Дэ изольется на каждого без изъятия.

17

Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает. Поэтому, кто не заслуживает доверия, не пользуется доверием [у людей]. Кто вдумчив и сдержан в словах, успешно совершает дела, и народ говорит, что он следует естественности.

ВЕЯНИЯ ВЕРНОСТИ

Превыше всего,
Когда низший лишь
знает, что (государь)
существует,
Несколько хуже —
Когда близок ему и его
почитает,
Хуже —
Когда боится,
И худо совсем,
Когда обманывает
(владыку)!
Неверность случается,
Когда доверия
недостает...
Пребывавшие в
праздности —
О, они дорожили
словами!
Заслуги копились,
Следом являлись дела,
А народ все твердил:
«Мы сами стали такими!»

Наиболее принятая трактовка этого стиха — понимание его как описания процесса деградации человеческого общества, его постепенного нисхождения от золотого века безымянных совершенномудрых государей далекой древности к полному смут веку Лао-цзы. Век этот, уже скрытый от нас где-то во мгле времен, тоже виделся его современникам неким пределом падения, последней ступенью, когда государи перестали доверять своим подданным, а те отвечали им постоянными бунтами и изменами. Именно так преподносит нам семнадцатый стих «Старец с берегов Желтой Реки» («Доверия государя не хватало на подданных, подданные же отвечали ему неверностью и обманывали владыку...»). Противоположностью этому суетному веку выпущенных на волю страстей виделось прекрасное начало Поднебесной, когда государи, «страшась отойти от Дао-Пути и утратить естественность» («Старец...»), «пребывали в недеянии и вели бессловесное поучение, тем самым творя все сущее... низшие же только знали, что государь существует — и все!»

(Ван Би). Совершенномудрые прошлого вершили свою истинную, космическую миссию, не вмешиваясь в дела Поднебесной, не насилуя естественный ход вещей, — они были великими медиумами, черпавшими силу из Дао и дарующими ее народу. Они аккумулировали всесильную духовную энергию — ту, что в древней Индии именовалась тапас («заслуги копились» — «гун чэн»), — и им уже не было необходимости вторгаться во внешний мир вещей, расточать слова или совершать деяния — дела устраивались сами собой. Настолько сами собой, что люди оставались в полной уверенности, будто всем обязаны только себе, — эта уверенность их впоследствии и погубила.

18

Когда устранили великое *дао*, появились «человеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие. Когда шесть родственников в раздоре, тогда появляются «сыновняя почтительность» и «отцовская любовь». Когда в государстве царит беспорядок, тогда появляются «верные слуги».

МИРСКОЕ ИСТОНЧЕНИЕ

Когда Великое Дао пришло
в умаление,
Явились «милосердие»,
«справедливость»
и «долг».
Когда вышли наружу
мудрость
и знания,
Возникла большая ложь,
Когда между
родственниками
воцарились раздоры,
Возникли «сыновняя
почтительность»
и «родительская
забота»,
Когда в стране начались
беспорядок
и смута,
Явились «верные
подданные»...

Великое Дао вечно и неуничтожимо, его «дольний дух» бессмертен, его не может быть «больше» или «меньше». Однако в этом стихе речь идет не о Дао вообще, а о Дао «для нас». Мир людей все больше грязнится, замыкаются сердца, забиваются русла, и поток живительного Дао постепенно мелеет и иссякает. Чтобы чем-то возместить сокровища утраченной естественности, восполнить богатства Дао, людям приходится идти на ухищрения. «Во времена Великого Дао дети в семьях были почтительны, в стране можно было наблюдать верность, преданность, милосердие, справедливость и долг, — говорит «Старец с берегов Желтой Реки». — Когда же Великое Дао пришло в упадок и не использовалось, а против жизни ополчилось зло, тогда-то и явились милосердие, справедливость и долг, дабы передавать Дао (из поколения в поколение)... явились сыновняя почтительность и родительская забота, дабы пасти и пестовать друг друга... явились верные подданные, дабы приходить на помощь и спасать государей». Установления человеческой морали есть лишь некий суррогат, призванный заменить то, что по сути своей они заменить не могут, — искреннее чувство, естественное движение души...

Лишившись абсолютной Истины, человек опускается в зыбкий мир относительного с его неопределенностью понятий и множественностью условностей, в мир, где «самые прекрасные слова порождены величайшим злом» — утратой Дао, и где «прекрасное и злое выходят из одних дверей» (Ван Би). В этом смысле стих восемнадцатый продолжает тему второго стиха, где само понятийное осмысление мира, «познание добра и зла» рассматривается как признак внутреннего упадка, нисхождения на уровень зла. «Некогда китаец преподнес японцу книгу с описанием двадцати четырех знаменитых примеров сыновней почтительности, — иллюстрирует эту идею один из комментаторов «Дао дэц зина». — Японец был чрезвычайно удивлен тем, что сыновняя почтительность в Китае, по-видимому, столь редкая вещь, раз за всю историю удалось набрать всего двадцать четыре примера. В Японии же сыновняя почтительность — дело столь обычное, что никто о ней и не говорит, а любопытствующий мог бы насчитать разве что двадцать четыре примера непочтительности» (Р.Вильгельм). Человеку, приобщенному к Дао и обладающему истинной нравственностью, искусственные моральные нормы и понятия просто не нужны: в присутствии Дао меркнут «сыновняя почтительность и родительская забота, исчезают милосердие, справедливость и долг подобно тому, как становятся неразличимы звезды при ярком свете солнца и луны» («Старец...»). Приобщенный к великим энергиям высших сфер, человек абстрагируется от земного, которое остается где-то вовне его сознания, расширившегося до пределов Вселенной. «Рыбы забывают друг о друге в Дао рек и озер», — поясняет Ван Би восемнадцатый стих.

19

Когда будут устранены мудрствование и ученость, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и «справедливость», народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освобождаться от страстей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ВЕРНОМУ...

Порви с премудростью,
отринь знания —
И народная выгода возрастет
во сто крат.
Порви с «милосердием»,
отринь «справедливость»
и «долг» —
И вернутся в народ сыновняя
почтительность,
родительская забота.
Порви с хитроумием, отринь
корысть —
И не станет грабителей
и воров.
Эта триада — внешний узор,
который без пользы.
Потому пусть пребывает
исконное:
Пусть явлен будет
некрашеный шелк простоты,
внутри же таится
девственное древо,
Немногие мысли,
единственное желание...

Здесь мысль предыдущего стиха получает свое логическое развитие: коль скоро человеческая мудрость и мораль являются своеобразным продуктом «порчи» человечества, сомнительным заменителем естественных чувств и приобщения к истине, вполне законно стремление отказаться от этих приобретений прогресса и вернуться к первоистокам. Отбросить «придуманную» ложную мудрость и жалкое поверхностное знание, не способные прибавить человеку счастья, — таков призыв Лао-цзы.

Текст этого стиха Лао-цзы, в отличие от многих других, удивительно ясен и недвусмыслен; не случайно в «Хрестоматии по Лао-цзы» весь комментарий к нему ограничивается... тремя строками! Как считает ее составитель, «этот стих призывает отринуть носимые по поверхности лепестки цветов, оставив девственное древо и необработанный шелк», т.е. отказаться от яркого, привлекающего взгляд, но легковесного, временного и несущественного

ради неприкрашенной естественности и вечной сущности. Лао-цзы выдвигает всего три требования, однако они стоят многих. Отбросить всю человеческую премудрость, отбросить «искусственную» нравственность и отказаться от любых корыстных ухищрений — значит уничтожить всякую побудительную мотивацию человеческой активности. Лао-цзы очень точно нащупал три главных двигателя человеческого прогресса, действующие в трех измерениях его существования: жажду материального благополучия, активизирующую процессы производства, накопления и технического усовершенствования, жажду знания, приводящую к появлению науки и в конечном счете — к космической экспансии человечества, и наконец, категории нравственные, категории идеологические, которые включаются там, где почему-либо оказываются недейственными человеческая корысть или человеческая любознательность.

Иногда этот стих рассматривают как антиконфуцианскую критику Лао-цзы, однако, как мне кажется, патриарх даосизма мыслил шире. Недаром же в следующей строке он говорит о вэнь — внешнем узоре, который наносят на благородную древесину, чтобы «украсить» ее. От этого, первоначального, значения слова «вэнь» идет другое — узор, который накладывает человек на свою изначальную природу, дабы стать лучше и совершеннее, отличить и выделить себя среди других, явить людям знак своей сущности. Так слово «вэнь» стало синонимом культуры, некоего цивилизующего начала, цель которого «изменять народ к лучшему» (хуа минь).

Одновременно вэнь — это литература, поскольку вязь иероглифов есть также узор человеческий, призванный воплотить в себе биение Дао. Можно спорить, какое именно значение вэнь имеет здесь в виду Лао-цзы, говоря о его недостаточности, бессилии сделать человека счастливым. Из слов «Старца с берегов Желтой Реки» можно понять, что он подразумевает поверхностный «культурный» слой в целом, а «Небесный наставник» Чжан ополчается прежде всего против «внешних» книг, т.е. чуждой даосизму литературы, проявляя при этом необычное многословие и пыл. Однако, исходя из требования Лао-цзы отказаться от всех трех побудительных мотивов развития, да и других его высказываний (например, в стихе 80), Лао-цзы можно считать противником цивилизации вообще. Он убежденный сторонник «человека естественного» — и потому призывает «взирать на некрашеный шелк и лелеять внутри себя девственное древо», к которому не прикасалась еще ничья рука.

20

Когда будет уничтожена ученость, тогда не будет и печали. Как ничтожна разница между обещанием и лестью и как велика разница между добром и злом! Надо избегать того, чего люди боятся.

О! Как хаотичен [мир], где все еще не установлен порядок. Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребенку, который не явился в мир. О! Я несусь! Кажется, нет места, где мог бы остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружен во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несется в мирском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого. Только я один отличаюсь от других тем, что вижу основу в еде.

СТРАННЫЙ НРАВ

Отринь ученость —
и исчезнут печали!
«Да» и «нет»
Далеко ль отстоят друг
от друга?!
Добро и зло
Во многом ли различимы?!
Того, чего люди страшатся, —
Нельзя не страшиться,
Но как далеко им, увы,
До просветленья!
Люди веселы и беззаботны,
Словно идут на великий
жертвенный пир,
Словно восходят весною
на пагоду.
Один лишь я — озеро, что
не колышется,
Я, как младенец, еще
не ставший дитятей.
О, как истомился —
и, кажется, нет
возвращенья...
Люди во всем имеют избыток.
И лишь я один словно бы
все отринул.
Ведь я же — сердце глупца,
В котором Хаос!
Суетным людям все
ясно —
Один лишь я темен;
Суетным людям до всего
есть дело —
Один лишь я равнодушен.
Безбрежно широк, словно
море.
Как ветер, не знаю преград...
У всех людей есть уменье —
И только лишь я бестолков,
как дикарь.
Один лишь я не похож на
других,
Ибо кормилицей своей
дорожу!

NB ***От мудрой естественности наивного младенца — к младенческой естественности умудренного старца. Эта формула идеального жизненного пути личности приготовлена по главному даосскому «рецепту», утверждающему, что все вещи связаны со всеми вещами. Живущим надо лишь не забывать соединять вновь все то, что когда-то было с любопытством разъято по пути. А лучшим признаком успеха в овладении этой незатейливой высшей мудростью будут непритязательность и спонтанность — обязательные атрибуты даосской «методологии» во всех без исключения сферах ее применения.***

Первый вывод из даосского рецепта всеобщей связи: нет никакой отдельной мудрости знания вне действия, практики, опыта. Именно опыт внутренне совершенен. Надо лишь вырастить в себе верное отношение к опыту, и тогда становятся равно естественны — шаблон и творчество, очевидное и непознаваемое. Мудрый не разделяет корни, природу и формы этого автоматизма (инстинкт, знание, привычка?) — это автоматизм интуиции. Внутренняя сторона этого автоматизна есть преодоление субъективного произвола — воли и сознания, внешняя — отказ от заведомо иллюзорных и ненужных уже форм и опор. И тогда естественная целостность являет себя во всем.

В эстетике это принцип одной черты. Черта в данном случае воспринимается как импульс воли, кладущий предел великой несотворенной целостности, когда она еще не рассеяна, когда в искусстве нет еще приемов. С точки зрения европейца овладение приемом — часть становления мастера, который на пути от подражания к творчеству проходит ступени творческого подражания и подражательного творчества. Для даоса акцент иной: низшее знание доступно накоплению, а высшая мудрость открывается внезапно и целостно.

В жизни это китайский вариант религиозного, социально-культурного синкретизма. Функциональная зарегулированность конфуцианства, философствующая бездеятельность буддизма, погружение в глубины Дао могут сосуществовать либо как закономерно сменяющиеся тональности возрастных циклов, мотивов и форм поведения, либо как самые неожиданные и причудливые их смешения, индивидуальные и ситуативные. Мудрость Дао окрашивает эти превращения радостным ощущением полноты бытия.

В познании это свой взгляд на реальность, который сегодня нередко обнаруживает неожиданные преимущества как философское основание даже в ряде естественнонаучных исследований. Европейская мысль на пути грандиозных научных успехов неизбежно и последовательно взращивала также и внутренне присущие ей ограничения. Выделяя и формализуя идеальные объекты, теоретические знания и процедуры, формируя сопутствующие нормы, такие, например, как требования к классическому эксперименту с изменением одного параметра, наука встала перед серьезнейшими проблемами. Все чаще звучат слова о недостаточности аксиоматически-дедуктивных теорий.

Суховатая и холодная квазиматематическая древнекитайская метафора мироздания, представляющая мир как комбинаторику отношений, кажется, дождалась своего часа. С другой стороны, исконно присущая даосской философии идея нерасчленимости

субъекта и мира также берет реванш в науке. Даосские представления о возможностях (заметим, «недиалектических») единства внутреннего опыта и внешних форм духа, отсутствие какой-либо четкости во взаимоотношениях субъективного и объективного, традиционно воспринимаются как признаки архаичности, незрелости. Но сегодня, когда общепризнана прямая связь гуманитарного познания с установками и ценностями исследователя, когда расширяется сфера применения неклассического типа научной рациональности, учитывающего прямую зависимость средств познания объекта и наших знаний о нем, в даосской архаике обнаруживается все больше живых зерен ценного опыта. А если обратиться к актуальнейшей теме синтеза естественных, общественных и гуманитарных наук и соответствующих типов научного мышления? А если учесть, например, эффект, который производят открытия в квантовой физике, стирающие грани между материей и энергией, временем и пространством? Такие разные сферы: эстетика, социум, наука, человеческая психика, космос... Поневоле приходится задуматься, а так ли уж прост и грубоват вершинный опыт Дао: все это — одно и то же?

Для учителя этот вопрос вдвойне важен, поскольку решать его приходится по-своему, одновременно и параллельно с большой наукой. Если в объекте исследования каждый может обнаружить «нечто, что есть в нем самом», то образовательный и воспитательный эффект таких открытий наполовину зависит от позиции, от профессиональной и человеческой культуры учителя. И я верю, что опыт традиции, даже самой чуждой, но глубокой и цельной, — далеко не худшее средство выковывания и развития этой культуры.

В этом стихе Лао-цзы продолжает свою инвективу против мирского, вульгарного знания, против столь ценимой людьми учености, бессильной постичь сущность мира. Ложное значение способно лишь умножить горести человеческие; слова Лао-цзы звучат почти как парафраз библейского: «Во многом знании много печали» (Екклезиаст). Нет, человек истинного знания должен быть иным, чем дети мирской суеты. Он отказывается от призрачных радостей, которые дарует этот мир. Пусть его томит нелегкий жизненный путь, пусть порой кажется почти нереальным возвращение в вечную обитель, из которой он вышел, для него нет ничего превыше извечной кормилицы и прародительницы всего сущего — Дао, и припадая к ее сосцам, он обретает безбрежность океанских просторов, свободный полет ветра. А для того чтобы вернуться к первоначалу всех вещей, надо внутри себя вернуться к началу времен. Надо уподобиться ребенку, который только родился и еще не умеет смеяться, а может быть, даже стать таким, каким был во чреве матери. Нужно воротиться сердцем своим во тьму первозданного хаоса, в невозмутимость покоя, в отсутствие движения мысли. И это обращение к вечной первооснове мира сулит человеку истинного знания избавление от того, что равно страшит и мудреца, и профана, — избавление от смерти.

«Дао творит жизнь как награду Добру, творит смерть ради устрашения Зла. Смерть — вот чего страшится человек! Святым правителям и мужам, а также людям суетливым равно ведомы страх смерти и радость жизни, однако же ведут они себя различно, — пишет Чжан. — ...Человек суетный хоть и боится умереть — никак не может поверить в Дао, его тянет творить дурные дела — как же ему избавиться от смерти? А муж святой, страшась смерти, верит в Дао и придерживается Учения, потому находится в гармонии с жизнью».

21

Содержание великого *дэ* подчиняется только *дао*. *Дао* бестелесно. *Дао* туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью.

С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаем начало всех вещей? Только благодаря ему.

ОПУСТОШЕНИЕ СЕРДЦА

Обличие могучей
благодати
Зависит только от Пути,
А Путь, овеществившись,
Едва лишь различим, едва
мерцает...
Но в непроглядности,
в мерцании
(Уже) есть Образы,
В мерцании,
в непроглядности
(Уже) есть вещи,
В кромешном мраке
Сокрыты Семена.
Те Семена — глубинно-
истинны,
В них — достоверное.

Название стиха «Опустошение сердца», которое как будто не имеет никаких соответствий в самом тексте, тем не менее весьма многозначительно. Оно говорит о работе духа, обязательной для процесса медитации, когда мысли усилием воли изгоняются из сердца — сознания (синь), опустошение есть обязательная ступень, предшествующая наполнению, когда очистившееся, раскрывшееся сердце становится доступным глубинному току Дао. Именно тогда Дао становится как бы вещью для медитирующего: постепенно он начинает что-то видеть, что-то различать... Образы, таящиеся в глубинах Дао, суть прообразы всего сущего; зыбкие и являющиеся как бы противоположностью четким земным формам, они едва брезжат, чуть различимы, но в них берут начало любая вещь, явление и событие.

Как и в ряде других стихов, Лао-цзы выступает здесь явным визионером; погрузившись в невидимый поток Дао, он на этот раз прозревает самую основу вечного мира — мировую сперму цзин, те Семена истины, из которых рождается все живое.

«Небесный наставник» Чжан недвусмысленно связывает это нисходящее от Абсолюта зерно истины с понятием Добра, без которого семя Дао существовать не может. «Уподобим также Семена воде в запруде, тело — запирающей запруду плотине, а добрые дела — источнику, — пишет он в своем комментарии к этому стиху. — Ежели то, и другое, и третье в наличии, запруда тогда крепка и полноводна. Но ежели сердце не устремлено к Добру, тогда нет запирающей запруду плотины и вода из нее непременно уйдет. А если добрые деяния не накапливаются, источник засорится и вода непременно высохнет».

22

В древности говорили: «Ущербное становится совершенным, кривое — прямым, пустое — наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигаешь многого; стремление получить многое ведет к заблуждениям». Поэтому совершенномудрый внемлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной.

Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной.

Слова древних: «Ущербное становится совершенным...» — разве это пустые слова? Они действительно указывают человеку путь к [истинному] совершенству.

ПОЛЬЗА СМИРЕНИЯ

Склонившийся — уцелеет,
Согбенный распрямится,
Глубокое — наполнится,
Ветхое — обновится,
Имеющий мало —
обрящет,
Алчущий многого —
усомнится.
Потому-то Мудрец, что
сосредоточился
на Едином,
Есть мерило для мира:
Себя не выставляет —
И потому известен,
Себя не утверждает —
И потому признан,
Сам не нападает —
И потому имеет
заслуги,
Собой не кичится —
И потому долговечен.
В мире нет никого,
кто бы мог
его побороть,
Оттого что он не вступает
в борьбу.
Так неужто древнее
изречение: «Склонившийся
да уцелеет»
суть пустые слова?
Воистину, с ними приходит
целокупность.

Лао-цзы снова сталкивает между собой мир истинных ценностей и ценностей мнимых, подчеркивая, насколько условно все то, чего жаждет человеческая гордыня, и сколь благостно самоумаление, ибо оно получит награду. «Как говорил Лао Дань: все люди жаждут счастья, и лишь я один хочу, склонившись, уцелеть», — вспоминал впоследствии первую строку этого стиха великий Чжуан-цзы. Точнее было бы перевести не «уцелеть», а «сохранить свою целостность» — в том смысле, в каком «целой», «без изъяна» должны быть, согласно Библии, жертва Богу или благородный муж, согласно Конфуцию. Счастье, к которому стремятся все, имело в древнем Китае четко очерченные параметры: знатность, богатство, благоденствие рода. Ради их достижения приходилось платить многим — и прежде всего самим собой, расточая дух свой в суетном борении корысти и тщеславия. Пусть «алчущий многого — усомнится», стоит ли предмет его вожделений того, что при этом будет потеряно. В мире действуют закон воздаяния и закон возмездия. Как позднее будет сказано в Евангелии: «...есть последние, которые станут первыми, и есть первые, которые станут последними» (Евг. от Луки, 13, 30); или как сказано было раньше в «Книге Перемен»: «то Тень, то Свет — таков Путь». Поэтому не нужно роптать и завидовать: неумолимая пульсация стихий в Великом пределе в конце концов любую судьбу переведет в ее противоположность. «Слишком хорошо — тоже не хорошо» — это человек всегда чувствовал интуитивно. В красочной греческой легенде царь Поликрат, находившийся на вершине мыслимого благоденствия, пытался откупиться от грядущей судьбы перстнем — и не имел успеха. Срединный же путь, столь почитаемый мудрецами Китая, залог того, что и разочарование не станет чрезмерным.

Лучше же всех участь даосского мудреца: обративши взор внутрь себя, в глубины Дао, и сконцентрировавшись на Едином, он постигает в медитативном трансе Начало вещей и тем становится их хозяином. Все многочисленные «не», которые характеризуют его поведение во внешнем мире, можно охарактеризовать двумя словами: «смирение» и «недеяние». О всесилии недеяния мы еще прочитаем у Лао-цзы не раз. А к теме смирения он вернется всего через один стих, нарисовав на этот раз уже того, кто «не смирён» и находится во власти гордыни.

23

Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек. Поэтому он служит *дао*. Кто [служит] *дао*, тот тождествен *дао*. Кто [служит] *дэ*, тот тождествен *дэ*. Тот, кто теряет, тождествен потере. Тот, кто тождествен *дао*, приобретает *дао*. Тот, кто тождествен *дэ*, приобретает *дэ*. Тот, кто тождествен потере, приобретает потерянное. Только сомнения порождают неверие.

ПУСТОТА И НЕБЫТИЕ

Естественны редкие
речи.
Ведь и буйный ветер
не дует все утро,
Дождь проливной не льет
целый день.
Кто их сделал такими?
Небеса и Земля.
Но если уже (Небесам
и Земле)
Не под силу долгие
(проявления),
Куда человеку?
Посему, посвятивший себя
Пути —
Соединится с Путем,
Благодатный
С Благодатью соединится,
Бренный
Соединится с бренным...
Того, кто соединен с
благодатью, —
И Дао благодатью своей
осенит,
Того, кто с бренным
соединен,
И Дао отринет.
Но коли веры недостает,
Является неверие...

О чем этот стих? Как утверждает старая китайская хрестоматия, «о том, что все подобное притягивается друг к другу». И прежде всего речь идет о предвечном Пути, ибо слова «пустота» и «небытие», поставленные «Старцем с берегов Желтой Реки» в заголовок, есть его, Дао, синонимы и определения. Синонимом и атрибутикой его является также понятие естественности, а точнее самодостаточности, самотождественности (цзыжань), возникающее уже в первой строке, — дальше же Путь упоминается под собственным именем.

Дао есть также гармония — именно она лежит в основе функционирования Вселенной, — и любые крайние проявления не соответствуют ее Пути, а потому могут

быть лишь кратковременными. Любое буйство природы: буря, ливень, какие-то катаклизмы — суть лишь эпизоды, нарушение размеренного движения механизма природы, и она, как саморегулирующаяся система, тем или иным путем устранит этот сбой (в наше время похоже на то, что она же готова устранить самого человека — причину нарушения естественных ритмов). Речь, так же как и дыхание, есть безрассудное расточительство драгоценной жизненной праны ци, и хотя бы потому следует избегать многословия; вообще же предпочтительнее безмолвное поучение, когда мысль передается «от сердца к сердцу». Привычка «редко говорить» означает, по словам патриарха Чжана, «погружение в покой и прозрачность, в гармонию с естественностью», что обещает жизнь долгую, в единении с Дао.

Вообще каждому человеку следует сделать свой выбор и скорее определить, с чем он связывает свою судьбу: с истинным или иллюзорным и обманчивым, с вечным или бренным и временным. Увы, буйство страстей сулит ему самую печальную участь, ибо оно сиюминутно, преходяще, и такой же преходящей становится природа человека, подверженного страстям. Тот, кто не уподобился Дао, будучи в вещном мире, кто не осенен его эманацией Дэ, которая проявляется в людях как Добродетель, о том Лао-цзы говорит: «потерян». «Потеря соединится с потерей» — таков буквальный перевод строк 13—14. Абсолют не отталкивает от себя человека, пекущегося о бренном, — просто они чужды друг другу, а только «вещи одного рода друг к другу возвращаются, одинаково звучащие друг другу откликаются, (сотканные из) одинакового эфира ци друг к другу стремятся...» (Гу Хуань). Похоже, мысль о том, что «каждому будет дано по вере его», брезжит уже у Лао-цзы.

24

Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из *дао*, все это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий *дао*, не делает этого.

МУКИ — И МИЛОСЕРДИЕ

На цыпочках
(Долго) не простоишь,
Подпрыгивая
(Далеко) не уйдешь.
Кто сам себя выдвигает —
Не добьется известности,
Кто сам себя утверждает —
Не получит признания,
Кто нападает своевольно —
Не обретет заслуг.
Самовосхваление
Продлится недолго.
Для Дао все это —
Уродство алчности.
Кого-то оно,
Наверно, озлобит.
Потому обладающий Дао
Этого избегает.

Последние две строки, правда, читаются в разных истчниках различно. Так, в обеих рукописях, извлеченных из захоронения Мавандуя, речь идет не о человеке, «обладающем Дао», а, напротив, о человеке, «обладающем желаниями», т.е. находящемся еще во власти страстей. Ему свойственно тщеславие, но он старается себя контролировать, дабы избежать пагубных последствий. Ну а «обладающий Дао», как можно понять из объяснения «Старца с берегов Желтой Реки», достаточно совершенен, чтобы ему грозил соблазн тщеславия; он избегает не гордыни, а тех мест, где она проявляется: «не селится в таком царстве».

В целом же стих является вариацией на тему, уже прозвучавшую в стихе двадцать втором, где говорилось о мудреце, «сосредоточившемся на Едином» и потому чуждом тщеславия. Теперь, как бы в противовес ему, Лао-цзы дает читателю картину суетного стремления к славе и предостерегает от жалких попыток самовозвышения. Подобные же мотивы звучат во многих древних книгах — и не только китайских, «ибо, — как будет сказано в Евангелии от Луки, — всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (гл. 14, ст. 11).

25

Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая иероглифом, назову ее *дао*; произвольно давая ей имя, назову ее *великое*. *Великое* — оно в бесконечном движении. Находящееся в бесконечном движении не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]. Вот почему велико *дао*, велико небо, велика земля, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них — государь.

Человек следует (законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] *дао*, а *дао* следует самому себе.

ОБРАЗ ИЗНАЧАЛЬНОГО

Есть нечто бесформенное,
рожденное раньше
Небес и Земли
О, как безмолвно, как
бестелесно!
Только оно стоит, не меняясь,
Кружится, не встречая
преград.
Его можно считать (Пра)
матерью Мира.
Я, не ведая имени,
Дал ему прозвание «Путь»,
Самовольно нарек
«Величайшим»,
«Величайшее» пояснил как
«Текущее»,
«Текущее» пояснил как
«Далекое»,
«Далекое» как
«Возвращающееся
вспять».
Итак, велик этот Путь,
Велики Небеса,
Велика Земля
И велик Государь.
Четыре великих есть
в мире,
И один из них — Государь.
Человек следует Земле,
Земля следует Небу,
Небо следует Пути,
И лишь Путь следует
самому себе.

В этом стихе Лао-цзы уже в который раз пытается выразить свое ощущение Дао, передать словами хотя бы приблизительно то, что ими передать невозможно. Прочитав книгу Лао-цзы, Лев Толстой увидел в Дао Бога, философ В.В.Налимов — поле сознания, один из отцов современного психоанализа, Карл Юнг, — Бессознательное. Но сам Лао-цзы воспринимал Дао прежде всего как Путь, и мы везде переводим это его определение буквально, ибо в нем удивительно удачно сочетается идея посто-

янности, неподвижности («дорога») и постоянного движения (запряженная волами повозка), как это воплощено в самом написании иероглифа «Дао». Здесь же присутствует и идея выбора человека, который приходит — или не приходит — к Дао и следует — или не следует — вместе с ним, определяя тем самым свою судьбу на все времена. Лао-цзы предупреждает нас, что «Путь» не есть изначальное имя ощущаемого им Великого сущего, то имя, которое, по определению русского философа Лосева, есть «энергия сущности», ее индивидуальная вибрация, и которая неразрывно связана с сущностью, имея над ней мистическую власть. Нет, «Путь» — имя произвольное, хотя впоследствии и оно стало восприниматься как некий мистический знак.

Дао часто сравнивают с полетом птицы в небе — птица летит, но путь ее обозначить невозможно. Иными словами, Дао есть Путь бестелесный, незримый и неслышный. Однако было бы ошибкой понимать его просто как движение, понятие или процесс — Лао-цзы явственно ощущает Дао как вполне определенную реальность Высшего Порядка. Она вокруг и внутри нас, пронизывает весь мир форм, протекая сквозь него, как вода, двигаясь безостановочно и возвращаясь снова к началу движения. Впоследствии это ощущение вечного кружения бесформенной субстанции у Лао-цзы (VI в. до н. э.) оформится у поэта Цзя И (II в. до н.э.) в образ Вселенского гончарного круга, на котором формуются мириады вещей и явлений. Впрочем, идея судьбоносности присутствует уже у Лао-цзы — в мавандуйских рукописях вместо иероглифа «течь» в тексте нашего стиха стоит знак, обозначающий гадание о судьбе на тысячелистнике...

Отталкиваясь от Дао, Лао-цзы дает затем читателю некую иерархичную тетраду, являющуюся своеобразным каркасом мира. Это пока лишь предварение той нисходящей, порождающей линии, которую он нарисует в стихе 42: «одно рождает два, два рождает три, а три рождает все сущее». «Одно» подразумевает саму Праматерь Мира, изначальный Путь (пусть читатель простит мне трудности согласования, которых нет в китайском оригинале — как нет и самих обозначений рода). «Два» — это уже порожденные Великим Дао Небо и Земля (или получившие в них свое воплощение светлая и темная субстанции Инь и Ян). И, наконец, «три» — соответственно мир небесный, мир земной и мир человеческий («искусственный») или, по-китайски, «сань цай». Представителем мира человеческого в данном случае выступает государь, что вполне логично, учитывая его сакральную роль объединителя трех миров и проводника

Дао, отраженную в самом написании иероглифа «ван». Правда, есть версии, где иероглиф «государь» заменен иероглифом «человек», и это тоже логично, поскольку и государь человек, а дальше речь идет именно о человеке вообще. И, наконец, в варианте «Небесного наставника» Чжана место обоих этих знаков занимает знак «жизнь», которая, исходя из его пояснения, порождается именно Дао, т.е. духом. Правда, великий последователь Лао-цзы, древний философ Чжуан-цзы, говорит, что «жизнь есть сияние Дэ», но Благодать — Дэ тоже истекает из Дао, и, таким образом, мы снова возвращаемся к Пути, который последовательно порождает все сущее, но сам не имеет начала, не имеет форм и вполне самодостаточен, следуя только себе самому.

26

Тяжелое является основой легкого. Покой есть главное в движении. Поэтому совершенномудрый, шагая весь день, не отходит от [телеги] с тяжелым грузом. Хотя он живет прекрасной жизнью, но он в нее не погружается. Почему властитель десяти тысяч колесниц, занятый собой, так пренебрежительно смотрит на мир? Пренебрежение разрушает его основу, а его торопливость приводит к потере власти.

БЛАГОДАТНОСТЬ ТЯЖЕЛОГО

Тяжелое — корень
легкого,
Спокойствие — господин
торопливости.
Потому-то муж
благородный
В пути груженой повозки
Весь день не покинет.
Пусть предстанут ему
роскошные виды
И места злачные — он это
преодолеет.
Так как же может владыка
тьмы боевых колесниц
Ради телесного своего
пренебречь Поднебесной?
Пренебрежет —
и лишится корня,
Поторопится — и не будет
владыкой.

Несвязанность данного фрагмента с предыдущим лишь кажущаяся; ведь Лао-цзы развивает здесь только что высказанную идею о государе как медиуме между небом и землей, заимствующем свое величие от Дао и реализующем программу Дао в сфере социума. Государь был перечислен в числе четырех великих «мира сего», наряду с Небом, Землей и Дао, однако его величие вторично, оно заимствовано; он — лишь передаточный механизм между Дао и миром людей, а потому он не корень, не основа. Важен не он сам по себе со всеми своими желаниями, прихотями и удовольствиями, а его государственная деятельность, претворяющая в жизнь Путь совершенномудрого государя. Поэтому если умный и порядочный человек, которому доверена единственная телега с грузом, в пути не отходит от нее ни на шаг, чтобы ничего не потерять, то тем более рассудительным и внимательным должен быть владыка страны, выставляющей в бою десятки тысяч боевых колесниц.

Стих полон образов, многие из которых понятны без излишних толкований, другие же требуют хотя бы краткого пояснения. Так, стоит напомнить читателю, что образ корня для древнего китайца не перерос еще в отвлеченное

понятие и, как привычную антитезу, вызывал в памяти образ ветвей и листвы. «Деревья и травы, цветы и листья легковесны, а потому облетают, корни тяжелы, а потому существуют долго», — замечает по этому поводу «Старец с берегов Желтой Реки». Тяжелое, глубинное тяготеет к покою, его трудно привести в движение или изменить, ибо оно — основа и должно быть непоколебимо. Иное дело поверхностное, легкое, вторичное — подобно листве, оно отзывается на малейшее дуновение ветра Вселенной. Отсюда продолжение мысли в следующей строке: пребывающее в покое — первично, пребывающее в движении — вторично; все исходит из покоя, и потому он господин изменений. Так уж устроен мир в своих сокровенных глубинах: Дао, пребывающее в небытии, недвижно, как ось колеса, но порождает тьму форм и движений, вещей и событий. Потому-то и мудрец, что утвердил себя в Дао, должен следовать этой Первооснове Вещей: он не должен быть легковесным, подверженным внешним влияниям, но успокоенным в сердце своем. Стоит ему только поддаться — и он уже утратил свое единение с корнями, с Дао, стоит лишь начать колебаться — и он перестает быть господином Мира.

В стихе как бы постоянно соседствуют два плана: профанический и эзотерический. Кому-то из древних читателей было достаточно простой житейской мудрости, которая воплощена в образе благоразумного возницы, стерегущего свою поклажу, невзирая на встречающиеся в жизни соблазны; иной мог по достоинству оценить призыв к осмотрительности государя, которому следует жертвовать личным ради достижения политического успеха, но множество других усматривало в тексте иносказание о самосовершенствовании даоса. Вспомним слова патриарха Чжан Дао-лина, трактовавшего тело человеческое как повозку, груженную драгоценной поклажей — Духовным семенем (цзин), Мировой спермой, что предуготовляет будущий урожай Духа. Именно поэтому следует так внимательно следить за драгоценным грузом тела и не расходовать Семя, залог будущего бессмертия, в местах, «где обитают красотки». «Если правитель небрежен и безрассуден, он теряет своих подданных, если с телом обращаются небрежно и торопливо, то теряют Семя», — поясняет конец стиха «Старец с берегов Желтой Реки». «Если правитель действует торопливо и поспешно — он теряет свой трон, если с телом обращаются торопливо и поспешно — растрачивают Семя и Дух».

Стих этот короток, но полон ассоциаций и игры слов: словно на традиционном китайском пейзаже, за

первым планом вырисовываются другие. Читатель сам может поразмышлять над заголовком, где «благодатность тяжелого» может означать также «благодатность бремени», или, если использовать представления христианской парадигмы, «благодатность крестной ноши человека», подумать над многозначностью первой строки... Что же до древнего китайца, то для него очень важны были созвучия и сходство написания ключевых слов стиха: «легкое», «спокойствие», «повозка», «пренебрегать», что создавало постоянную перекличку смысла. Кстати, «спокойствие» здесь — то самое слово, которое входит в китайское понятие медитации и означает не просто покой, но устранение всяких эмоций и прерывание нити мысли, как необходимое условие вхождения в стихию Дао.

27

Умеющий шагать не оставляет следов. Умеющий говорить не допускает ошибок. Кто умеет считать, тот не пользуется инструментом для счета. Кто умеет закрывать двери, не употребляет затвор и закрывает их так крепко, что открыть их невозможно. Кто умеет завязывать узлы, не употребляет веревку, [но завязывает так прочно], что развязать невозможно. Поэтому совершенномудрый постоянно умело спасает людей и не покидает их. Он всегда умеет спасать существа, поэтому он не покидает их. Это называется глубокой мудростью. Таким образом, добродетель является учителем недобрых, а недобрые — ее опорой. Если [недобрые] не ценят своего учителя и добродетель не любит свою опору, то они, хотя и [считают себя] разумными, погружены в слепоту. Вот что наиболее важно и глубоко.

УМЕЛО ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Умеющий ходить —
не оставит следов,
Умеющий говорить —
не допустит оговорки,
Умеющий считать —
не прибегнет к счетным
палочкам,
Умеющий запирать —
и без замка запрет так, что
не откроешь,
Умеющий связывать —
и без веревки свяжет так,
что не развяжешь.
Потому-то мудрец всегда
сумеет спасти
человека
И никого не отталкивает,
Всегда сумеет спасти
другого
И никого не отвергает:
Это и называется «внутренней
просветленностью».
По этой причине искусные
являются наставниками
неискусных,
А неискусные служат
для искусных
материалом.
Кто не ценит своего
наставника,
Кто не любит свой
материал,
Пусть даже и сведущ, —
Находится в величайшем
заблуждении.
Вот в чем, как говорится,
«главный секрет».

Эта главка (она не вполне стихотворна), по сути, еще одна апология мудреца — идеального человека, прозревшего мир и взыскующего Дао, а скорее — уже соединившегося с ним. О таком человеке нельзя судить по общим

вульгарным меркам, ибо он столь совершенен, что уже недоступен пониманию толпы. Если на бренной земле не осталось следов, это вовсе не значит, что он здесь не прошел, — просто его путь лежал в иных измерениях и не мог быть замечен людьми обычными. И если на двери сокровенного знания не видно замка, вовсе не значит, что оно станет доступным каждому профану, — незримая печать лежит на нем и надежно охраняет его от докучливой и корыстной алчности. Познавший Дао обладает уже сверхъестественными способностями и может связать одной мыслью, одним приказом, — множество сохранившихся от более поздних времен «рассказов о чудесном» повествуют о таких чудесах, творимых даосскими магами. И, конечно же, мудрец никогда не допустит оговорки — в своем «безмолвном поучении» ему нет нужды пользоваться словами.

Достигший сверхъестественных способностей мудрец предстает здесь перед ними как носитель добра: мы помним, что «умение», «искусность» и «добро» суть синонимы. Миссия мудреца в этом мире — наставление и спасение; как пишет комментатор Гу Хуань (V в. н.э.), такой просветленный человек «вмещает в груди великое сердце; для него (всегда) на первом месте другие, а уж после — он сам», он — величайший Мастер, ибо приводит к Дао сонмы живущих. Добрый должен поучать и вести за собой остальных, не отвергая и злого, ибо «что будет, ежели тот не станет меняться к лучшему?» (Чжан Дао-лин).

В век нынешний, когда книга заменила живое знание, нам трудно даже представить, что значило слово «Учитель» для древнего Китая. Не было звания почетней, и Ученик искренне чтил Учителя, избравшего его из толпы, отметившего своей просветленностью и ведущего по Пути. Учитель же, подобно мастеру, наносящему прекрасный узор на камень, должен был с любовью относиться к доверенному ему материалу и беречь его: ведь в этом зеркале ему суждено было увидеть себя. Учитель и Ученик были связаны воедино сокровенной тайной передачи знания и восприятия Добра. Тот же, кто не понял этого, продолжал бродить во тьме величайшего заблуждения, хотя бы и почитал себя мудрым.

28

Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот, [подобно] горному ручью, становится [главным] в стране. Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное *дэ* и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отрывается от постоянного *дэ* и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безвестность, тот становится главным в стране. Кто стал главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном *дэ* и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождем, и великий порядок не разрушается.

НАЗАД К БЕЗЫСКУСНОСТИ

Познав свою
мужественность,
Сосредоточься в своей
женственности, —
И ты сделаешься руслом
Мира.
Когда же сделаешься руслом
Мира,
Вечная Благодать тебя
не покинет,
И снова вернешься
в младенчество.
Познав свою белизну,
Сосредоточься на своей
черноте,
И ты станешь мерилом
Мира.

Когда же станешь мерилом
Мира,
Вечная Благодать тебе
не изменит,
И снова вернешься
к Беспредельному.
Познав славу свою,
Сосредоточься на позоре
своем,
И ты станешь долиной
Мира.
Когда же станешь долиной
Мира,
Вечной Благодати будет уже
в достатке,
И ты снова вернешься
к Девственному
древу.
В рассеянии Девственное
древо становится
орудием, сосудом,
А мудрый, используя его,
Становится
начальствующим,
И тем самым Великий
Порядок не нарушится.

NB ***Многое можно понять в даосском механизме ученичества, вглядевшись в те грани, которые объединяют его в китайской традиции с высоким творчеством (например, с работой художника).***

«Сидеть сосредоточившись» — это китайское определение технологии творчества кажется европейцу расплывчатым и бессодержательным. Но для даоса оно, как матрешка, вложено в сердцевину сложной системы представлений и умений. Такая сосредоточенность должна стать результатом особого рода саморегуляции, когда сработает опыт нужного (по степени и характеру) отстранения от объекта изучения-творчества.

Европейская традиция научилась и учит двум крайним подходам: либо все способы и средства действия систематизированы, разобраны по типам и видам, удобно разложены по полочкам иерархии, либо они собираются воедино и связываются напряжением творчества, «творческим горением».

Даосский Учитель не полагается на сознание и не стремится к обостренным эмоциональным переживаниям. Он передает опыт иного, третьего с нашей точки зрения пути. Его составляющие — спокойная вера (состояние открытости, настрой на искренность и доверие) и «эмоциональная бесстрастность», состояние как бы рассеянности. В результате человек должен временно «потерять себя», раствориться в природе, тексте, действии.

Сдвигается очень важный акцент обучения: опыт остроты переживаний, способы формирования внутренних состояний и организации внимания отрабатываются не на самой ситуации творчества, а на более широком процессе настройки способности отражения.

Эта традиция «народной гимнастики внутренних состояний» указывает на важную, не очень освоенную пока педагогикой область, где концентрации на диалоге, противоборстве, предметном действии предшествует самостоятельный опыт внутренней концентрации. Этот опыт не беспредметен, его предмет — развитие индивидуальности.

Первое впечатление от прочитанного дает нам как бы последовательную картину духовного сосредоточения, самоконцентрации (шоу), ведущей адепта со ступени на ступень. Перед нами явно не абстрактное философствование, а как бы вполне конкретный, почти физический процесс последовательного самоуправления, которое открывает двери для наполнения Благодатью и приобщения к Первооснове Мира, а через нее — к обретению сверхчеловеческого могущества. И хотя на каждом этапе упоминается только Вечная Благодать, как эманация Абсолюта, ясно, что конечной целью является приобщение к Абсолюту как таковому.

Первая ступень концентраций дает сравнительно скромные плоды: то, что мы переводим здесь словом «русло», еще только слабый ручеек, едва заметный поток живительной влаги, сочащийся из мертвых скал и

стекающий вниз, в долину. Но и это первоначальное истечение Дао наполняет адепта такой Благодатью, которая позволяет ему повернуть вспять ход времени, вернуться к истокам собственного существования — в младенчество.

Следующая ступень сосредоточения доводит Даоса до такого состояния, когда он становится если не равновелик, то во всяком случае сопоставим со Вселенной (он сам уже — «мерило Мира») и возвращает его по пути времен к началу начал, когда не существовало еще Великого Предела, в границах которого бесконечно пульсирует мироздание, а была лишь Беспредельность, наполненная Великой Пустотой, — без времени, без форм и без границ. Единственным содержанием Великой Пустоты было само Дао — то «субстанциальное поле континуального сознания» (по определению В.В.Налимова), в котором от века было заложено все дальнейшее развитие Вселенной, еще не реализованное и не проявленное.

Объект следующей ступени сосредоточения — Девственное древо — есть опять-таки не что иное, как синоним и образ Дао. В даосской традиции «пу» есть тот изначальный, природный древесный материал, которого еще не коснулась рука мастера и творца. Это прекрасный облик естественности, явленный нам сплетением корней или древесных волокон, еще не познавших прикосновения топора, рубанка или резца, еще не расчлененных и не покрытых лаком, краской или позолотой. «Пу» — это еще вещь в себе, мир в себе, если угодно — Вселенная до Большого взрыва. Однако подобное «ничто» уже содержит в себе «все» — будущее многообразие Космоса, его образы, вещи и существа.

Оставаясь все еще за гранью реального и двигаясь теперь вверх по восходящей лестнице времен до того момента, когда первоначальная первозданность начинает рассеиваться в тьму вещей («орудия», «сосуды» — «ци»), медитирующий даос оказывается у истоков ныне существующего. Уже не слабый ручеек, а грохочущий поток Дао проносится сквозь него, как по горной долине, и он получает возможность воздействовать даже не на вещи, а еще лишь на идеи вещей, несомые этим потоком. Именно поэтому его воздействие не нарушает целостности и гармонии мирового порядка, не вносит в мир смуты. Даос подобен герою знаменитого рассказа Рея Брэдбери, который, наступив на бабочку в первобытном тропическом лесу, вдруг меняет события, происшедшие миллионы лет спустя. Исполненный колоссальной энергией Благодати, он ныне — хозяин мира, его «начальствующий», но его вторжение в мир нежно и безболезненно,

ибо он воздействует лишь на истоки событий, влияет не действием, но только движением мысли.

В этой картине есть, однако, деталь, на которой нам до поры до времени не хотелось останавливаться, — это начало стиха. Обычно комментаторы и переводчики трактуют его как выражение самоуничижения. «Мужественность есть иносказание почитаемого, женственность — иносказание презираемого, — писал еще «Старец с берегов Желтой Реки». — И пусть человек явственно узнал почет, он должен снова сосредоточиться на своей презренности и незначительности, отказаться от выпирающей мужской силы и обратиться к женской умиротворенности — тогда мир потечет к нему словно по глубокому руслу, наполненному струящейся влагой». Именно поэтому, варьируя мысль предшественников, Ян Хин-шун начинает свой русский перевод стиха словами о «храбрости» и «скромности». Однако, думается, если бы Лао-цзы имел в виду это, ничто не мешало бы ему выразить свою мысль проще, — скорее прав один из комментаторов, полагающий, что «смысл этого стиха в сосредоточении на Дао посредством раздельного обращения к Инь и Ян», мужскому и женскому началам в человеке, к Свету и Тьме, к возвышенному и низменному. Медитирующий должен подавить в себе активное начало Ян еще и потому, что в процессе духовной концентрации он является всего лишь реципиентом, руслом, долиной, в которые вливается оплодотворяющий поток Дао, его задача не действовать, а отдаться этому потоку, поэтому акцентирование женственности вполне уместно. «Познав мужественность, сосредоточиться на женственности — значит мягкостью излечить жесткость, — говорит «человек Истины Чунь Ян». — Всевышний (т.е. Лао-цзы. — *И.Л.*) учит людей посредством недеяния меняться к лучшему, учит прислушиваться к изменяющейся естественности, не понуждая ее искусственно».

29

Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит [его], то его потеряет.

Поэтому одни существа идут, другие — следуют за ними; одни расцветают, другие высыхают; одни укрепляются, другие слабеют; одни создаются, другие разрушаются. Поэтому совершенномудрый отказывается от излишеств, устраняет роскошь и расточительность.

НЕДЕЯНИЕ

О, возжелавший овладеть
миром и действовать
в нем —
Я (пред) вижу твою неудачу.
Духовный сосуд мира
Деянию не поддается.
Действующий — его
разрушает,
Удерживающий — его теряет.
Ведь вещи то движутся,
то влекутся,
То согреваются,
то остывают,
То укрепляются, то слабеют,
То наполняются,
то исчезают.
Потому-то мудрец избегает
крайности,
Избегает излишества,
Избегает чрезмерности...

В этом стихе снова речь идет о «Поднебесной», и переводчик волен понимать это слово либо в узком смысле, как весь известный древнему китайцу мир «в пределах четырех морей», либо в более широком, как мир вообще, что кажется нам более оправданным.

Этот мир закончен и совершенен, он движется по собственным законам, и в нем, как поясняет Ван Би, можно только следовать, подчиняться, но не действовать. Стремление переделать мир, «преобразовать природу» или «покорить» ее заранее обречено, ибо можно лишь разрушить, испортить эту прекрасную вселенскую чашу, вместилище духа, — но не более того. «Мир не может никому принадлежать или переделываться человеком, — интерпретирует эти строки переводчик Р.Блэкни, — он принадлежит Богу, и тот, кто пытается присвоить себе Его права, потерпит поражение». Действительно, китайская традиция, всегда осуждавшая самонадеянное вторжение в ход вещей, осуждавшая деяние, как насилие над естественностью, и отвергавшая «творение», как создание чего-то, природе не присущего в определенном смысле, созвучна традиции христианской, соотносившей слово с Богом, но дело — с Диаво-

лом. Тщетны усилия человека заставить мир двигаться по-своему, ибо он сам — всего лишь часть этого мира. Выигрывая в одном, он тут же теряет в другом, ибо Путь Космоса («Тянь чжи Дао») подобен луку (стих 77): его верх при натягивании опускается, а низ, наоборот, поднимается. «Вещи имеют постоянную природу» (Ван Би), и потому человек над ними не властен. Даже то, чем уже обладает, он удержать не в силах — ведь «вещи приходят и уходят».

Потому-то не дело совершенномудрого тратить свои силы, чтобы подчинить себе или переделать этот мир — надо принять его таким прекрасным, как он есть, подстроиться под него и с легким сердцем войти в ритм его неизбежных изменений. «Мудрец, дойдя до пределов естественности, ощущает чувства вещей — и потому (только) откликается, но не действует, следует, но не ведет» (Ван Би). Как напишет Лао-цзы в стихе шестьдесят четвертом: «Совершенномудрый не делает — и оттого не терпит поражения, не удерживает — и оттого не теряет». Что же касается разного рода крайностей, от которых Лао-цзы предостерегает в концовке нашего стиха, то они противны той «гармонии середины», о которой столько твердят мудрецы не только даосские, но и конфуцианские, не только китайские, но и европейские. Крайность есть включение себя в движение Вселенной не в должный момент: все положительное, что так привлекает «включившегося», уже давно прошло точку «гармонии середины», достигло своего апогея и вот-вот начнет двигаться в обратную сторону, без конца умножая горести и беды... Так что наиболее дальновидным было бы попасть на Пути Вселенной не туда, где предел роскоши и изобилия, а туда, где движение к ней только начинается. Как замечает в своем комментарии «Небесный наставник» Чжан, «человек Дао упреждает: он помещает себя в слабость, дабы потом стать еще более сильным».

В числе более частных вопросов стоит, наверное, отметить трактовку «духовного сосуда» не как подлунного мира в целом, а лишь как лучшей его части — человека. «Сосуд есть вещь, — поясняет «Старец с берегов Желтой Реки». — И человек является духовной вещью Поднебесной. Духовная вещь тяготеет к покою, ее нельзя направлять деянием».

В комментарии «Небесного наставника» Чжана интересно то, что довольно общий образ сопряженности причины и следствия («вещи то движутся (сами), то (чем-то) влекутся») он недвусмысленно связывает с категориями Добра и Зла. Он подчеркивает, что только добрые поступки приводят к Дао, дурные же влекут за собой беду, ибо все в этом мире рождает соответствующий отклик и награду. Стяжать жизнь вечную возможно лишь «сосредоточенностью на добре» (шоушань).

30

Кто служит главе народа посредством *дао*, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы.

Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинствен.

Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется [отсутствием] *дао*. Кто не соблюдает *дао*, погибнет раньше времени.

МЕНЬШЕ ВОИНСТВЕННОСТИ

Направляющие властителей человеческих
на Путь
Не принуждают мир оружием,
Ибо это влечет возмездие.
Там, где были солдаты,
Лишь терновник да колючки растут,
За великой войной
Всегда идет лихолетье.
Умелый останавливается,
добившись цели,
Не смеет похваляться силой,
Добившись — не кичится,
Добившись — не нападает,
Добившись — не гордится.
Добившись — ведет себя так,
словно бы и не добился...
Ведь укрепившись, всякая вещь стареет —
Оттого скажу вам, что не следует Пути.
А не следуя Пути, рано уничтожается...

Этот стих, как и многие другие, имеет как бы два плана — частный и общий. С одной стороны, «Поднебесная», которую не следует принуждать оружием, — это страна «меж четырех морей», весь тогдашний Китай, и, значит, речь идет об отношениях с другими царствами и государями, где Лао-цзы советует избегать применения вооруженной и вообще силы, ибо по большому счету это не выгодно. С другой стороны, «Поднебесная» — это весь известный древнему китайцу земной мир в целом, — и

тогда рассуждение переходит в план этико-философский, что мы явственно ощущаем ближе к окончанию стиха. Два основных значения имеет и слово «шань», «шань-чжэ», которым открывается восьмая строка, что в свою очередь делает текст двуплановым. Как мы уже имели случай говорить, оно обозначает человека умелого, в чем-то искусного, — и тогда перед нами возникает образ даосского мудреца в ракурсе прагматики, когда он действует как искусный полководец и умелый политик. Китайские исследователи и переводчики Лао-цзы на современный китайский язык чаще трактуют строку именно так. Но это же слово имеет одновременно значение «добрый» или просто «добро», и тогда акценты получаются совсем иные. Я говорю «акценты», потому что отдельные значения дифференцируются только для нас, а древний читатель воспринимал слово в основном синкретически, в совокупности всех его смыслов.

И, наконец, вторая половина стиха может быть прочитана также и в повелительном наклонении:

Умей остановиться, добившись цели.
Не смей похваляться силой.
Добившись, не кичись.
Добившись, не нападай... и т.д.

Однако в любом случае мы слышим здесь все те же знакомые мотивы, что уже звучали у Лао-цзы и будут звучать в разных вариантах еще не раз: отказ от насилия и крайностей, призыв к «самоумалению» и умению «знать меру», ибо первое противно Дао, а второе ему свойственно. «Если же не можешь идти по Пути, то стареешь, а если старость не остановить, то погибнешь», — поясняет «Небесный наставник» Чжан. Здесь мы касаемся совершенно особой и чрезвычайно важной области даосского учения — проблемы поисков бессмертия, но об этом скорее можно догадываться.

31

Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий дао, его не употребляет.

Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым [в отношении соседних стран] и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его, только когда его к этому вынуждают. Главное состоит в том, чтобы соблюдать спокойствие, а в случае победы себя не прославлять. Прославлять себя победой — это значит радоваться убийству людей. Тот, кто радуется убийству людей, не может завоевать сочувствия в стране. Благополучие создается уважением, а несчастье происходит от насилия.

Слева строятся военачальники флангов, справа стоит полководец. Говорят, что их нужно встретить похоронной процессией. Если убивают многих людей, то об этом нужно горько плакать. Победу следует отмечать похоронной процессией.

УДЕРЖИ ОРУЖИЕ

Красивое оружие — сосуд
неблаговещий,
Пожалуй, все к нему питают
отвращенье.
Обретший Путь —
сторонится его.
Муж благородный, коль
к нему прибег, предпочитает
правое,
А применив оружие —
предпочитает левое.
Оружье — не для мужа
благородного.
Но если взять
его пришлось,
Всего превыше соблюдай
бесстрастность.
А одержав победу — не
любуйся.
Когда бы стал им
любоваться,
То, значит, наслаждался бы
убийством
человеков.
Тому, кто наслаждается
убийством
человеков,
Нельзя привлечь к себе
симпатий
Поднебесной.
Помощник полководца
становится на
левом фланге,
Верховный полководец — на
правом фланге
станет,
Чтоб похоронный совершить
обряд.
Убийство множества
людей
Оплакивают с печалию и
скорбью,
А победив, обряд свершают
похоронный.

В этом стихе — недвусмысленное осуждение бесконечных войн и кровопролитных столкновений, раздиравших древний Китай. Целые царства тогда приходили в запустение, лишь терновник рос на полях, а из десятка семей выживала одна.

Обладателю изукрашенного резьбой и позолотой оружия поистине нечем было кичиться — ведь на нем невидимая кровь человеческая. И даже одержав великую победу, следовало не радоваться, а скорбеть, поскольку за нее заплачено множеством жизней. Теперь долг победителей сделать то, что в их силах — помочь душам убиенных благополучно перейти в мир иной, а для этого существуют обряды. Скорбная обязанность ложится на плечи верховного военачальника именно потому, что он больше всех повинен в убийстве, и ему теперь предстоит искупить свою вину.

Надо сказать, что на профессию военного в Китае всегда смотрели как на удел людей грубых, кровожадных, в массе своей далеких от идеала благородного мужа. Благородный муж виделся, по преимуществу, «человеком изящного слова», «человеком вэнь», где слово «вэнь» одновременно означало и изящную словесность, и сакральный мировой узор, творимый истечением эманации Дао. Борьба и сражения не являлись призванием «благородного мужа», хотя совершенно отстраниться от них было невозможно — век оставался жестоким. Однако, безусловно, осуждалось безрассудное применение оружия в гневе. Дать волю собственной ярости значило не только уменьшить шансы на победу, но и поддаться низменным страстям, недостойным «человека вэнь», где вэнь одновременно означало также «культуру», некий цивилизационный узор, нанесенный на естественный материал человеческого характера. Ратуя за «естественность», Лао-цзы тем не менее призывал смирять свои страсти, ибо полагал их «возмущением» естественного.

32

Дао вечно и безымянно. Хотя оно ничтожно, но никто в мире не может его подчинить себе. Если знать и государи могут его соблюдать, то все существа сами становятся спокойными. Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие, а народ без приказания успокоится.

При установлении порядка появились имена. Поскольку возникли имена, нужно знать предел [их употребления]. Знание предела позволяет избавиться от опасности.

Когда *дао* находится в мире, [все сущее вливается в него], подобно тому, как горные ручьи текут к рекам и морям.

БЛАГОДАТЬ МУДРОГО

Путь вечен, безымянен,
(Как) Древо девственное,
что хоть и мало,
Мир подчинить его (себе)
не смеет.
Когда бы царь иль князь
могли сосредоточиться на нем,
Все сущее само б явилось
на поклон,
Пришли б в согласие Земля
и Небеса,
Чтоб пали росы сладкие
И в людях без приказа
Само собой настало б
равенство.
Ведь имена возникли,
Когда их учредили.
Однако (в этом) тоже надо
знать предел.
Познав предел — избегнешь
гибели.
Ведь Путь для Мира,
Что море и река для
ручейков долин.

Смысл данного стиха, по уверению авторов старой китайской хрестоматии, в том, что «нет лучшего способа обрести Дао, чем сосредоточиться на Девственном древе безыскусности», т.е. отвлечься от всего изощренного и неестественного, вернуться к первозданной простоте. А что есть проще и безыскуснее природы?

Уже с первой строки появляется и понятие Имени — «мин». Слово это многозначно, но в любом случае перед нами некий различитель, явившийся в мир вместе с появлением «тьмы вещей». Различия их поверхностны и несущественны, они противны универсальной природе Дао и Абсолюта вообще (вспомним слова Христа: «Да не буду я тем, кто разделяет»), который подобен океану, равно несущему и лелеющему на волнах своих все сущее. Если бы у кого-то из земных владык хватило решимости погрузиться сердцем в его живительные воды, он принес бы в мир слиянность Дао, и силы Инь и Ян обрели бы благода-

ря ему гармонию (по традиционным представлениям, знаком этого и является выпадение «сладкой» росы). Их подданные, отказавшись от желания унизить и обидеть ближнего, поживиться за его счет, вернулись бы к блаженным временам «золотого века» далекой древности. Иными словами, войдя в потустороннее и изначальное, владыка своим влиянием отводит мир к началу времен. Впрочем, это только мечта о том, «как могло бы быть», мистический рецепт, прописанный суетному миру, где князья и цари, увы, не спешат исцелиться сами и врачевать подданных. С первозданной простотой и самоумалением давно покончено: уже создан «порядок» (чжи), все имеет свое название; титулы и слава стали вожделенны для людей, и Лао-цзы это прекрасно понимает: ему только остается предостеречь от крайности, ибо, как говорит комментатор, «каждый, кто знает предел и чувство меры, никогда не придет к гибели».

Конец этого стиха имеет текстуальные расхождения и, соответственно, варианты перевода. Автор этих строк отдал предпочтение древнейшим мавандуйским рукописям, но есть другие тексты, восходящие достаточно далеко в глубь веков. И в них возникает образ Неба, в сознании древних китайцев — живого существа, олицетворяющего Космос.

...возник порядок,
Появились имена,
Имена уже есть.
Но небу ведом предел.
А когда ведом предел — не грозит гибель.
Ведь Дао в Мире
Подобно потокам и ручьям, реке и океану.

Как поясняет в своем комментарии «Старец с берегов Желтой Реки»: «Небу ведомо это, а потому светлые духи сохранят и помогут, дабы не пришла снова гибель». Да и само Дао «связано с человеком взаимным откликом подобно тому, как потоки и ручьи, река и океан сообщаются и перетекают одно в другое». Более того — оно по природе своей столь благодатно, что «само является без зова, и обретаешь его, не домогаясь».

Иными словами, различие вариантов — это спор между идеей личной ответственности человека за мировой порядок и мыслью о безусловной благости самого порядка, идеей саморегулируемости мира, как совершенно отлаженного организма. Читатель может выбрать то, что ему более близко, — мы предоставили ему такую возможность.

33

Знающий людей благоразумен. Знающий себя просвещен. Побеждающий людей силен. Побеждающий самого себя могущественен. Знающий достаток богат. Кто действует с упорством, обладает волей. Кто не теряет свою природу, долговечен. Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

ОСОЗНАНИЕ БЛАГОДАТИ

Познавший других —
мудр,
Познавший себя —
просветлен.
Победивший других —
силен.
Победивший себя —
могуч.
Знающий меру —
богат,
Действующий мощно —
обладает
стремлением,
Не покидающий обители
своей — долог (летами),
Кто умер, но не погиб —
бессмертен.

Эта глава, состоящая как бы из отдельных изречений, в действительности пронизана единой мыслью, последовательно ведущей адепта от низшего к высшему, от поверхностного познания — к истинному, которое есть конечная цель и торжество самосовершенствования. Пусть в глазах людских ценится внешнее — истинное совершенствование есть самоуглубление. «Постигшие людей мудры, однако же им не сравниться с познавшим себя, который превыше мудрецов», — замечает Ван Би. «Способный победить людей всего лишь очень силен, — замечает по поводу следующего изречения «Старец с берегов Желтой Реки», — но с тем, кто сумел одолеть себя, искоренив внутри чувства и страсти, никто в мире не в силах соперничать, потому что он могуществен».

О необходимости «знать меру» Лао-цзы уже говорил и раньше. Но благоразумие способно принести человеку лишь очень практическое счастие и удачную карьеру, дать богатство по «малому счету». Обрести же Дао можно только перейдя всякую меру, «действуя мощно» и без оглядки. «Тот, кто мощно утвердится в делании добра, — поясняет «Старец с берегов Желтой Реки», — обретает стремление к Дао; Дао же обретает стремление к нему». Начинается процесс взаимного тяготения, а вслед за ним духовного вхождения человека в Дао и уподобления ему — как в стихе.

34

Великое *дао* растекается повсюду. Оно может находиться и справа и слева. Благодаря ему все сущее рождается и не прекращает [своего роста]. Оно совершает подвиги, но славы себе не желает. С любовью воспитывая все существа, оно не считает себя их властелином. Оно никогда не имеет собственных желаний, поэтому его можно назвать ничтожным. Все сущее возвращается к нему, но оно не рассматривает себя их властелином. Его можно назвать *великим*. Оно становится *великим*, потому что никогда не считает себя таковым.

КОГДА ИСПОЛНЕНО...

Великое Дао разлито
повсюду,
Оно может быть и справа,
и слева,
Все сущее произрастает
на нем
безотрывно.
(Оно) свершает деяния,
себе не
присваивая,
Любит и пестует сущее,
не называя себя
хозяином.

Всегда быть бесстрастным,
можно сказать,
(еще) мало,
Когда же все сущее к тебе
возвращается,
а ты не
(ведешь себя как)
хозяин —
Вот это, можно сказать,
величие!
Так и мудрец, никогда
великим себя
не считая,
Величие свое создает!

Когда, желая дать читателю почувствовать беспредельность Дао, Лао-цзы говорит, что оно объемлет нас со всех сторон — «и справа, и слева», — это, конечно, лишь слабый намек на его ощущение чего-то такого, что все собой наполняет. Гораздо большую эмоциональную нагрузку несет глагол-прилагательное, завершающее первую строку. В разных источниках этот иероглиф варьируется, но всегда пишется с ключевым знаком воды. В мавандуйской рукописи, например, мы видим сочетание знаков воды и ветра, которое употреблялось для обозначения чего-то бесконечно струящегося, тихо журчащего. В другом источнике — перед нами сочетание знаков воды и паруса, обозначающее плавание по водным просторам. Но в каноническом тексте (а также у «Старца с берегов

Желтой Реки», «Небесного наставника» Чжана и у философа Ван Би) на этом месте стоит иероглиф, обозначающий наводнение, бескрайнее половодье. «Здесь говорится о том, что Дао захлестывает и затопляет все вокруг, — и ничто его не избегнет, — поясняет эту строку Ван Би. — Оно и справа, и слева, и сверху, и снизу, и вокруг — нет такого места, которого бы оно не достигло». Это видение бескрайней водной стихии все время возникает у Лао-цзы, когда он начинает говорить о Дао, и ему следуют другие философы и визионеры.

Читая следующую строку, где говорится о «свершении деяний», следует помнить, что «деяния» здесь обозначены словом, которое обычно принято у нас переводить как «заслуги» (гун). Разумеется, речь идет не просто о каких-то похвальных поступках, хотя и такое значение может иметь место. В названии популярной ныне гимнастики цигун подобный перевод явно не годился бы — цигун есть накопление жизненной силы «ци» посредством упражнений, и точно так же любая заслуга «гун» есть некое накопление в сфере духовности и морали, происходящее благодаря определенным поступкам. Это понятие очень близко индийскому понятию «кармы», т.е. тех свершений, которые определяют будущую судьбу человека. Философ Хань Фэй-цзы, поясняя текст Лао-цзы, говорит, что «Придающий значение жизни заботится о теле, а дорожащий заслугами заботится о деяниях», причем в одном из вариантов понятие «заслуги» оказывается тесно связанным у него с понятием человечности, милосердия, сострадания (жэнь). В древнем Китае понятия «кармы» не знали, но уже были широко распространены идеи возмездия и воздаяния, и траурное платье тоже именовали гун, как бы связывая земное существование с посмертным, иными словами, концепция гун ждала лишь своего логического завершения.

В стихе тридцать четвертом Лао-цзы снова возвращается к идее величия Абсолюта, которому обязаны своим существованием и каждым добрым свершением «десять тысяч вещей», т.е. все сущее. Но величие неразрывно связано со смирением, которое Абсолюту присуще изначально и которому должен подражать мудрый, дабы этого истинного величия достичь. Здесь опять то же диалектическое единство противоположностей, которое так любит подчеркивать Лао-цзы, потому что для людей вульгарных оно всегда звучит шокирующим парадоксом: величие через смирение, умаление себя ради достижения головокружительных космических высот.

Но есть в развитии этой идеи один момент, до сих пор оставшийся незамеченным. Пестуя «десять тысяч ве-

щей» — и человека в их числе, Абсолют никогда «не ведет себя как хозяин», т.е. не распоряжается и не владеет: не приказывает и не посылает, «не выступает подобно хозяевам-людям в роли пастуха» (Хэшан-гун). Иными словами, получая от Дао все необходимое, человек в остальном предоставлен самому себе, и только лишь от его собственных действий будет зависеть, обретет ли он природу Абсолюта и соединится с ним или будет для Дао потерян. Что это как не констатация свободы воли, — пусть сделанная мимоходом, промелькнувшая в непривычно оформленном для нас потоке сознания, но от этого не ставшая менее значимой.

35

К тому, кто представляет собой великий образ [*дао*], приходит весь народ. Люди приходят, и он им не причиняет вреда. Он приносит им мир, спокойствие, музыку и пищу. Даже путешественник у него останавливается.

Когда *дао* выходит изо рта, оно пресное, безвкусное. Оно незримо, и его нельзя услышать. В действии оно неисчерпаемо.

БЛАГОДАТЬ МИЛОСЕРДИЯ

К обладателю Великого
образа
Стекается вся
Поднебесная,
Стекается — и нет (в том)
вреда,
А (лишь) благоденствие
и радость
великая.
Яства и музыка
Привлекут (даже)
странников
перехожих,
Но Дао, излившееся
из уст,
Пресно, безвкусно...
Смотришь — и не видишь
(его),
Слушаешь — и не слышишь
(его),
Но пользуясь — не
исчерпаешь (его).

«Великий образ» — это не само Дао, как несколько прямолинейно квалифицируют его многие комментаторы, не слишком полагаясь на искушенность читателя, а то, что Дао в себе несет. Дао содержит образы вообще, «Великий» же образ есть как бы некая образная нерасчлененность мира, «матерь (всех) образов Небесных» (Ван Би), некий первообраз и скрытый прообраз сущего, лежащий во тьме небытия, у самых истоков возникновения «того, что под Небом». Истинный Владыка мира получает над ним власть именно потому, что обретает его исток, погрузившись духом в непроглядные глубины небытия. Именно там он овладевает первообразом мира и, одновременно, харизмой власти. Мир стекается к нему, как вода, всегда устремляющаяся на самый низкий уровень. Следующая строка построена безлично, она не совсем ясна, и потому комментаторы расходятся в толковании ее смысла. Одни говорят о том, что, стекаясь под знамена вновь явленного харизматического лидера, люди естественным образом ему преданы и потому не способны причинить ему никакого вреда. Другие полагают, что

речь идет о самом носителе священной власти, который обретает ее ненасильственно, естественно, а потому не способен причинить вред миру. Третьи объединяют и то и другое. В грамматическом плане все толкования остаются гадательными — важно лишь, что речь идет именно о власти над миром (тянься), и эта идея находит свое логическое воплощение в тех вариантах текста, где слово «ван», которое мы в согласии с комментируемой традицией переводим как «стекаться», заменено на свой омоним со значением «царь», «властитель». Именно благодаря особому происхождению своей власти, своей причастности к первооснове мира такой властитель чужд мирской суеты: в нем нет борения страстей, и эту умиротворенность он распространяет вокруг себя, уничтожая смуту в зародыше (переводчик снова избирает здесь «синкретический» вариант как более естественный, хотя есть комментаторы, которые говорят лишь о беспредельности спокойствия совершенномудрого, позволяющего ему выполнить свою миссию, другие же делают упор на его мироустроительной деятельности, позволяющей распространить мир и спокойствие вокруг).

Следующие строки как бы раскрывают нам секрет власти харизматического владыки, позволяют понять истоки его способности привлекать к себе сердца людей. Люди — «странники перехожие» в этом мире, они лишь гости на пиру жизни, и привлечь их, задержать, снискать их благосклонность возможно только тем, что предлагает страннику недолгое пиршество, — яствами и радостями, музыкой и песнями, пляской соблазнительных танцовщиц. Ничего этого нет у «держателя великого образа», он не обладает ничем грубо вещественным и зримым. Его достояние — это то, что лежит за пределами чувств, «образ вне образа», «вкус вне вкуса». Однако речи совершенномудрого проникнуты Дао — и пусть окружающие не услышат это великое звучание (стих 41), как бы ни вслушивались, не узрят его, как бы ни всматривались, его власть над миром безгранична, ибо сам мир и все сущее в нем исходят из Пути.

Таково, в общем, традиционное понимание этого стиха. Однако, размышляя над текстом, не трудно заметить некоторую натянутость толкований даже первых комментаторов, явно желавших сделать стих иллюстрацией своего понимания трансцендентной природы истинной власти. Сомнения возникают прежде всего потому, что глагол «ван» никогда не означает «стекаться», «приходить», а напротив — «уходить», «удаляться». С учетом этого обстоятельства начало стиха приобретает следующий вид:

Для держателя Великого Образа
(Весь) мир уходит,
Уходит, не причиняя (больше) вреда,
Ибо велики умиротворенность и успокоенность (держателя).

Тогда и «странник перехожий» на пиру жизни — это, скорее всего, сам совершенномудрый, еще не приобщенный к Дао и потому подверженный мирским соблазнам. Только приобщение к первообразу бытия освобождает его от власти мирского, спасает дух от вреда мирской суеты. В таком понимании стиха из всех избранных комментаторов переводчика как-то поддерживает только «человек Истины Чунь Ян». Ему этот стих тоже говорит не об обретении власти, а об освобождении духа.

36

Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления].

ПОНИМАНИЕ
СОКРОВЕННОГО

Прежде чем что-либо
сократить —
Надо дать сначала
распространиться,
Прежде чем что-то
ослабить —
Надо сперва дать
усилиться.
Прежде чем погубить,
Надо позволить
расцвесть,
Прежде чем что-то
отнять,
Надобно дать —
Вот что зовется пониманием
сокровенного.
Мягкое и слабое побеждает
твердое и сильное,
(И как) рыбе не следует
покидать омута,
Острое оружие царства не
следует показывать
людям.

Предпоследний стих эзотерической части книги дает описание самого общего закона развития мира — перехода явления в свою противоположность. И в нем же — некое практическое руководство к действию. «Этот стих говорит о преимуществах отказа от борьбы», — утверждает комментатор, от борьбы с естественным ходом вещей, в который, напротив, следует включиться, чтобы сделать природу своим союзником. Нельзя бороться с тем, что идет вверх, — секрет успеха в том, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время, когда звезда твоего врага уже клонится к закату. Семена погибели появляются тогда, когда наступает полный расцвет, когда успех достигает своей вершины. На известной схеме «Великого предела» это изображается появлением светлой точки в самой гуще сосредоточения темного начала Инь и появлением точки темной там, где аккумулировано светлое начало Ян. Всякая вещь несет в себе программу своего разрушения, превращения в противоположность.

О беды! На них строится счастье.
О счастье! За ним скрываются беды, —

пишет Цзя И в своей «Оде сове», как бы иллюстрируя историческими примерами мысль Лао-цзы. А в общем, победа всегда за только нарождающимся, за слабым — и за податливым. И потому «Небесный наставник» Чжан советует своим адептам вдохновляться примером воды: она, «подобно Пути, мягка и слаба, но способна пробивать скалы» (если по-русски — «капля камень точит»). Заключительный пример с рыбиной в омуте, по-видимому, не случаен: он тесно связан с тем же образом воды, которая символизирует слабость, что превыше силы. «Человек подобен рыбе, — пишет Чжан. — Лишенная своего омута, покинувшая воду рыба умрет. А человек умрет, если не будет прилежно практиковать сосредоточение в Дао и Дао его покинет». Кстати, «Старец с берегов Желтой Реки» тоже не советует «показывать другим, как он управляет своим телом», т.е. секреты даосских упражнений. Ну а прямой смысл концовки — не раскрывать секреты государства и механизм управления. Древний даосский трактат «Учитель из Южного Заречья реки Хуай» предлагает на эту тему рассказ о том, как некий царь доверил право налагать наказания своему министру — и в результате лишился трона. Но коль скоро концовка вводится словами о «силе слабости», главным, по-видимому, будет совет правителю всегда действовать мягкостью. Ведь «показывать людям... оружие» — это значит демонстрировать силу, а многочисленные наказания, безусловно, относятся к разряду силовых методов управления.

37

Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, что бы оно не делало. Если знать и государи будут его соблюдать, то все существа будут изменяться сами собой. Если те, которые изменяются, захотят действовать, то я буду подавлять их при помощи простого бытия, не обладающего именем. Не обладающее именем — простое бытие — для себя ничего не желает. Отсутствие желания приносит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится.

КАК УПРАВЛЯТЬ

Дао всегда в недеянии,
Но нет такого,
чего бы оно
не свершило.
Когда бы цари и князья
могли сосредоточиться
в нем,
Все сущее изменилось бы
само по себе.
Когда же, изменившись,
обрело бы желанье
творить,
Я подавил бы его
безымянным Девственным
древом.
Древо девственное, имен не
имеющее,
Не имеет также
желаний,
А без желаний наступает
покой —
Небеса и Земля сами
придут
в порядок.

Итак, последний стих сокровенной части книги, той части, которая повествует непосредственно о Пути и адресована посвященным. В нем, можно сказать, всего в нескольких строках сконцентрировано все до сих пор говорившееся. Человеческая деятельность, всегда идущая наперекор естественному порядку вещей, борьба страстей и желаний — вот зло, которое надо из этого мира устранить. И здесь очередь за Владыками мира, роль которых велика — они должны овладеть мудростью и, отринув собственные амбиции, припасть к всемогущему источнику сущего. Разумеется, еще одна утопия, и автор не может поведать нам, как этого достичь. Захочет ли хотя бы один из вершителей судеб мира подавить в себе желания, дабы стать тем «естественным», еще не покрытым позолотой и причудливым узором куском дерева, который Лао-цзы (и Хэшан-гун) уподобляет Дао? Однако путь к исправлению мира, как утверждает Учитель, именно здесь. Исправляя себя, ты исправляешь мир — космос

как бы следует за микрокосмом, а государь играет особо значительную роль, поскольку (вспомним пиктограмму «ван») соединяет собою мир горний, дольний и подземный, связует воедино Небо, Землю и Дао. Ему достаточно сконцентрироваться, открыть духовные шлюзы — и поток светлой духовности Дао хлынет в мир, наполняя его, вознося к совершенству, ибо «нет того, чего бы оно не свершило». Так, «ради нескольких праведников» мир изменится сам собой — путь к спасению не в действии, а в духовном совершенствовании человека, в воздействии, если можно так выразиться, на «мировую ауру». Иными словами, снова «естественность», «недеяние», отказ от желаний, «подражание Дао», сосредоточение и погружение в себя, о которых уже неоднократно говорил Лао-цзы. Его рецепт немногим отличается от конфуцианского идеала, помещенного в «золотой век» прошлого, где совершенномудрые государи лишь царствовали, но не управляли.

Впрочем, есть одно немаловажное отличие — акцентирование медитационного аспекта, недеяния, явное перенесение мироустроительного усилия из сферы физической в сферу ментально-духовную, стремление преобразовать мир как бы «обходным» путем — воздействуя на его истоки, на область небытия. И жаль, что слова Лао-цзы о мысленном сосредоточении (шоу), об изгнании желаний (бу юй), о некоем «одеревенении» медитирующего (у мин чжи пу), столь характерном при вхождении в глубинные состояния измененного сознания, порой остаются незамеченными переводчиками, привычно мыслящими лишь категориями материи.

КНИГА ВТОРАЯ

Перевод Ян Хин-шуна

38. Человек с высшим *дэ* не стремится делать добрые дела, поэтому он добродетелен; человек с низшим *дэ* не оставляет [намерения] совершать добрые дела, поэтому он не добродетелен; человек с высшим *дэ* бездеятелен и осуществляет недеяние; человек с низшим *дэ* деятелен, и его действия нарочиты; обладающий высшим человеколюбием действует осуществляя недеяние; человек высшей справедливости деятелен, и его действия нарочиты: человек, во всем соблюдающий ритуал, действует, [надеясь на взаимность]. Если он не встречает взаимности, то он прибегает к наказаниям. Вот почему *дэ* появляется только после утраты *дао*, человеколюбие — после утраты *дэ*; справедливость — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты справедливости. Ритуал — это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] — начало смуты.

Внешний вид — это цветок *дао*, начало невежества. Поэтому (великий человек) берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго.

39. Вот те, которые с древних времен находятся в единстве. Благодаря единству небо стало чистым, земля — незыблемой, дух — чутким, долина — цветущей и начали рождаться все существа. Благодаря единству знать и государи становятся образцом в мире. Вот что создает единство.

Если небо не чисто, оно разрушается; если земля зыбка, она раскалывается; если дух не чуток, он исчезает; если долины не цветут, они превращаются в пустыню; если вещи не рождаются, они исчезают; если знать и государи не являются примером благородства, они будут свергнуты.

Незнатные являются основой для знатных, а низкое — основанием для высокого. Поэтому знать и государи сами называют себя «одинокими», «сирыми», «несчастливыми». Это происходит оттого, что они не рассматривают незнатных как свою основу. Это ложный путь. Если разобрать колесницу, от нее ничего не останется. Нельзя считать себя «драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень.

40. Превращение в противоположное есть действие *дао*, слабость есть свойство *дао*. В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии.

41. Человек высшей учености, узнав о *дао*, стремится к его осуществлению. Человек средней учености, узнав о *дао*, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености, узнав о *дао*, подвергает его насмешке. Если оно не подвергалось бы насмешке, не являлось бы *дао*. Поэтому существует поговорка: кто узнает *дао*, похож на темного; кто проникает в *дао*, похож на отступающего; кто на высоте *дао*, похож на заблуждающегося; человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещенный похож на презираемого; безграничная добродетельность похожа на ее недостаток; распространение добродетельности похоже на ее расхищение; истинная правда похожа на ее отсутствие.

Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготовляется; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы.

Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только оно способно помочь [всем существам] и привести их к совершенству.

42. *Дао* рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три рождают все существа. Все существа носят в себе *инь* и *ян*, наполнены *ци* и образуют гармонию. Люди не любят [имена] «одинокий», «сирый», «несчастливый». Между тем гуны и ваны этими [именами] называют себя. Поэтому вещи возвышаются, когда их принижают, и принижаются, когда их возвышают.

Чему учат люди, тому обучаю и я: сильные и жестокие не умирают своей смертью. Этим я руководствуюсь в своем обучении.

43. В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнивать с учением, не прибегающим к словам, и пользой от недеяния.

44. Что ближе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатства? Что тяжелее пережить — приобретение или потерю? Кто многое сберегает, тот понесет большие потери. Кто много накапливает, тот потерпит большие убытки. Кто знает меру, у того не будет неудачи. Кто знает предел, тот не будет подвергаться опасности. Он может стать долговечным.

45. Великое совершенство похоже на несовершенное, но его действие [не может быть] нарушено, великая полнота похожа на пустоту, но ее действие неисчерпаемо. Великая прямота похожа

на кривизну; великое остроумие похоже на глупость; великий оратор похож на заику.

Ходьба побеждает холод, покой побеждает жару. Спокойствие создает порядок в мире.

46. Когда в стране существует *дао*, лошади унавоживают землю, когда в стране отсутствует *дао*, боевые кони пасутся в окрестностях. Нет больше несчастья, чем незнание границы своей страсти, и нет большей опасности, чем стремление к приобретению [богатств]. Поэтому, кто умеет удовлетворяться, всегда доволен [своей жизнью].

47. Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное *дао*. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномудрый не ходит, но познает [все]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

NB ***Здесь — водораздел оснований. Согласие в том, что путь сердечного познания — это встреча с уже известным, оставляет возможность для глубочайших расхождений. Восток — с его традицией обращения к лежащему за гранью осмысления и восприятия как сокровенному, сущностно непостижимому. Запад — традиционно стремящийся нащупать за этой гранью твердую почву островов, пока не познанных, но уже доступных сознанию. Они и на общем пути сердечного познания ищут и находят разное. Восток — способ присвоения целостности, гармоничности и полноты корней бытия, превращения его в реальность психики. Запад — утерянный и забытый путь человека к себе, к согласию с собой и со всем миром.***

48. Кто учится, с каждым днем увеличивает [свои знания]. Кто служит *дао*, изо дня в день уменьшает [свои желания]. В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния. Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть Поднебесной.

49. Совершенномудрый не имеет постоянного сердца. Его сердце состоит из сердец народа. Добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Таким образом и воспитывается добродетель. Искренним я верен и неискренним также верен. Таким образом и воспитывается искренность.

Совершенномудрый живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа. Он смотрит на народ как на своих детей.

50. [Существа] рождаются и умирают. Из десяти человек три [идут] к жизни, три — к смерти. Из каждых десяти еще имеются три человека, которые умирают от своих деяний. Почему это так? Это происходит оттого, что у них слишком сильно стремление к жизни.

Я слышал, что, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра, вступая в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру негде наложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти.

51. *Дао* рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая не почитала бы *дао* и не ценила бы *дэ*. *Дао* почитаемо, *дэ* ценимо, потому что они не отдают приказании, а следуют естественности.

Дао рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их], взращивает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим *дэ*.

52. В Поднебесной имеется начало, и оно — мать Поднебесной. Когда будет постигнута мать, то можно узнать и ее детей. Когда уже известны ее дети, то снова нужно помнить о их матери. В таком случае до конца жизни [у человека] не будет опасности. Если [человек] оставляет свои желания и освобождается от страстей, то до конца жизни не будет у него усталости. Если же он распускает свои страсти и поглощен своими делами, то не будет спасения [от бед].

Видение мельчайшего называется зоркостью. Сохранение слабости называется могуществом. Следовать сиянию [*дао*], постигать его глубочайший смысл, не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянства.

53. Если бы я владел знанием, то шел бы по большой дороге. Единственная вещь, которой я боюсь, — это узкие тропинки. Большая дорога совершенно ровна, но народ любит тропинки.

Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты. [Знать] одевается в роскошные

ткани, носит острые мечи, не удовлетворяется [обычной] пищей и накапливает излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением *дао*.

54. Кто умеет крепко стоять, того нельзя опрокинуть. Кто умеет опереться, того нельзя свалить. Сыновья и внуки вечно сохранят память о нем.

Кто совершенствует [*дао*] внутри себя, у того добродетель становится искренней. Кто совершенствует [*дао*] в семье, у того добродетель становится обильной. Кто совершенствует [*дао*] в деревне, у того добродетель становится обширной. Кто совершенствует [*дао*] в царстве, у того добродетель становится богатой. Кто совершенствует [*дао*] в Поднебесной, у того добродетель становится всеобщей.

По себе можно познать других; по одной семье можно познать остальные; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Поступая так.

55. Кто содержит в себе совершенное *дэ*, тот похож на новорожденного. Ядовитые насекомые и змеи его не ужалят, свирепые звери его не схватят, хищные птицы его не заклюют. Кости у него мягкие, мышцы слабые, но он держит [*дао*] крепко. Не зная союза двух полов, он обладает животворящей способностью. Он очень чуток. Он кричит весь день, и его голос не изменяется. Он совершенно гармоничен.

Знание гармонии называется постоянством. Знание постоянства называется мудростью. Обогащение жизни называется счастьем. Стремление управлять чувствами называется упорством. Существо, полное сил, стареет — это называется нарушением дао. Кто дао не соблюдает, тот погибает раньше времени.

56. Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает. То, что оставляет свои желания, отказывается от страстей, притупляет свою проницательность, освобождает себя от хаотичности, умеряет свой блеск, уподобляет себя пылинке, представляет собой глубочайшее. Его нельзя приблизить для того, чтобы с ним сродниться; его нельзя приблизить для того, чтобы им пренебрегать; его нельзя приблизить для того, чтобы им воспользоваться; его нельзя приблизить для того, чтобы его возвысить; его нельзя приблизить для того, чтобы его унизить. Вот почему оно уважаемо в Поднебесной.

57. Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью. Поднебесную получают во владение посредством недеяния. Откуда я знаю все это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников.

Поэтому совершенномудрый говорит: «Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым; если я не имею страстей, народ становится простодушным».

58. Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро — в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блестеть.

59. Управляя людьми и служа небу, лучше всего соблюдать воздержание. Воздержание должно стать главной заботой. Оно называется совершенствованием *дэ*. Совершенствование *дэ* — всепобеждающее. Всепобеждающее обладает неисчерпаемой силой. Неисчерпаемая сила дает возможность овладеть страной.

Начало, при помощи которого управляется страна, долговечно и называется глубоким и прочным, вечно существующим *дао*.

60. Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелких рыб. Если Поднебесной управлять, следуя *дао*, то злые духи [умерших] не будут действовать. Но злые духи не только не будут действовать, они также не смогут вредить людям. Не только они не смогут вредить людям, но и совершенномудрые не смогут вредить людям. Поскольку и те и другие не смогут вредить людям, их *дэ* соединятся друг с другом.

61. Великое царство — это низовье реки, узел Поднебесной, самка Поднебесной. Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, а по своей невозмутимости [она] стоит ниже [самца]. Поэтому великое царство располагает к себе маленькое тем, что

ставит себя ниже последнего, а маленькое царство завоевывает симпатию великого царства тем, что стоит ниже последнего. Поэтому располагают к себе либо тем, что ставят себя ниже, либо тем, что сами по себе ниже. Пусть великое царство будет желать не больше того, чтобы все одинаково были накормлены, а малое царство пусть будет желать не больше того, чтобы служить людям. Тогда оба получат то, чего они желают. Великому полагается быть внизу.

62. *Дао* — глубокая [основа] всех вещей. Оно сокровище добрых и защита недобрых людей. Красивые слова можно произносить публично, доброе поведение можно распространять на людей. Но зачем же покидать недобрых людей? В таком случае для чего же выдвигают государя и назначают ему трех советников?

Государь и советники хотя и имеют драгоценные камни и могут ездить на колесницах, но лучше будет им спокойно следовать *дао*.

Почему в древности ценили *дао*? В то время люди не стремились к приобретению богатств и преступления прощались. Поэтому [*дао*] в Поднебесной ценилось дорого.

63. Нужно осуществлять недеяние, соблюдать спокойствие и вкушать безвкусное. Великое состоит из малого, а многое — из немногого. На ненависть нужно отвечать добром.

Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из легкого, а великое — из малого. Поэтому совершенномудрый начинает не с великого, тем самым он совершает великое. Кто много обещает, тот не заслуживает доверия. Где много легких дел, там много и трудных. Поэтому совершенномудрый относится к делу как к трудному, поэтому он не испытывает трудности.

64. То, что спокойно, легко сохранить. То, что еще не показало признаков, легко направить. То, что слабо, легко разделить. То, что мелко, легко рассеять. Действие надо начать с того, чего еще нет. Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты. Ибо большое дерево вырастает из маленького, девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли, путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет. Те, кто, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу. Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому как он его начал, у того всегда будет благополучие. Поэтому совершенномудрый не имеет страсти, не ценит труднодобываемые

предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать.

65. В древности те, кто следовал *дао*, не просвещали народ, а делали его невежественным. Трудно управлять народом, когда у него много знаний. Поэтому управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью. Кто знает эти две вещи, тот становится примером для других. Знание этого примера есть знание глубочайшего *дэ*. Глубочайшее *дэ*, оно и глубоко и далеко. Оно противоположно всем существам, но приводит их к полному соответствию [с ним].

66. Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами.

Когда [совершенномудрый] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому хотя он и стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим.

67. Все говорят о том, что мое *дао* велико и не уменьшается. Если бы оно уменьшилось, то после долгого времени оно стало бы маленьким. Не уменьшается потому, что оно является великим.

Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других. Я человеколюбив, поэтому могу стать храбрым. Я бережлив, поэтому могу быть щедрым. Я не смею быть впереди других, поэтому могу стать умным вождем.

Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, — тот погибает. Кто ведет войну человеколюбиво, побеждает, и возведенная им оборона неприступна. Небо его спасает, человеколюбие его охраняет.

68. Умный полководец не бывает воинствен. Умелый воин не бывает гневен. Умеющий побеждать врага не нападает. Умеющий управлять людьми не ставит себя в низкое положение. Это я называю *дэ*, избегающее борьбы. Это сила в управлении людьми. Это значит следовать природе и древнему началу [*дао*].

69. Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действием посредством недеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага, и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [*дао*]. В результате сражений те, кто скорбит, одерживают победу.

70. Мои слова легко понять и легко осуществить. Но люди не могут понять и не могут осуществлять. В словах имеется начало, в делах имеется главное. Поскольку люди их не знают, то они не знают и меня. Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.

71. Кто, имея знания, делает вид, что не знает, тот выше всех. Кто, не имея знаний, делает вид, что знает, тот болен. Кто, будучи больным, считает себя больным, тот не является больным. Совершенномудрый не болен. Будучи больным, он считает себя больным, поэтому он не болен.

72. Когда народ не боится могущественных, тогда приходит могущество. Не тесните его жилища, не презирайте его жизни. Кто не презирает [народа], тот не будет презрен [народом]. Поэтому совершенномудрый, зная себя, себя не выставляет. Он любит себя и себя не возвышает. Он отказывается от самолюбия и предпочитает невозвышение.

73. Кто храбр и воинствен — погибает, кто храбр и не воинствен — будет жить. Эти две вещи означают: одна — пользу, а другая — вред. Кто знает причины того, что небо ненавидит [воинственных]? Объяснить это трудно и совершенномудрому.

Небесное *дао* не борется, но умеет побеждать. Оно не говорит, но умеет отвечать. Оно само приходит. Оно спокойно и умеет управлять [вещами]. Сеть природы редка, но ничего не пропускает.

74. Если народ не боится смерти, то зачем же угрожать ему смертью? Кто заставляет людей бояться смерти и считает это занятие увлекательным, того я захвачу и уничтожу. Кто осмеливается так действовать?

Всегда существует носитель смерти, который убивает. А если кто его заменит — это значит заменит великого мастера. Кто, заменяя великого мастера, рубит [топором], повредит свою руку.

75. Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов. Вот почему [народ] голодает. Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны. Вот почему трудно управлять. Народ презирает смерть оттого, что у него слишком сильно стремление к жизни. Вот почему презирают смерть. Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.

76. Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

77. Небесное *дао* напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Небесное *дао* отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же *дао* — наоборот. Оно отнимает у бедных и отдает богатым то, что отнято. Кто может отдать другим все лишнее? Это могут сделать только те, которые следуют *дао*. Поэтому совершенномудрый делает и не пользуется тем, что сделано, совершает подвиги и себя не прославляет. Он благороден потому, что у него нет страстей.

78. Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного.

Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны — становится государем, и кто принял на себя несчастье страны — становится властителем».

Правдивые слова похожи на свою противоположность.

79. После успокоения большого возмущения непременно останутся его последствия. Как можно назвать это добром? Поэтому совершенномудрый дает клятву, что он не будет никого пори-

цать. Добрые стремятся к соглашению, а недобрые — к вымогательству. Небесное *дао* относится ко всем одинаково, оно всегда на стороне добрых.

80. Пусть государство будет маленьким, а население редким. Если [в государстве] имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко [от своих мест]. Если [в государстве] имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма. Пусть его пища будет вкусной, одеяние красивым, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние государства смотрят друг на друга, слушают друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до самой старости и смерти не посещают друг друга.

81. Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное *дао* приносит всем существам пользу и им не вредит. *Дао* совершенномудрого — это деяние без борьбы.

Д.Н.ВОСКРЕСЕНСКИЙ

ИЗ «КРАТКОГО ПОСЛЕСЛОВИЯ КИТАИСТА»

Дао — Дэ как «Путь и Добродетель» (или «Благодать») суть не только и не столько философские термины, сколько образы, а всякий образ или образ-символ почти непереводим... — а если и переводим, то достаточно условно. Впрочем, и в самом Китае последователи учения о Дао, его толкователи... на протяжении веков объясняли это слово-образ каждый по-своему: ведь путь жизни (или «путь к жизни») это всегда некая тайна. К тайне же можно только приблизиться или прикоснуться, но ее трудно и даже невозможно разгадать до конца. Не потому ли каждый находил в ней свое: Чжуан-цзы, Толстой или Борхеес. В многоликости понятий и образов, которые ввел в обиход Лао-цзы, в парадоксальности его суждений (деяние это недеяние, добро это зло, мудрость — глупость, старец — дитя и т.д. и наоборот), есть нечто, всегда привлекавшее к себе не только философов, пытавшихся раскрыть тайны Бытия, но и писателей, поэтов, художников. Они черпали в учении о Дао творческие силы, открывали с помощью его мир новых звуков и красок, безграничный край идей. Они видели в Дао — Истине путь к освобождению творческого духа, свое приближение к естеству Природы и слияние с нею. Дао рождало вдохновение и творческий порыв...

Произведение Лао-цзы — это не скучный трактат философа-схоласта, но своеобразное поэтическое творение великого мыслителя-художника.

ЛЕ-ЦЗЫ

Перевод Л.Д.Позднеевой

Ниже приведены отрывки из канонических текстов Ле-цзы и Чжуан-цзы, принадлежащих к числу наиболее значимых в даосской традиции.

Ле-цзы предположительно жил в V—IV вв. до н.э. Дошедший до нас текст памятника — сравнительно поздняя компиляция. Она наследует оригинальному тексту, утраченному во II в. до н.э., и дополнена фрагментами даосских философских изысканий.

Учитель Лецзы сказал:

— Небо и земля не всетворящи, мудрецы не всемогущи, тьма вещей не удовлетворяет все нужды. Дело неба — порождать и покрывать сверху, дело земли — формировать и поддерживать снизу, дело мудрых — обучать и просвещать, [каждой из] вещей присуще [ее] дело. Однако и у неба есть недостатки там, где у земли — преимущества; и вещи постигают то, в чем мудрецы терпят неудачу. Отчего? Оттого что порождающее и покрывающее [небо] не способно формировать и поддерживать, формирующая и поддерживающая [земля] не способна обучать и просвещать, обучающие и просвещающие [мудрецы] не способны действовать вопреки тому, что присуще [вещам, а вещи], — не способны выйти за пределы того определенного, что им присуще. Поэтому путь природы — либо жар, либо холод, учение мудрых — либо милосердие, либо справедливость, у тьмы вещей — либо мягкость, либо твердость. Все они следуют за присущим [им] и не способны выйти за его пределы.

Поэтому есть обладающий жизнью, есть и то, что порождает обладающего жизнью; есть обладающий формой, есть и то,

что создает обладающего формой; есть обладающий звуком, есть и то, что дает звук обладающему звуком; есть обладающий цветом, есть и то, что дает цвет обладающему цветом; есть обладающий вкусом, есть и то, что дает вкус обладающему вкусом. То, что порождается рожденным, — смерть; но то, что порождает рожденного, никогда не кончается; то, что формируется в форму, — это сущность, а то, что формирует форму, никогда [формой] не обладает; произведенный звучащим звук слышен, а то, что порождает звучащее, никогда не звучит; порожденная цветом окраска ясно видна, а то, что порождает цвет, никогда не заметно; порожденный вкусом вкус ощущается, а то, что порождает вкусовое ощущение, никогда не обнаруживается: все это дело недеяния. [Недеяние] способно быть жаром и холодом, способно быть мягким и твердым, коротким и длинным, круглым и квадратным, живым и мертвым, горячим и холодным, способно плавать и тонуть, способно быть первым и вторым тоном гаммы, способно появляться и исчезать, быть пурпурным и желтым, сладким и горьким, вонючим и ароматным. [Недеяние] не имеет знаний, не имеет способностей, но нет того, чего бы оно не знало, нет того, чего бы оно не могло.

Движение формы [тела] порождает не форму, а тень; движение звука — не звук, а эхо; движение [действие] небытия порождает не небытие, а бытие.

— Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости, исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств нечего добавить. Во время возмужания в юности воздух [энергия] в крови переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [с ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу.

Смерть — конец свойств. Древние называли мертвого вернувшимся... Что за человек тот, кто уйдет из родных мест, покинет всю свою родню, бросит свой дом, свое достояние, уйдет бродить на все четыре стороны и не вернется? Все непременно назовут его безрассудным, безумным. А что за человек тот, кто ценит

[свое] тело и жизнь, хвастается своими способностями и мастерством, создает себе имя и славу, кичится перед живущими и забывает о [своем] конце? Все непременно назовут его умным, дальновидным мужем. Оба они ошибаются, однако все похвалят второго и осудят первого. Только мудрый человек ведает, кого одобрить, а кого осудить.

...учитель Лецзы сказал:

— Говорящие, что небо и земля разрушатся, ошибаются; говорящие, что небо и земля не разрушатся, также ошибаются. Разрушатся или нет, я не могу знать. Хотя одни [утверждают] первое, а другие — второе, но ведь живые не знают, что такое мертвые, а мертвые не знают, что такое живые; приходящие не знают ушедших, а ушедшие — приходящих. Что нам тревожиться, разрушатся [небо и земля] или нет!

Учителем Лецзы был Старый Шан, а другом — Дядя Высокий. [Лецзы] усвоил учение обоих и вернулся домой, оседлав ветер.

Об этом услышал ученик Инь, последовал за Лецзы и несколько лун не уходил домой. [Он] просил [учителя рассказать] на досуге о его искусстве, но десять раз [учитель] не говорил, и десять раз [Инь] возвращался [ни с чем]. Ученик Инь возроптал и попросил разрешения попрощаться. Лецзы [и тут] ничего не сказал. Инь ушел на несколько лун, но мысль [об учении] его не оставляла, и [он] снова вернулся.

— Почему ты столько раз приходишь и уходишь? — спросил его Лецзы.

— Прежде [я], Чжанцзай, обращался к тебе с просьбой, — ответил Инь. — Ты же мне ничего не сказал, и [я] на тебя обиделся. Ныне забыл [обиду] и поэтому снова пришел.

— Прежде я считал тебя проницательным, ныне же ты оказался столь невежественным. Оставайся! Я поведаю тебе о том, что открыл [мне] учитель, — сказал Лецзы. — С тех пор как стал я служить учителю и другу, прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился взгляда учителя. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился улыбки учителя. Прошло семь лет и, давая волю своему сердцу, [уже] не думал ни об истинном, ни о ложном; давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, что ложно, что полезно и что вредно; уже не ведал, что

учитель — мой наставник, а тот человек — мой друг. Перестал [различать] внутреннее от внешнего. И тогда все [мои чувства] как бы слились в одно целое: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, и, следуя за ветром, начал передвигаться на восток и на запад. Подобный листу с дерева или сухой шелухе, [я] в конце концов не сознавал, ветер ли оседлал меня или я — ветер. Ты же ныне поселился у ворот учителя. Еще не прошел круглый срок, а ты роптал и обижался дважды и трижды. Ни одной доли твоего тела не может воспринять ветер, ни одного твоего сустава не может поддержать земля. Как же смеешь [ты] надеяться ступать по воздуху и оседлать ветер?

Ученик Инь устыдился, присмирел и долго не решался задавать вопросы.

NB ***Представления о возможностях в рамках и ступенях ученичества в даосской традиции объемны и неоднозначны. Знание Дао дано каждому изначально, «сердце не может не знать Дао». Возвращение к мудрой прозрачности младенческого восприятия может быть сопряжено с индивидуальностью (обыкновенному дано лишь внешнее, достойный видит скрытое, мудрый доверяет переменам, чтобы пребывать в неизменном) или с возрастом («Юноша читает книги, словно смотрит на луну из глубокой ямы. Человек средних лет читает книги, словно смотрит на луну во дворе. Старец читает книги, словно любуется луной с высокой террасы. Глубина их понимания зависит от высоты их положения»).***

Важные ограничения накладываются даосским отношением к учительству. В отличие от Конфуция, оставившего 72 ближайших ученика и тысячи получивших наставления, Лао-цзы избегал открытой проповеди. Известно лишь о трех его учениках. Но именно в этой интимной обстановке традиционных школ, с их верой в сокровенность знания работали представления о неповторимости внутреннего пути, о вечно открытой возможности вступить на него.

Такой проверенный здравым смыслом, традицией, соединяющий своеобразие мысленного строя и жизненного уклада опыт кажется сегодня более живые и насущным, чем профессиональные лозунги: за демократичность, открытость, индивидуально-ориентированное обучение. Слишком часто они выглядят штампами на знаменах.

Обретает истину тот, кто сумел понять и охватить до конца [процесс] создания вещей из бесформенного, [понять, что процесс] прекращается с прекращением изменений. Держась меры бесстрастия, скрываясь в не имеющем начала времени, тот, <кто обрел истину>, будет странствовать там, где начинается и кончается тьма вещей. Он добивается единства своей природы, [чисто-

ты] своего эфира, полноты свойств, чтобы проникать в [процесс] создания вещей. Природа у того, кто так поступает, хранит свою целостность, в жизненной энергии нет недостатка. Разве проникнут в его [сердце] печали?!

Ведь пьяный при падении с повозки, даже очень резком, не разобьется до смерти. Кости и сочленения [у него] такие же, как и у [других] людей, а повреждения иные, ибо душа у него целостная. Сел в повозку неосознанно и упал неосознанно. [Думы о] жизни и смерти, удивление и страх не нашли места в его груди, поэтому, сталкиваясь с предметом, [он] не сжимался от страха. Если человек обретает [подобную] целостность от вина, то какую же целостность должен он обрести от природы! Мудрый человек сливается с природой, поэтому ничто не может ему повредить.

Янь Юань рассказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Глубина кубка, Перевозчик правил лодкой, как бог. Я спросил его: «Можно ли научиться управлять лодкой?» «Да, — ответил он, — можно обучить того, кто умеет плавать; у прекрасного пловца [к этому] особые способности, а если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза». Я спрашивал еще, но [он] более не отвечал. Дозвольте задать вопрос: «Что это означает?»

— Гм! — сказал Конфуций. — Я давно уже забавлялся с тобой тем, что [лежит] на поверхности, но никогда не доходил до сущности. [Теперь] все же скажу.

«Можно обучить того, кто умеет плавать» — [означает, что он] легко общается с водой; «У прекрасного пловца [к этому] особые способности» — забывает про воду; «А если это водолаз, то [он] примется управлять лодкой, даже не видав ее прежде в глаза» — для него пучина подобна суше, а опрокинутая лодка — скользящей назад повозке. Пусть перед ним опрокидывается и скользит тьма вещей, это даже не привлечет его внимания; куда бы ни направился, все станет делать играючи.

Один приморский житель любил чаек. Каждое утро отправлялся в море и плыл за чайками. Чайки же слетались к нему сотнями.

Его отец сказал:

— Я слышал, что все чайки следуют за тобой. Поймай-ка мне [нескольких] на забаву.

На другое утро, [когда Любитель чаек] отправился в море, чайки кружились [над ним], но не спускались.

Поэтому и говорится: «Высшая речь — без речей, высшее деяние — недеяние». То знание, которое доступно всем, — неглубоко.

Чэньский полководец приехал послом в Лу и тайно встретился с Шусунем.

— В нашем царстве есть мудрец, — сказал Шусунь.

— Не Конфуций ли? — спросил [гость].

— Да, он.

— Откуда известно о его мудрости?

— Я слышал от Янь Юаня о том, что Конфуций способен использовать форму [тело], отбросив сердце.

— Знаешь ли, что в нашем царстве также есть мудрец? — спросил полководец из Чэнь.

— Кого называешь мудрецом?

— [Одного] из учеников Лаоцзы — Кан Цанцзы. [Он] обрел учение Лаоцзы и способен видеть ушами, а слышать глазами.

Услышав об этом, луский царь очень удивился [и] послал к Кан Цанцзы вельможу с щедрыми дарами. Кан Цанцзы принял приглашение и приехал. Царь Лу униженно попросил разрешения задать вопрос. Кан Цанцзы же ответил:

— Тот, кто передал обо мне, напутал. Я способен видеть и слышать без глаз и ушей, но не способен заменять зрение слухом, а слух — зрением.

— Это еще более удивительно, — сказал царь Лу. — Каково же это учение? Я хочу наконец о нем услышать!

— Мое тело едино с моей мыслью, мысль едина с эфиром, эфир един с жизненной энергией, жизненная энергия едина с небытием. Меня раздражает даже мельчайшее бытие [существо], даже самый тихий отклик. Пусть [они] далеки — за пределами восьми стран света, или близки — у [моих] бровей и ресниц, я о них обязательно буду знать. Не знаю, ощущение ли это [воспринятое] мною через [все] семь отверстий и четыре конечности, или познание, [воспринятое) через сердце, желудок, [все] шесть внутренних органов. Это естественное знание, и только.

Царю Лу это очень понравилось, и на другой день [он] рассказал обо всем Конфуцию. Конфуций улыбнулся, но ничего не ответил.

Учитель Лецзы стал учиться.

Прошло три года, и [я] изгнал из сердца думы об истинном и ложном, а устам запретил говорить о полезном и вредном. Лишь тогда удостоился [я] взгляда Старого Шана. Прошло пять лет, и в сердце родились новые думы об истинном и ложном, устами по-новому заговорил о полезном и вредном. Лишь тогда [я] удостоился улыбки Старого Шана. Прошло семь лет, и, давая волю — своему сердцу, [я уже] не думал ни об истинном, ни о ложном, давая волю своим устам, не говорил ни о полезном, ни о вредном. Лишь тогда учитель позвал меня и усадил рядом с собой на циновке. Прошло девять лет, и как бы ни принуждал [я] свое сердце думать, как бы ни

принуждал свои уста говорить, уже не ведал, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно; не ведал, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Перестал [отличать] внутреннее от внешнего. И тогда все [чувства] как бы слились в одно: зрение уподобилось слуху, слух — обонянию, обоняние — вкусу. Мысль сгустилась, а тело освободилось, кости и мускулы сплавились воедино. [Я] перестал ощущать, на что опирается тело, на что ступает нога, о чем думает сердце, что таится в речах. Только и всего. Тогда-то в законах природы [для меня] не осталось ничего скрытого.

Перед тем как ослепнуть, глаза разглядят даже кончик волоска.

Перед тем как оглохнуть, уши расслышат даже полет москита.

Перед тем как притупится ощущение [вкуса], язык отличит [воду из реки] Цзы от [воды из реки] Минь.

Перед тем как утратить обоняние, нос отличит запах обожженного дерева от [запаха] гниющего.

Перед тем как телу окостенеть, [человек] бежит быстро.

Перед тем как утратить рассудок, сердце легко отличает правду от лжи.

Причина в том, что, не достигнув предела, вещи не переходят в свою противоположность.

В полях и болотах Чжэн много мудрых, в Восточном же квартале много талантливых. Среди рабов на полях и болотах был и Бо Фынцзы. Проходя через Восточный квартал, он встретился с Дэн Си.

Дэн Си посмотрел на своих учеников, усмехнулся и сказал:

— Не высмеять ли тех, кто идет [нам] навстречу?

— Хотелось бы послушать, — ответили ученики.

И Дэн Си сказал Бо Фынцзы:

— Постиг ли ты обязанности кормящего? Те, кого кормит человек, кто не способен прокормиться сам, относятся к роду собак и свиней. Кормить этих тварей и распоряжаться ими — в этом сила человека. А в том, что твои ученики едят и насыщаются, одеваются и отдыхают, заслуга держащих власть. Если же собирать старых и малых, [словно] стадо, возводить загоны, [как для] скота [или] живности, то чем же [эти люди] будут отличаться от собак и свиней?

Бо Фынцзы промолчал, но один из его учеников вышел вперед и ответил:

— Разве старший муж не слышал о том, как много умельцев в Ци и Лу? Есть мастера по глине и дереву, по металлу и коже; есть прекрасные создатели песен и музыкальных инструментов <вариант: певцы и музыканты>, писцы и математики; есть прекрасные военачальники, воины и служители храма предков. Представлены все таланты. Но [они] не могут распоряжаться друг другом, давать друг другу поручения. Тот же, кто распоряжается ими, не обладает знаниями; тот, кто дает им поручения, не имеет талантов. Он-то и выполняет поручения тех, кто знает и умеет. Нами-то и даются поручения держащим власть. Чем же тебе гордиться?

Дэн Си нечего было отвечать. Он посмотрел на своих учеников и отступил.

Страж Границы сказал:

— Тому, кто не замыкается в себе, вещи и их форма открываются сами. Движение такого [человека] подобно [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху, поэтому его путь подобен пути [других] вещей. Сами вещи идут против пути, [но] путь не идет против вещей. Умеющий уподобиться пути уже не станет применять ни слуха, ни зрения, ни силы, ни разума. Нельзя уподобиться пути с помощью зрения, слуха, осязания, ума. Ищешь его впереди, а он [путь] вдруг [оказывается] позади. Используешь его, и [он] наполняет все шесть пространств, отбрасываешь его и не ведаешь, где он. Он не удаляется, [когда] кто-то может его обрести сознательно, он и не приближается, [когда] кто-то может его обрести бессознательно. Обретает его лишь тот, кто хранит молчание; лишь тот, чьи свойства совершенны. Знание без страсти, способности без действия — вот истинное знание, вот истинные способности. Развивая незнание, разве будешь подвержен страстям? Развивая неспособность, разве будешь готов к деяниям? Собирание же драгоценных камней или пыли, пусть даже и без деяний, не есть естественный закон.

В каждом большем содержится меньшее — без конца и предела. Как в небе и земле содержится тьма вещей, так же и небо с землей в чем-то содержатся. То, в чем содержится тьма вещей, несомненно, бесконечно; то, в чем содержатся небо и земля, несомненно, беспредельно. Как мне знать, нет ли за пределами неба и земли еще больших небес и земель? Это мне также неведомо. Однако небо и земля — те же вещи, у вещей же бывают недостатки.

Равновесие — высший закон Поднебесной — относится к вещам, обладающим формой. [Когда] к волосу подвешены [вещи], равные по весу, и волос рвется, [значит], равновесия нет. При равновесии и разрывающие [силы] не разорвут. Люди считают это неверным, но, конечно, есть и понимающие, что это верно.

Гань Ин в старину был замечательным стрелком. Лишь натянет лук — и звери ложатся, а птицы падают. У Гань Ина обучал-

ся Стремительный Вэй и превзошел в мастерстве своего наставника. К Стремительному Вэю и пришел учиться Цзи Чан.

— Сначала научись не моргать, — сказал ему Стремительный Вэй, — а затем поговорим и о стрельбе.

Цзи Чан вернулся домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Через два года он не моргал, даже если [его] кололи в уголок глаза кончиком шила.

[Цзи Чан] доложил об этом Стремительному Вэю, тот сказал:

— [Этого] еще недостаточно. Теперь еще научись смотреть, а потом можно [и стрелять. Научись] видеть малое, точно большое, туманное, точно ясное, а затем доложишь.

Чан подвесил к окну вошь на конском волосе и стал на нее глядеть, обернувшись лицом к югу. Через десять дней [вошь] стала расти [в его глазах], а через три года уподобилась тележному колесу, все же остальные предметы [казались ему] величиной с холм или гору. Взял [он] лук из яньского рога, стрелу из цзинского бамбука, выстрелил и пронзил сердце вши, не порвав волоса.

Доложил об этом Стремительному Вэю. Стремительный Вэй ударил себя в грудь, затопал ногами и воскликнул:

— Ты овладел [искусством]!

Жизнь сохраняется не потому, что ее ценят, здоровье улучшается не потому, что его берегут; жизнь безвременно теряют не оттого, что ее презирают, здоровье ухудшают не оттого, что им пренебрегают. Поэтому ценящий жизнь, возможно, не будет жить; презирающий жизнь, возможно, не умрет; берегущий здоровье, возможно, его не улучшит; пренебрегающий здоровьем, возможно, его не ухудшит. Кажется, что все это [происходит] вопреки [желанию]. Нет, не вопреки. Это означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе. Бывает, что ценят жизнь и живут или презирают жизнь и умирают; бывает, что берегут здоровье и улучшают его или пренебрегают здоровьем и ухудшают его. Кажется, что все это соответствует [желанию]. Нет, не соответствует. Это также означает, что живут сами по себе, умирают сами по себе, [здоровье] улучшается само по себе, ухудшается само по себе.

Почти успех — подобен успеху, но [он] и не начало успеха; почти неудача — подобна неудаче, но [это] и не начало неудачи. Заблуждение рождается подобием. Границы подобия — неразличимы, но тот, для кого подобие различимо, не станет страшиться беды извне, не станет радоваться и внутреннему счастью. В [какое] время действовать, в [какое] время бездействовать — и умному не познать.

Верящий в судьбу <фаталист> не делает различия между «*я*» и «не-я». Тот, кто делает различие между «я» и «не-я», хуже того,

кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к откосу горы, лицом к городскому рву и все же не падает. Поэтому и говорится: «смерть и жизнь зависят от судьбы, бедность и неудачи зависят от времени». Тот, кто ропщет на недолговечность, не понимает судьбы; тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не понимает времени; тот, кто не знает страха смерти, не скорбит в бедности, понимает судьбу и довольствуется [своим] временем. Многознающий, оценивая доходы и убытки, отделяет кажущееся от реального, определяя людские настроения, половину обретает, половину теряет; малознающий, не оценивая доходов и убытков, не отделяя кажущееся от реального, не определяя людских настроений, также половину обретает и половину теряет. Разве есть различие между [теми, кто] оценивает, рассчитывает, определяет, и [теми, кто] не оценивает, не рассчитывает, не определяет?! Только тот, кто, ничего не меряя, все измеряет, обретает целостность и не имеет утрат. Но не оттого, что знает целостность, не оттого, что знает утраты. Целостность сама по себе, потери сами по себе, утраты сами по себе.

Лецзы учился стрелять. Попав в цель, попросил [указаний] у Стража Границы. Страж Границы задал вопрос:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Не знаю.

— [Значит], еще не овладел [мастерством].

Лецзы ушел, упражнялся три года и снова [явился] с докладом.

Страж Границы спросил:

— Знаешь ли ты, почему попал в цель?

— Знаю, — ответил Лецзы.

— [Теперь] овладел [мастерством]! Храни и не забывай!

Поступай так, (изучая] не только стрельбу, но и себя самого и царство. Ибо мудрый человек познает не существование и гибель, а их причины.

Лецзы сказал:

— Полный красоты — горд, полный сил — необуздан, с ними нельзя говорить об учении. Поэтому [пока] не поседеют, [с ними] не стоит и говорить об учении, а еще менее — о его осуществлении. Необузданному люди не могут советовать. [Если же] люди не могут [ему] советовать, то [он] остается одиноким, без помощников. Умный полагается на людей, поэтому и в старости не дряхлеет, знания [у него] исчерпывающие и беспорядков не возникает. Трудность управления царством не в том, чтобы самому быть умным, а в том, чтобы находить умных.

У [некоего] Ши из Лу было два сына. Один любил науку, другой — военное дело. Любивший науку домогался применить свое искусство у царя Ци. Циский царь взял его в наставники к сыновьям.

Любивший военное дело отправился в Чу и домогался применить свое искусство у чуского царя. Царю он понравился и был назначен военачальником. Жалованье [сыновей] обогатило семью Ши, их ранги принесли знатность всей родне.

У соседа Ши, Мэна, также было двое сыновей. Занимались они тем же, но жили в крайней нужде и завидовали достоянию семьи Ши. [Мэн] пошел к [Ши] узнать, как [сумели они] быстро возвыситься.

Оба сына [Ши] рассказали Мэну все по правде.

Один из сыновей Мэна направился в Цинь, домогаясь применить свою науку у циньского царя.

— Ныне, когда цари всеми силами оспаривают первенство, должно заниматься лишь оружием и провиантом. Если же управлять моим царством с помощью милосердия и справедливости, это приведет его к гибели, — сказал циньский царь, а затем оскопил [пришельца] и прогнал.

Другой сын отправился в Вэй, домогаясь служить вэйскому царю своим военным искусством.

— Мое царство слабое, а должно держаться среди сильных. Стремясь к миру, я служу великим царствам и помогаю малым. Стоит опереться на военную силу, и [нас] встретит лишь гибель. Но если отпустить тебя невредимым, [ты] пойдешь в другое царство и беду мне принесешь немалую, — сказал вэйский царь и, отрубив [пришельцу] ногу, отправил [его] обратно в Лу.

Когда [оба сына] вернулись, Мэн с сыновьями стали бить себя в грудь и поносить Ши.

Ши же сказал:

— Каждый, кто удачно выберет время, преуспеет! Каждый, кто упустит случай, пропадет!

Путь твоих [сыновей] был тот же, что и моих, плоды же — иные. Но просчет не в поступке, а в неудачном [выборе] времени. Ведь в мире не бывает законов, всегда правильных; нет дел, всегда неправильных. То, что годилось прежде, ныне, возможно, [следует] отбросить; то, что ныне отбросили, позже, возможно, пригодится. Для того, что пригодно, а что непригодно, нет неизменной истины. Нет [твердой] меры для того, как пользоваться удобным случаем, ловить момент, действовать по обстоятельствам. Это зависит от сообразительности. Если сообразительности недостаточно, так будь благородный муж таким же всезнающим, как Конфуций, таким же стратегом, как Тайгун, он окажется в тупике всюду, куда ни направится.

Гнев Мэна и его сыновей прошел. Они освободились от [чувства] обиды и сказали:

— Не повторяй! Мы все поняли.

Циньский Мугун спросил Радующегося Мастерству:

— Нет ли в твоем роду кого-нибудь другого, чтобы послать на поиски коня? Ведь годы твои уже немалые!

— У сыновей [моих, вашего] слуги способности небольшие. [Они] сумеют найти хорошего коня, [но] не сумеют найти чудесного коня. Ведь хорошего коня узнают по [его] стати, по костяку и мускулам. У чудесного же коня [все это] то ли угасло, то ли скрыто, то ли утрачено, то ли забылось. Такой конь мчится, не поднимая пыли, не оставляя следов.

Прошу принять того, кто [знает] коней не хуже вашего слуги. С ним вместе скованный, [я], ваш слуга, носил коромысла с хворостом и овощами. Это — Высящийся во Вселенной.

Мугун принял Высящегося во Вселенной и отправил на поиски коней.

Через три месяца [тот] вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— Какой конь? — спросил Мугун.

— Кобыла, каурая.

Послали за кобылой, а это оказался вороной жеребец. Опечалился Мугун, призвал Радующегося Мастерству и сказал:

— (Вот] неудача! Тот, кого ты прислал для поисков коня, не способен разобраться даже в масти, не отличает кобылы от жеребца. Какой же это знаток коней!

— Вот чего достиг! Вот почему он в тысячу, в тьму раз превзошел и меня, и других, [которым] несть числа! — глубоко вздохнув, воскликнул Радующийся Мастерству. — То, что видит Высящийся, — мельчайшие семена природы. [Он] овладел сущностью и не замечает поверхностного, весь во внутреннем и предал забвению внешнее. Видит то, что ему [нужно] видеть, не замечает того, чего ему [не нужно] видеть; наблюдает за тем, за чем [следует] наблюдать; опускает то, за чем не [следует] наблюдать. Конь, которого нашел Высящийся, будет действительно ценным конем.

Жеребца привели, и это оказался конь поистине единственный во всей Поднебесной!

— Творят добро не ради славы, а за добром следует слава. [Творят ради] славы, не ожидая наживы, а за славой следует нажива. [Творят ради] наживы, не ожидая тяжбы, а за наживой следует тяжба. Вот почему благородный муж должен остерегаться творить добро.

Пропал у одного человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, глядит, как укравший топор, говорит, как укравший топор, — [словом], каждый жест, каждое движение выдавали в нем вора.

Но вскоре тот человек стал вскапывать [землю] в долине и нашел свой топор. На другой же день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил [он] на вора.

ЧЖУАН-ЦЗЫ

Перевод Л.Д.Позднеевой

Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы, «учитель Чжуан») был, как писал немецкий философ Карл Ясперс, «самым знаменитым последователем Лао-цзы. И он в переводе, в отличие от «Дао дэ цзина», легко читается, остроумен, увлекателен, нагляден, склонен к раскованным высказываниям, равно как и к их заострению, богат на изменения мысли как формы изложения. Он пленяет в своих анекдотах, диалогах, ситуациях изобретательностью и образной фантазией».

Чжуан Чжоу жил в IV—III вв. до н.э., оказал значительное влияние не только на даосскую школу, но и на всю китайскую культуру.

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-океан. Это — Небесный водоем. [В нем] водится рыба шириной в несколько тысяч ли, а сколько ли она длиною — неведомо. Имя ей — Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись [о волны] и раскачавшись, он взвивается по спирали на [высоту] девяносто тысяч ли — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько жэней опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим! [Перепелке] и уподобляется тот, чьих знаний хватает для [какой-то] одной службы, кто связывает свою деятельность с [какой-то] одной областью, а свое достоинство — с [каким-то] одним правителем и способен управлять лишь одним царством.

А сунец — Муж Чести высмеял подобных людей. Всемирная слава его бы не воодушевила, всемирный позор ему бы не помешал. Он отделил внутреннее от внешнего, [установил] отличие славы от позора, и этим закончил. В мире немного найдется таких, как он, однако и он еще не утвердился.

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? [Ведь] тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас уже не тот, кто сидел, облокотясь о стол, ранее!

— Как хорошо [ты] спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? [Когда] ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; [когда] услышишь свирель земли, еще не будешь знать, что такое свирель вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля, и говорят, что [подул] ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоет сквозь тьму [земных] отверстий. Разве тебе не [случалось] слышать [подобные] голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградам, ступкам, подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни — бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, [голоса] высокие, низкие, [звуки] протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, [как] свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель вселенной? — сказал Странник.

— [В ней] звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все [вещи] звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!

[Обладающий] большими познаниями — щедр, [обладающий] малыми познаниями — любопытен. В значительной речи — сила и огонь, в незначительной речи — пустословие. Во сне — воспринятое душой, наяву — воспринятое телом. В отношениях [людей друг с другом] и [в их] союзах ежедневно происходит борьба умов. [Здесь и] нерешительные, скрываю-

щие, умалчивающие, при малых опасностях — осторожные, при больших опасностях — медлительные. Речи одних стремительны, точно полет стрелы, они решают, [что] истинно, [а что] — ложно. Другие молчат, точно принеся клятву в военном союзе, стоят на своем во имя победы. Речи третьих подобны осеннему и зимнему увяданию — с каждым днем [они] слабеют. Речи четвертых обращены к [уже] содеянному, их не отвлечь [от прошлого]. Выражения избитые, точно привязанные к старому руслу, [у таких] не оживить умирающее сердце. [Подобно] мелодиям, которые появляются из пустоты, грибам, образующимся из испарений, сменяют друг друга и днем и ночью радость и гнев, печаль и веселье, заботы и вздохи, изменчивость [чувств] и постоянство, беспечность и расточительность, любовь и распутство. Что их создает — неведомо. Не прекратить ли? Не кончить ли? [Но ведь] обретаем это и утром и вечером. Какая же причина [все] это порождает?

[Если бы] не было других, не было бы и меня; [если бы] не было меня, некому было бы воспринимать — это. Уже близко [к объяснению причины], хотя и неизвестно, что к этому побуждает. Должен бы поистине быть руководитель, но о нем не найти свидетельств. [Если] способен действовать, то поверишь и не видя формы? Обладать ощущениями, не обладая формой?

Существует единое целое из сотни костей, девяти отверстий и шести внутренних органов. Которые из них тебе ближе? Все ли они тебе нравятся? Отдаешь ли какой-либо [части тела] предпочтение? Все ли они — [твои] слуги и служанки? Достаточно ли слуг и служанок, чтобы управлять друг другом? Сменяют ли [они] один другого, как государь и слуги? Существует ли среди них поистине государь? Найдем [мы] его или не найдем, это не принесет ему ни пользы, ни ущерба.

...Действительно ли столь неразумна жизнь человека? Только ли я неразумен? Есть ли среди людей и разумные? Ведь учат, следуя сложившимся взглядам. У кого же нет [такого] наставника? Вряд ли [они] углубляют знания. Есть и такие, которые сами выбирают [себе] взгляды, среди них — и глупцы. Человек с еще не созревшими взглядами, утверждающий, [что] истинно, [а что] ложно, уподобляется тому, кто, отправившись сегодня в Юэ, утверждает, что пришел в Юэ вчера. Это означает выдавать несуществующее за существующее. А как сделать несуществующее существующим, не знал даже священный Молодой Дракон, откуда же [знать] мне?

Речь — не [просто] дыхание. Говорящий произносит слова, но то, о чем он говорит, совершенно неопределенно. Действительно ли существует речь? Или никогда не было речи? Считают ее иной, чем чириканье птенца, но отличается она от чириканья или не отличается? Насколько же скрыт путь, если [могли] появиться истина и ложь, насколько же темны речи, если

[могли] появиться правда и неправда! Путь повсюду, где же его нет! Речь существует, чего же она не способна [выразить]? Путь затемняют ничтожные учения. Речь затемняют цветистые [выражения]...

Некоторые древние в [своих] познаниях достигли предела. Каков же предел? Сперва считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Затем считали, что [отдельные] вещи существовали, но еще не знали, как они разграничивались. Далее считали, что разграничение было, но еще не знали, [что] существует истина и ложь. С появлением [понятия] об истине и лжи, [пониманию] пути был нанесен ущерб. С ущербом, нанесенным [пониманию] пути, образовалась любовь «пристрастие». Был ли действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Образовалось ли действительно [пристрастие]? Не был действительно нанесен ущерб [пониманию пути]? Не образовалось действительно [пристрастие]?

У пути никогда не было разграничения, а у слов никогда не было постоянного [смысла], поэтому и появилось разграничение. Дозвольте сказать о подобном разграничении: появилось левое, появилось и правое; появились правило и долг, разделение и различие; соперничество и борьба. Это называется восемь свойств. То, что находится за пределами шести стран света, для мудрого существует, но [об этом он] не говорит; о том, что [находится] в пределах шести стран света, мудрый говорит, но суждения не высказывает. О поколениях [времен] «Весны и осени», о воле ранних государей мудрый высказывает суждение, но не спорит. Ибо в разделении есть и нераздельное, в споре есть и бесспорное. Спросим: «почему [это происходит]?» [Оттого, что] мудрый хранит это [в себе], а дюжинные об этом спорят, чтобы похвастаться друг перед другом. Поэтому и говорится: те, кто спорит, не видят [пути]. Ведь великий путь не [может быть] назван, великий спор не [может быть] высказан в словах, великое милосердие не милосердно, великая скромность не уступчива, великое мужество не [совершает] насилий. Путь, который проявился, не есть путь; слова, высказанные в споре, не убеждают; милосердие постоянное несовершенно; скромность безупречная встречает недоверие; мужество, сопровождаемое насилием, несовершенно. Эти пять круглы, но приближаются к квадрату. Поэтому тот, кто в познании [умеет] остановиться на [еще] непознанном, — совершенен; кто сумел познать спор без слов, путь, который нельзя назвать, называется [хранителем] сокровищ природы; тот, в кого вливают и не переполняется, из кого черпают и не вычерпают, кому истоки знания неведомы, называется хранителем просвещения.

Наша жизнь ограниченна, а знания неограниченны. Ограниченному следовать за неограниченным опасно. [Поняв это], совершенствовать знания опасно. Совершая добро, избегай славы, совершая зло, избегай наказания. Если взять за основу главное, можно сохранить [свое] тело, сберечь целостность жизни, можно поддержать родителей, можно дожить до предельного возраста.

Повар царя Прекрасномилостивого принялся разделывать [тушу] быка. Каждый взмах руки и наклон плеча, каждый шаг ноги и сгибание колена сопровождались треском отделяемой от кости кожи, стуком ножа. [Работа шла] в четком ритме, точно танец «В тутовой роще» или «Цзин шоу».

— Ах, как прекрасно! Как совершенно [твое] мастерство! — воскликнул Прекрасномилостивый.

Опустив нож, повар сказал:

— [Я, ваш] слуга, привержен пути более, чем [своему] мастерству! Когда [я, ваш] слуга, стал впервые разделывать быка, то видел лишь тушу, а через три года перестал замечать животное как единое целое. Теперь же я не смотрю [на него], а понимаю [его] разумом, не воспринимаю [его] органами чувств, а действую лишь разумом. Следуя за естественными волокнами, режу сочленения, прохожу в полости, никогда не рублю то, что слишком твердо, — центральные жилы и связки, а тем более — большие кости.

Хороший повар режет, [а поэтому] меняет нож раз в год. Посредственный повар рубит, [а потому] меняет нож раз в месяц. Ножу [вашего] слуги ныне девятнадцать лет, [я] разделал им много тысяч бычьих туш, а лезвие у него словно только что заострено на точильном камне.

Между сочленениями есть щели, а острие ножа не имеет утолщения. Когда вводишь в щель тонкое лезвие, места, где погулять ножу, находится с избытком. Поэтому и через девятнадцать лет его лезвие словно только что заострено на точильном камне. Но, несмотря на это, каждый раз, подойдя к сложному сплетению, вижу, как трудно с ним справиться, страшусь и остерегаюсь, не отвожу глаз, веду нож медленно, едва шевеля. И вдруг так быстро заканчиваю разделку, точно рассыпаю ком земли. Подняв нож, я постою, оглянусь по сторонам, пройдусь в нерешительности и, удовлетворенный, оботру нож и спрячу.

— Отлично! — воскликнул Прекрасномилостивый. — Услышав рассказ повара, я понял, как достичь долголетия.

Ян Чжу встретился с Лаоцзы и спросил:

— Можно ли сопоставить с мудрым царем человека сообразительного и решительного, проницательного и дальновидного, который без устали изучает путь?

— При сопоставлении с мудрым, — ответил Лаоцзы, — такой [человек выглядел бы] как суетливый мелкий слуга, который трепещет в душе и напрасно утруждает тело. Ведь говорят: «красота тигра и барса — приманка для охотников»; «обезьяну держат на привязи за ее ловкость, а собаку — за умение загнать яка». Разве можно такого сопоставить с мудрым царем?

— Дозвольте спросить, как управлял мудрый царь? — задал вопрос Ян Чжу, изменившись в лице.

— Когда правил мудрый царь, успехи распространялись на всю Поднебесную, а не уподоблялись его личным; преобразования доходили до каждого, а народ не опирался [на царя]; никто не называл его имени, и каждый радовался по-своему. [Сам же царь] стоял в неизмеримом и странствовал в небытии.

Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая [все] до предела, [будь] бесконечен; странствуя, не оставляй следов; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретай; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем <разумом>, словно зеркалом. Не следует [за вещами], не идет [им] навстречу, [им] отвечает, но [их] не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, но остается невредимым.

Перепонки между пальцами ног и шестой палец на руке даются от природы, но для [человеческих] свойств излишни... Излишества в спорах [ведут к] нагромождению фраз, [будто] черепицы или узлов на веревке, к наслаждению тождеством и различием, твердостью и белизной, безудержными бесполезными словами ради минутной славы.

Все эти учения с перепонками и шестыми пальцами не составляют подлинной истины в Поднебесной. Подлинная истина в том, чтобы не терять природных свойств.

Со времен трех династий каждый [человек] в Поднебесной из-за вещей изменял [свою] природу. Ничтожные люди жертвовали жизнью ради наживы, мужи — ради славы, военачальники — ради рода, мудрецы — ради царства. У этих людей различные занятия, различные прозвания, но, жертвуя собой, они причиняли своей природе одинаковый вред.

Я называю сокровищем обладание не милосердием и справедливостью, а лишь своими свойствами. Я называю сокровищем не обладание милосердием и справедливостью, а лишь предоставление свободы своим природным чувствам. Я называю чутким не того, кто слышит других, а лишь того, кто слышит самого себя. Я называю зорким не того, кто видит других, а лишь

того, кто видит самого себя. Ведь смотрит на других тот, кто не видит самого себя; овладевает другими тот, кто не владеет собой, [такой] завладевает тем, что принадлежит другим, а не тем, что обрел он сам; стремится к тому, что пригодно для другого, а не к тому, что пригодно для него самого. Ведь те, кто стремится к пригодному для другого, не стремятся к пригодному для них самих. Они одинаково порочны, пусть это даже Старший Ровный или разбойник Чжи! Мне стыдно перед природными свойствами, поэтому я не осмеливаюсь упражняться в милосердии и справедливости с первым и не решаюсь предаваться порокам с последним.

Да, во времена, [когда] свойства были настоящими, [люди] жили рядом с птицами и зверями, [составляли один] род со всеми существами. Разве знали о [делении на] благородных и ничтожных? [Ни у кого] одинаково не было знаний, [никто] не нарушал своих свойств, [все] одинаково были свободны от страстей, и это [я] называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то [умение] ходить вокруг да около прихрамывая, стали принимать за милосердие; [умение] ходить на цыпочках — за справедливость, — и [все] в Поднебесной пришло в замешательство. Распущенность и излишества стали принимать за наслаждение; сложенные руки и согнутые колени стали принимать за обряды. И [все] в Поднебесной стали отделяться друг от друга.

Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как [сумели бы] ввести милосердие и справедливость, не нарушив природных свойств? Как [сумели бы] ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто [сумел бы] создать орнамент, не спутав [всех] пяти красок? Кто [заставил бы] пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что ради сосудов искалечили дерево, вина мастеров; в том, что ради милосердия и справедливости нарушили природные свойства, вина мудрецов...

Во времена рода Пламенных Помощников народ жил, не зная, что [ему] делать; ходил, не ведая куда. [Человек] набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они [ввели] преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы [поведения] в Поднебесной; вывесили для [общей] радости милосердие и справедливость, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая, и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за наживой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

Разве ты не знаешь о времени истинных свойств?... В те времена «народ запоминал, завязывая узелки на веревках», наслаждался, жуя свою пищу, любовался своей одеждой, был счастлив своими обычаями, довольствовался своим жилищем. «Жители соседних царств видели друг друга, петухи друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу [лаем]. Люди доживали до глубокой старости, но не общались друг с другом». В те времена царил истинный порядок.

А теперь дошло до того, что люди, вытягивая шею и становясь на цыпочки, [друг другу] сообщают:

— Там-то появился мудрец.

И, захватив с собой провизии, спешат к нему, покидая дома своих родителей, бросая дела государя. Следы [их] ведут через границы царств, колеи, проложенные [их] повозками, тянутся через тысячи ли. В этом — вина высших, пристрастившихся к знаниям. Когда высшие, не обладая учением, воистину пристрастятся к знаниям, [они] ввергают Поднебесную в великую смуту.

Как доказать, что это истина? [А вот, если] растут познания [насчет] луков и самострелов, силков, стрел на шнурке и [другого] оружия, то птицы в небе приходят в смятение; [если] растут знания [в области] крючков и приманок, сетей и бредней, сачков и бамбуковых кубарей, то рыбы в воде приходят в смятение; [если] растут знания [насчет] загонов, ловушек и тенет, то звери на болотах приходят в смятение. [Когда же] растет умение лукавить и изворачиваться, изводить и порочить, [устанавливать] тождество и различие, твердость и белизну, то нравы ввергаются в смятение софистикой. Поэтому в Поднебесной каждый раз возникает великая смута, и вина за нее ложится на пристрастных к знаниям.

Поэтому все в Поднебесной умеют стремиться к познанию неизвестного, но не умеют стремиться к познанию известного; все умеют осуждать то, что считается недобрым, но не умеют осуждать то, что считается добрым, — это и ведет к большой смуте. Поэтому-то наверху и затмевается свет солнца и луны, а внизу истощается сила гор и рек; уменьшаются дары четырех времен года. [Все вплоть до] слабых червяков и малых насекомых утрачивают свою природу. Как ужасна в Поднебесной смута из-за пристрастия к знаниям! И так повелось со времен трех династий. Забыли простой, скромный народ и обрадовались хитрым, изворотливым краснобаям; оставили тишину и покой недеяния и обрадовались пустопорожнему многословию. Это-то пустопорожнее многословие и ввергло Поднебесную в смятение!

Со времен трех династий все шумят о наградах и наказаниях. Откуда же возьмется досуг, чтобы [найти] покой в природных свойствах? А кроме того, наслаждаясь острым зрением, предают-

ся излишеству в цветах; наслаждаясь тонким слухом, предаются излишеству в звуках; наслаждаясь милосердием, нарушают [естественные] свойства; наслаждаясь справедливостью, нарушают законы природы; наслаждаясь обрядами, помогают извращениям; наслаждаясь музыкой, помогают разврату; наслаждаясь мудростью, помогают искусственности; наслаждаясь знаниями, помогают порокам.

Обычному человеку нравится, когда другие на него походят, и не нравится, когда другие от него отличаются. Любовь к себе подобным и нелюбовь к тем, кто отличается, происходят от желания выделиться из толпы. Но разве тот, кто стремится выделиться из толпы, [действительно] выдающийся? Для успокоения [он] следует за толпой, [но его] опыту далеко до того мастерства, [которым обладает] толпа. Желающий стать правителем собирает полезное у царей трех династий, но не замечает у них вредного. У такого [судьба] царства будет зависеть от случайности, и редко, лишь по счастливой случайности царство не погибает. Нет и одного [шанса] из десяти тысяч, что [такое] царство будет существовать. О гибели [такого] царства [говорит то, что] ни одно [дело там] не завершится, а десяток тысяч [дел] расстроится. Увы! Владеющие землями [этого] не ведают. Владеющему землями принадлежит огромная вещь. Владеющий огромной вещью не способен предоставить вещи [самим] вещам, а не [владеющий] вещью способен. Тот, кто понимает, как [предоставлять] вещи [самим] вещам, отвергает вещи. Разве [он] только управляет народом? [Нет!] Он вступает во [все] шесть стран света, выходит из них, странствует по [всем] девяти областям [земли]. В одиночестве отправляется, в одиночестве возвращается. Такой и называется единственным. Единственного человека поэтому и считают воистину ценным.

Учение великого человека подобно тени, отбрасываемой телом, эху, откликающемуся на голос. На [каждый] вопрос [он] отвечает, исчерпывая все свое сердце, соединяясь в пару со [всем] в Поднебесной. В покое беззвучен, в движении не ограничен. Ведет каждого, как тому хочется, и возвращает [каждого] к самому себе. Странствует, не оставляя следов, приходит и уходит без отклонений, безначально, как солнце. [Еще] скажем, [что] телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного «я». Разве может лишенный собственного «я» владеть существующим <бытием>? Наблюдающие за бытием — [таковы] благородные мужи древности; наблюдающий за небытием — таков друг природы.

Незначительны, а нельзя не сообразоваться с их [природой] — [таковы] вещи. [Занимает] низкое положение, а нельзя [на него] не опираться — [таков] народ. Скрыты, а нельзя их не вершить — [таковы] дела. Грубы, а нельзя их не излагать — [таковы] обычаи. Далека, а нельзя от нее отделиться — [такова] справедливость. Близко, но нельзя его не расширить — [таково] милосердие. Ограничивают [людей], но нельзя их не множить — [таковы] обряды. [Держится] середины, но [заслуживает] возвышения — [такова] добродетель. Един, но не способен не изменяться — [таков] путь. Священно, но не способно не действовать — [таково] Небо. Поэтому мудрецы созерцали Небо, но [ему] не помогали; совершенствовались в добродетелях, но [их] не отягощали; исходили из пути, но не вносили [в него] своих замыслов; соединялись с милосердием, но [на него] не полагались; следовали за справедливостью, но [ее] не множили; исполняли обряды и не уклонялись; принимали дела и не отказывались; подчинялись обычаям и не [поднимали] смуты; опирались на народ и [им] не пренебрегали; сообразовались с вещами и [их] не покидали. Вещи не достойны [того, чтобы ими] заниматься, но [ими] нельзя не заниматься. У тех, кто не понял Неба, нет чистоты добродетели. Те, кто не постиг пути, ни к чему не способны. Как жалок тот, кто не постиг пути! Что же такое путь? Есть путь Неба, и есть путь человека. Бездеятельный и чтимый — таков путь Неба, деятельный и несущий тяготы — таков путь человека. Путь Неба — [путь] хозяина, путь человека — [путь] слуги. Нельзя не понять, как далеки они друг от друга.

То, что действует недеянием, называется природой; то, что в речах обозначает недеяние, называется свойством; любовь к людям, полезное для вещей называется милосердием; уподобление различных [вещей] называется величием; поведение, [не знающее] границ и различий, называется великодушием; обладание тьмой различий называется богатством. Поэтому придерживаться свойств называется [держаться] основы; тот, чьи свойства завершены, называется установившимся: тот, кто следует пути, называется [обладающим] полнотой; тот, кто не меняет свою волю из-за вещей, называется совершенным. Как велик благородный, который постиг эти десять (положений] и объемлет все дела и мысли! [Как вода] в низину, к нему стекается [вся] тьма вещей. Такой человек [оставляет] золото скрытым в горах, а жемчуг — в глубинах; не обогащается ни товарами, ни имуществом; чуждается благородства и богатства; не радуется долголетию, не печалится ранней смерти; не прославляет благоденствия, не стыдится злополучия; не присваивает себе благ современников; не ищет для себя славы в управлении Поднебесной. Слава в том, чтобы постичь, что у [всей] тьмы вещей одно хранилище, что жизнь и смерть — одинаковые формы [в развитии].

Человек, обладающий царственными свойствами, ведет себя просто и стыдится заниматься делами; утвердившийся в корнях и истоках, [он] постигает сокровенное. Поэтому его свойства

всеобъемлющи, а исходящее из его сердца воспринимается [всей] тьмой вещей. Ибо без пути формы не рождаются, без свойств жизнь не проявляется. Не обладает ли царственными свойствами тот, кто бережет тело, исчерпывает до конца жизнь, утверждает свойства, постигает путь? Тот, кто необъятен, появляется внезапно, движется неудержимо; за кем следует [вся] тьма вещей, тот называется [обладающим] царственными свойствами. Тот, кто смотрит на изначальный мрак, слушает безмолвное, один видит рассвет в изначальном мраке, один различает гармонию в безмолвии. Поэтому, проникая все глубже и глубже, [он] способен [понимать] появление вещи; [размышляя] над сокровеннейшим, [он] способен [постичь] мельчайшие семена. Поэтому, общаясь со [всей тьмой] вещей, [он] дает каждому искомое и достигает небытия. Всегда спешит уйти, но возвращается к себе. Великое [для него] — мало, длинное — коротко, далекое — близко.

Странствуя, Цзыгун дошел на юге до [царства] Чу и возвращался в Цзинь. Проходя севернее [реки] Хань, заметил Огородника, который копал канавки для грядок и поливал [их], лазая в колодец с большим глиняным кувшином. Хлопотал, расходуя много сил, а достигал малого. Цзыгун сказал:

— [Ведь] здесь есть машина, [которая] за один день поливает сотню грядок. Сил расходуется мало, а достигается многое. Не пожелает ли учитель [ее испытать]?...

Огородник от гнева изменился в лице и, усмехнувшись, ответил:

— Я не применяю [ее] не оттого, что не знаю, [я] стыжусь [ее применять]. От своего учителя я слышал: «У того, кто применяет машину, дела идут механически, у того, чьи дела идут механически, сердце становится механическим. Тот, у кого в груди механическое сердце, утрачивает целостность чистой простоты. Кто утратил целостность чистой простоты, тот не утвердится в жизни разума. Того, кто не утвердился в жизни разума, не станет поддерживать путь».

Стыдясь и раскаиваясь, Цзыгун опустил голову и промолчал.

— Что это был за человек? — спросили [его] ученики. — Почему при встрече с ним [вы], учитель, изменились в лице, побледнели и целый день не могли прийти в себя?

— Раньше [я] считал, что в Поднебесной есть лишь один человек <Конфуций>, не знал, что есть еще и другой, — ответил Цзыгун. — Я слышал от учителя о пути мудрецов: [это] стремление осуществлять дела, приобретать заслуги, добиваться больших успехов малыми силами. У нынешнего же [учителя] иначе. У того, кто владеет учением, целостные свойства. При целостных свойствах — целостно тело. При целостном теле — целостен разум. В целостном же разуме и заключается путь мудрого. Вверяясь жизни, [он] действует вместе с народом, но куда идет — неведомо. Неизмерима и совершенна [его] простота! Учитель сердцем предал забвению заслуги и корысть, ловкость и хитрость. Такой человек не пойдет против своей воли, не поступит против своего желания.

— Хотелось бы услышать о человеке, [обладающем] разумом.

— Человек, [обладающий] высшим разумом, — ответил Изначальный Туман, — седлает луч и исчезает вместе [со своим] телом. Это называется — осветить безбрежное. Достигает предела жизни, исчерпывая до конца природу. Утратив [тяготы всей] тьмы дел, наслаждается [радостью] неба и земли, и [вся] тьма вещей возвращается к сущности. Это и называется слиться с изначальным эфиром.

В пути природы [все] движется, ничто не застаивается, поэтому и возникает [вся] тьма вещей. В пути предков [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [к ним] и обращаются [все] в Поднебесной. В пути мудрых [все] движется, ничто не застаивается, поэтому [все] среди морей [им] покоряются. Кто познал природу, постиг мудрость, [все] шесть явлений и четыре времени года, свойства предков и [древних] царей, тот [предоставляет все] самодвижению и, не проявляясь, всегда [сохраняет] покой.

Покой мудрого не означает, что покой — это добро, и оттого [он] покоен. [Вся] тьма вещей не заслуживает того, чтобы [из-за нее] тревожить сердце, поэтому [он] и покоен. [Когда] вода в покое, [в ней] виден ясно [каждый волосок] бороды, бровей. [Ее] уровень точен, и большой мастер берет [его] за образец. [Если] в покое вода чистая, то тем более [чист] разум. Сердце мудрого в покое — это зеркало неба и земли, зеркало [всей] тьмы вещей. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — это уровень неба и земли, высшее в природных свойствах. Поэтому предки, [древние] цари и мудрые мужи оставляли [деятельность]. Оставив [деятельность], очистившись до пустоты, [наполнялись] сущностью, а сущностью и [определяли] людские порядки. Пустота [влечет за собой] покой, покой — движение, движение — восприятие. Покой [влечет за собой] недеяние, недеяние — ответственность за [свое] дело. Недеяние [влечет за собой] удовлетворение, удовлетворение не оставляет места ни горю, ни печали, [а дает] долголетие. Ведь пустота, покой, безмятежность, безразличие, уединение, тишина, недеяние — основа [всей] тьмы вещей.

...Быть в единстве с людьми — это наслаждение человеческое, быть в единстве с природой — это наслаждение естественное.

...[Если] слова исходят из пустоты и покоя, достигают неба и земли, проникают во [всю] тьму вещей, это называется естест-

венным наслаждением. Естественное наслаждение — это стремление мудрого, который пасет [всех] в Поднебесной.

В наградах и карах, выгоде и ущербе, в приговоре к пяти наказаниям — верхушки обучения.

В древних преданиях говорится: «есть тела, есть и названия». Тела и названия были [еще] у древних, но их не ставили на первое место. [Когда] древние рассуждали о великом пути, то могли упомянуть о телах и названиях в [числе] пяти изменений, могли упомянуть и о наградах и наказаниях в [числе] девяти изменений. На первое место ставит тела и названия [тот, кто] не знает их основы; на первое место ставит награды и наказания [тот, кто] не знает, где их начало. Рассуждают, извращая путь, разглагольствуют, противореча пути, — такие могут [лишь] управляться людьми, но разве способны управлять людьми? Те, кто на первое место ставит тела и названия, награды и наказания, познали орудия управления, но им неведом путь управления. [Они] могут быть использованы Поднебесной, но недостойны использовать Поднебесную. Таких называют софистами и педантами. У древних были обычаи и законы, меры и числа, тела и названия, изучение и сравнение. С их помощью низшие служили высшим, но не высшие пасли низших.

Речи, которые в мире ценят, записывают. Записи — это лишь речи. В речах есть ценное. Ценится в речах мысль. [Но] мысль за чем-то следует, [а] то, за чем мысль следует, нельзя передать словами. Однако в мире, ценя речи, передают [их] записями. Пусть в мире их ценят, я все же [считаю, что они] этого не достойны. Ведь ценят их не за то, что в них ценного. Ибо [когда] смотрят, видны [лишь] форма и цвет; [когда] слушают, слышны [лишь] название и голос. Увы! Люди в мире считают форму и цвет, название и голос достаточными, чтобы постичь природу другого; а воистину формы и цвета, названия и голоса недостаточно, чтобы постичь природу другого. Разве в мире понимают, [что] «знающий не говорит, говорящий не знает»?!

Хуаньгун читал нараспев книгу в зале, а подле зала тесал колесо колесный мастер Маленький. Отложив молоток и долото, мастер вошел в зал и спросил:

— Осмелюсь ли задать вопрос: что за слова [вы], государь, распеваете?

— Слова мудрецов, — ответил царь.

— Живы ли [те] мудрецы?

— Уже умерли.

— Значит, государь повторяет лишь отголоски тленных душ древних людей?

— Как смеешь [ты], колесный мастер, рассуждать о книге, которую читаю [я], единственный? [Если] есть что сказать — говори, а нечего — так умрешь!

— [Я, ваш] слуга, отнесся к этому как к своему делу, — ответил Маленький. — Если [я] работаю медленно, [мне] легко, но [колесо] получается непрочным. [Если] спешу, [мне] тяжело, а [колесо] не прилаживается. [Когда же] не спешу и не медлю, то овладеваю [мастерством] руками и откликаюсь сердцем. [Но] уста мои безмолвствуют — в этом есть [какой-то] секрет. [Я, ваш] слуга, не могу в притче [передать его] сыну. Сын [мой, вашего] слуги, также не способен воспринять его от [меня, вашего] слуги. Оттого-то, проработав семь десятков лет, [я] все еще мастерю колеса. Тем менее способны передать [свое мастерство] древние люди. [Они] мертвы, и значит, то, что повторяет государь, лишь отголоски тленных душ древних людей.

Конфуций дожил до пятидесяти лет и одного года, а не слышал о пути. Тогда [он] отправился на юг, достиг Пэй, увиделся с Лаоцзы, и тот [его] спросил:

— Ты пришел? Я слышал, что ты добродетельный с Севера. Ты также обрел путь?

— Еще не обрел, — ответил Конфуций.

— Как же ты его искал? — спросил Лаоцзы.

— Я искал его в мерах и числах, но за пять лет [так и] не обрел.

— Как же ты еще искал?

— Я искал его в [силах] жара и холода, но за десять лет и два года [так и] не обрел.

— Так, — сказал Лаоцзы. — Если бы путь можно было подносить [в дар], каждый поднес бы его своему государю; если бы путь можно было подавать, каждый подал бы его своим родителям; если бы о пути можно было поведать другим, каждый поведал бы о нем своим старшим и младшим братьям; если бы путь можно было вручать другим, каждый вручил бы его своим сыновьям и внукам. Но этого сделать нельзя по той причине, что [путь] не задержится [у того, у кого] внутри нет главного; не подойдет [тому, кто] внешне [ему] не пара. [Если путь] исходит изнутри, [то] не воспринимается извне, [от] мудрого человека не изойдет; [если] входит извне, [то] не станет главным внутри, и мудрый человек [его] не прячет.

«Простой и чистый, без примеси, неизменный в покое и единстве, безразличный, предающийся недеянию — в движение приводится природой». Таков путь, питающий разум. Ведь обладатель меча из Гань [или] Юэ, не смея к нему прибегать, вложил его в ножны и спрятал. [Таково] высшее [в использовании] сокровища. Разум движется одновременно во [всех] четырех направлениях и ничем не ограничивается. Наверху — достигает

неба, внизу — обвивается вокруг земли. [Но] для развития и питания [всей] тьмы вещей [его] нельзя считать образцом. Имя такого — равный предку. Чистейший и простейший путь сохраняет лишь разум. Сохраняет и не утрачивает [человек], единый с разумом. Пронизанный единой сущностью соединяется с правилами природы. Простая поговорка гласит: «Толпа дорожит выгодой, честный муж дорожит именем, добродетельный ставит высоко волю, мудрый же ценит сущность». Поэтому про чистого скажу, что он ни с чем не смешивается; про простого скажу, что он не наносит урона своему разуму; того же, кто способен воплотить в [своем] теле чистоту и простоту, назову настоящим человеком.

Исправляющие характер в стремлении вернуться к его началу [обращаются] к распространенным пошлым учениям. Погрязшие в страстях в стремлении обрести ясность характера [обращаются] к пошлым мыслям. Таких назову невеждами. Те, кто в древности приводил в порядок путь, накапливали знания посредством безмятежности. Знания рождались, но для действий не применялись [Это] называется посредством знаний выращивать безмятежность. [Так] выращивали друг друга знания и безмятежность, и в гармонии с естественными законами проявлялся их характер. Ведь свойства — это гармония, путь — естественные законы. Свойства вмещают в себе все, [в том числе и] милосердие; в пути все естественные законы, [в том числе и] справедливость. [Когда] понимают справедливость, вещи сближаются, [появляется] преданность. [Когда] с чистой сущностью обращаются к чувствам, [появляется] музыка. [Когда] доверие проявляется во внешнем облике и форме и следует за красотой, [появляются] обряды. [Когда] обряды и музыка распространяются повсюду, в Поднебесной начинается смута. [Если] тот, кто исправляет [других], невежествен в своих свойствах, [его] свойства не распространяются. [Если же] распространяются, то вещи непременно утратят свой [природный] характер.

Люди древности еще при хаосе вместе со [всеми] современниками обретали безмятежность и спокойствие. [Силы] жара и холода тогда соединялись в покое, души предков и боги не причиняли вреда, четыре времени года проявлялись умеренно, [вся] тьма вещей не страдала, ничто живое не умирало преждевременно. Хотя у людей и были знания, их нельзя было применить. Это и называлось высшим единством. В те времена не совершали деяний, и постоянной была естественность. Когда же свойства стали ослабевать, в Поднебесной начали действовать Добывающий Огонь Трением и Готовящий Жертвенное Мясо. [Люди] покорились, но утратили единство. Свойства упали ниже, и в Поднебесной начали действовать Священный Земледелец и Желтый Предок. [Люди] успокоились, но стали непокорными. Свойства упали еще ниже, и в Поднебесной начали действовать [Высочайший] из [рода] Гончаров и [Ограждающий] из [рода] Владеющих Тигром. Тут расцвели управление, просвещение и [тому подобное]. Рассеяли простоту, загрязнили чистоту, ушли от пути ради добрых дел, воздвигли преграды для свойств ради действий, а затем отказались от [природного] характера и последовали за [своими] взглядами. Сердце [одного] узнавало сердце [другого], и знания стали недостаточными для успокоения Поднебесной. А затем к этому добавили еще внешнюю красоту и многознание. Внешняя красота уничтожила сущность, а многознание ослабило разум. И тогда в народе начались смуты и беспорядки, нельзя было вернуться к [природному] характеру и чувствам, вернуться к [их] началу. Отсюда видно, что мир потерял путь, а путь покинул мир. Мир и путь утратили друг друга. Как же могли владеющие путем поднять мир? Как же могли в мире поднять путь? Пути нечем было поднять мир, миру нечем было поднять путь. Даже если мудрый не уходил в горы и леса, его свойства оставались скрытыми. Причина отнюдь не в том, что [он] сам скрывался. Те, кого в древности называли отшельниками, отнюдь не прятались и не скрывались, отнюдь не замыкали свои уста и не молчали, отнюдь не скрывали свои знания и [их] не обнаруживали. Это великое заблуждение [учения] о времени и судьбе. Когда [учение] о времени и судьбе широко распространилось в Поднебесной, те, кто [стремился] возвратиться к единству, исчезли бесследно. Это не [учение] о времени и судьбе, а великое бедствие для Поднебесной! Тогда, уйдя в глубину [естественности], ожидали, храня высшее спокойствие. Таков путь к самосохранению. В древности те, кто хранил [в себе] путь, не приукрашивали свои знания красноречием, не терзали [всех] в Поднебесной своими знаниями, не истощали [своих] свойств знаниями. Им оставалось лишь остерегаться, пребывая в своем жилище, и [стараться] вернуться к своему [природному] характеру. Путь, конечно, не действует по мелочам, свойства, конечно, не познаются по мелочам. Малые знания вредят свойствам, а малые дела вредят пути. Поэтому и говорится: «Исправляй самого себя, и только». Радость целостности — это обретение желаемого. [Но] обретением желаемого в древности называли не [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки, а только ту радость, к которой нечего добавить. Ныне же обретением желаемого называют [пожалование] колесницы с высоким передком и парадной шапки. [Но] колесница с высоким передком и парадная шапка принадлежат телу, не природному характеру. [Такие] вещи появляются случайно, на [какое-то] время. Временные — их приходу не воспрепятствовать, их ухода не остановить. Поэтому ради колесницы с высоким передком и парадной шапки нельзя давать волю [своим] желаниям,

нельзя и прибегать к пошлости из-за нужды и стесненного положения. И в том и в другом [случае] радость [должна быть] одинаковой. [Она] лишь в отсутствии печали. Ныне же уход временного лишает [человека] радости. Отсюда видно, что даже радость его была бесплодной. Поэтому и говорится: «Те, кто теряет себя в вещах, утрачивают в пошлом [природный] характер». Таких назову людьми, [которые все] ставят вверх ногами.

— С Лягушкой из колодца не толкуй о море — [ее] предел лишь скважина. С букашкой не толкуй о зиме — [она] знает лишь [свое] время года. С ограниченным человеком не толкуй о пути, [он] связан [тем, чему его] обучили. Ныне, покинув [свои] берега, ты полюбовался великим океаном и понял свое ничтожество, [значит], с тобой можно поговорить о великом законе.

Ведь время бесконечно, качества вещей безграничны, в [их] участи нет постоянства, ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Поэтому-то [обладающие] глубокими познаниями наблюдают и за близким и за далеким; маленькое [для них] — не мало, большое — не велико; [так] узнают, что качества бесконечны. Доказательств ищут и в современности, и в древности; древними не тяготятся, [хотя они] и отдаленные; [современные] собирают, не становясь на цыпочки, [так] узнают, что время бесконечно. Изучают пустое и полное: обретя, не радуются; утратив, не печалятся; [так] узнают, что в участи нет постоянства. Видя [жизнь, как] ровную дорогу, не радуются при рождении и не считают бедой смерть; [так] узнают, что ни в конце, ни в начале не бывает одного и того же. Считают, что познанного человеком меньше, чем непознанного; что время его жизни не столь долгое, как время до его рождения. [Если] с помощью столь малого пытаются познать до конца столь крупное, то впадают в заблуждение и не могут удовлетвориться. Отсюда видно, достаточно ли познать кончик волоска, чтобы определить мельчайший зародыш, достаточно ли познать небо и землю, чтобы исчерпать величайшее пространство?!

— Верно ли говорят все те в мире, кто рассуждает:

«Мельчайшая сущность не обладает формой, величайшее нельзя охватить?» — спросил повелитель Реки.

— Ведь [тот, кто], исходя из мельчайшего, взглянет на величайшее, [его] не исчерпает, — ответил Северный Океан Жо, — [тот, кто], исходя из величайшего, взглянет на мельчайшее, [его] не разглядит. Ведь мельчайшее семя — это ничтожнейшее в малом; величайшее — это огромное в большом. Бывают случаи, когда различить [их] легко, ибо мелкие и крупные ограничиваются формой. Не обладающие формой не поддаются разделению

для счета: то, что нельзя охватить, не исчерпаешь в цифровой оценке. Крупнейшие из вещей можно выразить в словах; мельчайшие из вещей можно постичь мыслью. То, что нельзя ни выразить в словах, ни постичь мыслью, не зависит от [величины] крупной или мелкой.

— [Если не различать] вещи ни по внешнему, ни по внутреннему, как же отделить благородных от презренных, как же отличить больших от малых?

— [Если] судить исходя из пути, — ответил Северный Океан Жо, — нет вещей благородных, нет презренных. [Если] судить исходя из вещей, [то они] самих себя ценят, а других презирают. [Если] судить исходя из людских обычаев, [то] от самого [человека] не зависит, [быть ему] благородным или презренным. [Если] судить исходя из принятых различий и называть большими тех, кого считают большими, то [вся] тьма вещей окажется большой; [если] называть малыми тех, кого считают малыми, то [вся] тьма вещей окажется малой. [Так] узнаешь, что небо и земля — зернышко; [так] узнаешь, что кончик волоска — холм или гора. Так сравнивают по относительной величине. [Если] судить исходя из заслуг и называть заслуженными тех, у кого признают заслуги, то у [всей] тьмы вещей окажутся заслуги; [если] отрицать заслуги тех, у кого их отрицают, то у [всей тьмы] вещей [заслуг] не окажется. [Так], узнав, что Восток и Запад друг другу противоположны, но что ни тот ни другой отрицать нельзя, [можно] определить роль [каждого как] части.

«Утверждать истинное и отрицать ложное, утверждать порядок и отрицать смуту — значит не понимать закона неба и земли, [природного] характера [всей] тьмы вещей». Ведь это то же самое, что утверждать небо и отрицать землю, утверждать [силу] холода и отрицать [силу] жара... Предки и цари по-разному передавали власть; при трех династиях по-разному наследовали власть. Того, кто отличался от [своих] современников, кто шел против обычаев, называли узурпатором; того, кто не отличался от современников, кто следовал обычаям, называли поборником справедливости.

«Естественное — внутри, человеческое — вовне». Свойства зависят от природы; поняв, что в поведении естественное, а что человеческое, [обретешь] корень в природном и твердость в свойствах. [Чем] топтаться на месте, [то] вытягиваясь, [то] сжимаясь, [лучше] вернуться к самому важному и поговорить о высшем.

— Что такое естественное? Что такое человеческое? — спросил Дядя Реки.

— У буйвола и у коня по четыре ноги, — ответил Северный Океан Жо, — это называю естественным. Конь в узде, буйвол с

продырявленным носом — это называю человеческим. Поэтому и говорится: «Не губи природного человеческим, не губи естественного искусственным, не жертвуй собой ради приобретения». Тщательно сохраняй [природное], не теряй [его] — это назову возвращением к своему истинному.

Змея сказала Ветру:

— Я передвигаюсь, шевеля своим позвоночником и ребрами, как будто у меня есть [ноги]. [У тебя] как будто нет [ног], как же ты ныне, бушуя, поднимаешься с Северного океана и, бушуя, влетаешь на Южный океан?

— Да, я, бушуя, поднимаюсь с Северного океана и влетаю на Южный океан, — ответил Ветер. — Но ткни меня пальцем, и меня одолеешь; наступи на меня, и меня одолеешь, а ведь лишь я способен ломать огромные деревья и сносить большие дома. Поэтому великие победы одерживает [лишь] тот, кого не победит тьма мелочей. Одерживать великие победы способен лишь мудрый.

Гуньсунь Лун сказал царевичу Моу:

— [Я], Лун, с юности изучал путь древних государей, [когда] вырос, понял поведение милосердного и справедливого. [Я] объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, [утвердил] истинное и неистинное, возможное и невозможное. [Я] утомился, [постигая] знания [всей] сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуанцзы и удивился, [так] они неясны. В чем [я] отстал [от него] — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу заговорил:

...Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с [твоими знаниями], недостаточными, чтобы] понять тончайшие речи учения, [со стремлением] каждый раз [показаться] острословом своего времени?

Да притом [тебе, — продолжал царевич, —] со знаниями, недостаточными, чтобы отграничить область истинного от неистинного, так же непосильно познать речи Чжуанцзы, как комару снести гору, а стоножке перегнать реку. Чжуанцзы же... беспрепятственно проникая во [все] четыре стороны, погружается в неизмеримое, [для него] нет ни востока, ни запада. Начиная с изначального, возвращается ко всеобщему проникновению [эфира]. Ты же с трепетом просишь [рассказать о нем] для изучения, ищешь его, [чтоб отточить свое] красноречие. Не так же ли это мелко, как глядеть на небо через трубочку, как целиться шилом в землю? Уходи! Разве ты не слышал о том, как младшие сыновья из Шоулина учились ходьбе в Ханьдане? Еще не приобретя [в этом] царстве [нового] мастерства, утратили прежнюю [сноровку] в ходьбе, вернулись же ползком. [Если] ты

теперь не уйдешь, забудешь прежнее [искусство], потеряешь свое ремесло.

Понимающий сущность жизни не занимается бесполезным; понимающий сущность судьбы не занимается тем, к чему незачем прилагать знаний. Для поддержания тела прежде всего необходимы вещи, но бывает, что тело не поддерживают, [хотя] вещей в избытке. Чтобы жить, следует прежде всего не расставаться с телом, но бывает, что теряют жизнь и не расставаясь с телом.

Плотник Счастливый вырезал из дерева раму для колоколов. Любовавшиеся рамой поражались [его искусству], будто сделали ее духи или боги.

Увидел раму луский царь и спросил:

— Какой секрет помог тебе ее вырезать?

— Каким секретом могу обладать [я, Ваш] слуга, рабочий человек? И все же был один. [Я, Ваш] слуга, задумав вырезать раму для колоколов, не смел напрасно расходовать свой эфир и должен был поститься, чтобы обрести покой. Постился сердцем три дня и [уже] не смел думать о [получении мною] Счастливым награды — ранга и жалованья; постился пять дней и [уже] не смел думать о хвале или хуле, удаче или неудаче; постился семь дней и вдруг забыл о самом себе, своем теле, руках и ногах. И не стало [для меня] ни царского двора, ни того, что отвлекало и смущало, исчезло все внешнее. И тогда [я] отправился в горы, в леса, приглядываясь к природному характеру [деревьев]. И в лучшем по форме и сущности [дереве] передо мной предстала воочию рама [музыкального инструмента]. Иначе пришлось бы [от замысла] отказаться. И тут [я] приложил руки, естественное [во мне] соединилось с естественным [в дереве], и [музыкальный] инструмент был создан сосредоточием жизненной силы. Вот он!

...тот, кто владеет людьми, обременен, тот, кем люди владеют, опечален. Поэтому-то Высочайший и не хотел ни владеть людьми, ни подчиняться людям.... [Когда] на переправе пустая лодка толкнет другую, не разгневается даже вспыльчивый. [Если же] в [толкнувшей] лодке окажется человек, то наберет воздуха и крикнет погромче. Крикнет раз, а [тот] не услышит, так крикнет в другой раз. [Снова] не услышит, так крикнет и в третий — тут уже непременно добавив словцо покрепче. Прежде не гневался, а теперь разгневается; прежде [думал, что] пустая, а теперь [узнал, что] занята. Но разве можно повредить тому, кто, сумев очиститься от самого себя, странствует по свету?!

Конфуций увиделся с Лаоцзы. Тот только что вымылся и, распустив волосы, сушил [их], недвижимый, будто не человек.

Конфуций подождал удобного момента и вскоре, когда [Лаоцзы] его заметил, сказал:

— Не ослеплен ли [я], Цю? Верить ли [глазам]? Только что [Вы], Преждерожденный, [своей телесной] формой походили на сухое дерево, будто оставили [все] вещи, покинули людей и возвысились, [как] единственный.

— Я странствовал сердцем в первоначале вещей, — ответил Лаоцзы.

— Что [это] означает? — спросил Конфуций.

— Сердце утомилось, не могу познавать, уста сомкнулись, не могу говорить. [Но] попытаюсь поведать тебе об этом сейчас. В крайнем пределе холод замораживает, в крайнем пределе жар сжигает. Холод уходит в небо, жар движется на землю. Обе [силы], взаимно проникая друг в друга, соединяются, и [все] вещи рождаются. Нечто создало [этот] порядок, но [никто] не видел [его телесной] формы. Уменьшение и увеличение, наполнение и опустошение, жар и холод, изменения солнца и луны, — каждый день что-то совершается, но результаты этого незаметны. В жизни существует зарождение, в смерти существует возвращение, начала и концы друг другу противоположны, но не имеют начала, и [когда] им придет конец — неведомо. Если это не так, то кто же [всему] этому явился предком [истоком]?

— Разрешите спросить, [что означает] такое странствие? — задал вопрос Конфуций.

— Обрести [такое] странствие — это самое прекрасное, высшее наслаждение. Того, кто обрел самое прекрасное, [кто] странствует в высшем наслаждении, назову настоящим человеком, — ответил Лаоцзы.

— Хотелось бы узнать, как странствовать? — спросил Конфуций.

— Травоядные животные не страдают от перемены пастбища. Существа, родившиеся в реке, не страдают от перемены воды. При малых изменениях не утрачивают своего главного, постоянного. Не допускай в свою грудь ни радости, ни гнева, ни печали, ни веселья. Ведь в Поднебесной [вся] тьма вещей существует в единстве. Обретешь это единство и [станешь со всеми] ровен, тогда руки и ноги и сотню частей тела сочтешь прахом, а к концу и началу, смерти и жизни отнесешься как к смене дня и ночи. Ничто не приведет [тебя] в смятение, а меньше всего приобретение либо утрата, беда либо счастье. Отбросишь ранг, будто стряхнешь грязь, сознавая, что жизнь ценнее ранга. Ценность в себе самом и с изменениями не утрачивается. Притом тьме изменений никогда не настанет конец, и разве что-нибудь окажется достойным скорби? Это понимает тот, кто предался пути!

— Добродетелью [Вы], учитель, равны Небу и Земле, — сказал Конфуций. — Все же позаимствую [Ваши] истинные слова для совершенствования своего сердца. Разве мог этого избежать кто-нибудь из древних благородных мужей?

— Это не так, — ответил Лаоцзы. — Ведь бывает, что вода бьет ключом, но [она] не действует, [эта] способность естественная. [Таковы и] свойства настоящего человека. [Он] не совершенствуется, а вещи не могут [его] покинуть. Зачем совершенствоваться, [если свойства присущи ему] так же, как высота — небу, толщина — земле, свет — солнцу и луне.

Выйдя [от Лаоцзы], Конфуций поведал [обо всем] Янь Юаню и сказал:

— [Я], Цю, в познании пути подобен червяку в жбане с уксусом. Не поднял бы учитель крышку, и я не узнал бы о великой целостности неба и земли.

Ле, Защита Разбойников, стрелял [на глазах] у Темнеющего Ока: натянул тетиву до отказа, поставил на предплечье кубок с водой и принялся целиться. Пустил одну стрелу, за ней другую и третью, пока первая была еще в полете. И все время оставался [неподвижным], подобным статуе.

— Это мастерство при стрельбе, но не мастерство без стрельбы, — сказал Темнеющее Око. — А смог бы ты стрелять, если бы взошел со мной на высокую гору и встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней?

И тут Темнеющее Око взошел на высокую гору, встал на камень, висящий над пропастью глубиной в сотню жэней, отступил назад [до тех пор, пока его] ступни до половины не оказались в воздухе, и знаком подозвал к себе Ле, Защиту Разбойников. Но тот лег лицом на землю, обливаясь холодным потом [с головы] до пят.

— У настоящего человека, — сказал Темнеющее Око, — душевное состояние не меняется, глядит ли [он] вверх в синее небо, проникает ли вниз к Желтым источникам, странствует ли ко [всем] восьми полюсам. Тебе же ныне хочется зажмуриться от страха. Опасность в тебе самом!

Знание странствовало на Севере у истоков [реки] Темная вода, взошло на холм Незаметный и встретилось с Недеянием.

— Мне хочется тебя спросить, — сказало Знание Недеянию, — как размышлять, как думать, чтобы познать путь? Где находиться, чему покориться, чтобы утвердиться в пути? За кем следовать, какой дорогой, чтобы обрести путь?

Ни на [один из] трех вопросов Недеяние не ответило. Не только не ответило, но и не знало, что ответить.

Ничего не добившись, Знание вернулось на южный [берег реки] Светлая вода, взошло на холм Конец Сомнений и, заметив Возвышающегося Безумца, задало ему те же вопросы.

— Ах! Я это знаю, сейчас тебе скажу, — ответил Возвышающийся Безумец, но тут же забыл, что хотел сказать.

Ничего не добившись, Знание вернулось во дворец предков, встретило Желтого Предка и задало [ему те же] вопросы.

— Не размышляй, не думай и начнешь познавать путь. Нигде не находись, ничему не покоряйся и начнешь утверждаться в пути. Ни за кем не следуй, ни по какой дороге [не ходи] и начнешь обретать путь, — ответил Желтый Предок.

— Мы с тобой это знаем, — сказало Знание. — [А] оба [встреченные мною прежде] не знали. Кто же из [них] прав?

— Один, по имени Недеяние, воистину прав; другой, Возвышающийся Безумец, ему подобен, — ответил Желтый Предок. — Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся, ибо «Знающий не говорит, говорящий не знает». Поэтому «мудрый и осуществляет учение безмолвно». Пути нельзя постичь <в словах>, свойств нельзя добиться <речами>. Милосердием можно действовать, справедливостью можно приносить ущерб, церемониями [можно] друг друга обманывать. Поэтому и говорится: «После утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемонии — это украшение учения и начало смуты». Поэтому и говорится: «Тот, кто осуществляет путь, с каждым днем все больше утрачивает, утратив, снова утрачивает вплоть до того, когда достигает недеяния, недеянием же все совершает». [Если] ныне, уже став вещью, [некто] захочет вернуться к своему корню, не будет ли [это ему] трудно? Это легко лишь великому человеку. [Ведь] жизнь следует за смертью, а смертью начинается жизнь. Разве кому-нибудь известен их порядок? Рождение человека —это скопление эфира. Соберется [эфир], образуется жизнь, рассеется — образуется смерть. Если смерть и жизнь следуют друг за другом, зачем же мне горевать? [Для всей] тьмы вещей это общее: и то, чем любуются, как божественным чудом, и то, что ненавидят как разложение. Разложившееся снова превращается в божественное чудо, а божественное чудо снова разлагается. Поэтому и говорится: «Единый эфир пронизывает [всю] вселенную», поэтому и мудрый ценит единое.

Знание сказало Желтому Предку:

— Я спросило у Недеяния, а Недеяние мне не ответило. [Это] не значило, что не ответило мне, — не знало, [что] мне ответить. Я спросило Возвышающегося Безумца, Возвышающийся Безумец хотел мне поведать, но не поведал. [Это] не значило, что не поведал мне, — хотел, но забыл, о чем собирался сказать. Ныне я спросило у тебя, и ты это знал. Почему же [мы к ним] не приблизимся?

— Один воистину прав благодаря своему незнанию, — сказал Желтый Предок, — другой ему подобен благодаря своей забывчивости. Ни я, ни ты к ним до конца не приблизимся из-за своего знания.

Услышал об этом Возвышающийся Безумец и решил, что слова Желтого Предка — это [и есть] знание.

Беззубый спросил [Учителя] в Тростниковом Плаще, [что такое] путь? [Учитель] в Тростниковом Плаще сказал: «Если выпрямишь свое тело, [сосредоточишь) на одном свой взор, то [к тебе] придет согласие с природой. [Если] соберешь свои знания, [сосредоточишься] на одном мериле, то мудрость придет в [твое] жилище; свойства станут твоей красотой, и путь с тобою поселится. Ты будешь смотреть просто, словно новорожденный теленок, и не станешь искать всему этому причины».

Конфуций обратился к Лаоцзы:

— Ныне, на досуге, дозвольте задать вопрос: [в чем] истинный путь?

— Строго воздерживайся и освобождай свое сердце, очисти до [белизны] снега свой разум, разбей свое знание. Ведь путь глубок, [его] трудно [выразить] в словах. Поведаю тебе о его очертаниях, — ответил Лаоцзы. — Светлое-светлое рождается из темного-темного; обладающий порядком <естественным законом> рождается из бесформенного. Духовное — из пути, телесное — из мельчайшего семени, а [все] вещи друг друга порождают с помощью [телесной] формы. Поэтому обладающие девятью отверстиями рождаются из чрева, обладающие восемью отверстиями — из яйца. Их появление не оставляет следов, их исчезновение не имеет границ: нет ни ворот, ни жилищ, [а лишь] открытое со [всех] четырех сторон величайшее [пространство]. У того, кто это постиг, руки и ноги становятся крепкими, ум — проницательным, слух — тонким, зрение — острым. [Он] мыслит без усилий, откликается [всем] вещам без ограничений. Небо не может не быть высоким, земля не может не быть широкой, солнце и луна не могут не двигаться, [вся] тьма вещей не может не расцветать — не таков ли [естественный] путь каждого? К тому же мудрый определил, что многознающий вряд ли [обладает] знанием, а красноречивый вряд ли [обладает] прозорливостью. [Определение] мудрого сохранится: ведь прибавляй к нему — не прибавишь, убавляй от него — не убавишь. Глубочайший, он подобен океану, величайший, он кончится, возвратившись к началу. Держаться вне [всей] тьмы вещей, вмещая их неистощимую способность к движению, — таково учение благородного мужа.

Жизнь человека между небом и землей [также] мимолетна, как белый жеребенок, промелькнувший мимо щели <скользнувший по щели солнечный луч>. Каждый появляется внезапно, стремительно, а исчезает плавно, в одиночестве. Развившись рождается, снова развившись, умирает. Живые существа печалятся о смерти, род человеческий оплакивает умерших. Освобождаются [лишь] от своего природного чехла, сбрасывают с себя свой природный мешок — [одни] суетясь, [другие] уклоняясь; душа разумная и душа телесная уходят, за ними — и тело. Это и есть великое возвращение.

[Из] бесформенного рождается форма, форма рождает бесформенное — это известно каждому. [Этим] не интересуется [тот, кто] готов постичь [путь]. Это суждение, общее для многих. Тот, кто постиг, не обсуждает; [кто] обсуждает, — не постиг. [Даже обладающему] проницательным взором [путь] не встретится. Молчание выше красноречия. Путь нельзя услышать, и уши лучше заткнуть. Вот это и называется величайшим приобретением.

Великая Чистота спросила у Бесконечности:
— Знаешь ли ты, [что такое] путь?
— Я не знаю, — ответила Бесконечность.
[Великая Чистота] спросила о том же у Недеяния:
— Я знаю, — ответило Недеяние.
— [Если] ты знаешь путь, [то скажи] владеет ли [он] судьбами?
— Владеет.
— Какие же у него судьбы?
— Из тех что я знаю, могут быть благородные, могут быть презренные, могут быть соединенные, могут быть разделенные. Вот судьбы пути, которые мне известны.

Об этих словах Великая Чистота спросила у Безначального:
— Кто же из них прав, а кто не прав? Бесконечность ли со своим незнанием или Недеяние со своим знанием?
— Незнание глубже, а знание мельче, — ответило Безначальное. — Незнание внутреннее, а знание — внешнее.

И тут Великая Чистота со вздохом сказала:
— Тогда незнание — это знание? А знание — незнание? Но кто же познает знание незнания?
— Путь неслышим, — ответило Безначальное, — [если] слышим, [значит], не [путь]. Путь невидим: [если] видим, [значит], не [путь]. Путь не выразить в словах; [если] выражен, [значит], не [путь]. [Кто] познал формирующее формы бесформенное, [понимает, что] путь нельзя назвать.
— Те, кто спрашивают о пути, и отвечают о нем, не знают пути, — продолжило Безначальное. — Пусть даже спрашивающий о пути еще не слышал о нем. О пути нельзя спрашивать, на вопросы [о нем] нет ответа. Спрашивающий о том, о чем нельзя спросить, заходит в тупик. Отвечающий на то, на что нельзя ответить, не обладает внутренним [знанием]. Тот, кто, не обладая внутренним [знанием], ожидает вопросов, заводящих в тупик, во внешнем не наблюдает вселенную, во внутреннем не знает первоначала.

Карлик взвалил на спину побольше провизии и за семь дней и семь ночей дошел до жилища Лаоцзы...
— Почему ты привел с собой стольких людей? — спросил Лаоцзы.
Карлик в испуге оглянулся.
— Ты не понял, о чем я спросил? — задал вопрос Лаоцзы.

Карлик потупился от стыда, [затем] поднял голову и вздохнул:
— Сейчас я забыл, что мне ответить, а поэтому забыл и свой вопрос.
— О чем [ты хотел] говорить? — спросил Лаоцзы.
— [Если у меня] не будет знаний, люди обзовут меня Карликом Простаком; [если] будут знания, [они] принесут беду мне самому. [Буду] милосердным, навлеку беду на себя, а немилосердным, напротив, принесу вред другим; буду справедливым, навлеку беду на себя; а несправедливым, напротив, погублю других. [По совету Гэнсан] Чу хотел бы [у Вас] спросить, как мне избежать этих трех бед?
— Сначала я понял твой взгляд, теперь и твои слова это подтвердили. Соблюдая правила приличия, точно сирота без отца и матери, ты берешься за шест, а измерить стремишься морские [глубины]. Как жалок ты, заблудший, в неведении. Стремясь вернуться к своей природе, [не знаешь], откуда начать.

Карлик попросил разрешения остаться в доме, признавал то, что [по учению] любил, отказывался от того, что [по учению] ненавидел, десять дней предавался скорби, а затем снова встретился с Лаоцзы. Лаоцзы сказал:
— Ты омылся, пар [идет, как] от вареного! Однако в тебе еще много ненависти. Ведь когда узы столь многочисленные, что [с ними] не справиться, идут извне, [следует для них] воздвигнуть преграду изнутри. Когда узы столь запутанные, что [с ними] не справиться, идут изнутри, [следует для них] воздвигнуть преграду вовне. Внешних и внутренних уз не выдержать [даже тому, кто владеет] природными свойствами, а тем более [тому, кто лишь] подражает пути.

Карлик сказал:
— [Когда] один человек в селении заболел, земляк спросил его, [что болит], и больной сумел рассказать о своей болезни. Такая болезнь еще не опасна. [Я же], Карлик, выслушал [Ваши слова] о великом пути, будто принял снадобье, чтобы болезнь усилилась. [Мне], Карлику, хочется послушать хотя бы о главном для сохранения жизни.
— О главном для сохранения жизни? — повторил Лаоцзы. — Способен ли [ты] сохранять единое, [его] не теряя? Способен ли узнавать, [что впереди] — счастье или беда, не гадая ни на [панцире] черепахи, ни на стебле [пупавки]? Способен ли остановиться? Способен ли [со всем] покончить? Способен ли оставить всех людей и искать только самого себя? Способен ли парить? Способен ли стать безыскусственным? Способен ли стать младенцем? [Ведь] младенец целыми днями кричит и не хрипнет — это высшая гармония; целыми днями сжимает кулачки, но ничего не хватает — это общее в его свойствах; целыми днями смотрит, но не мигает — ни к чему внешнему не склоняется. Ходить, не ведая куда; останавливаться, не ведая

зачем; сжиматься и разжиматься вместе со [всеми] вещами, [плыть с ними] на одной волне, — таково главное для сохранения жизни.

— Все это и есть свойства настоящего человека? — спросил Карлик.

— Нет, — ответил Лаоцзы. — Это лишь способности к тому, что называется «растопить снег и лед». Настоящий же человек кормится совместно [с другими] от земли, наслаждается природой. [Он] не станет суетиться вместе с другими из-за прибыли или убытка, [которые приносят] люди и вещи; не станет удивляться вместе с другими, не станет вместе с другими замышлять планы; не станет вместе с другими заниматься делами. Уходит, [словно] парит, возвращается безыскусственный. Вот это и есть главное для сохранения жизни.

— Так это и есть высшее?

— Еще нет. Я тебе, конечно, поведаю. [Я спросил], способен ли [ты] стать младенцем? [Ибо] младенец движется, не зная зачем; идет, не зная куда; телом подобен засохшей ветке, сердцем подобен угасшему пеплу. Вот к такому не придет несчастье, не явится и счастье. Что людские беды тому, для кого не существует ни горя, ни счастья!

Ученик учит [то, что] не способен выучить. Деятель выполняет [то, что] не способен выполнить. Оратор ораторствует [о том, о чем] не способен ораторствовать. [Тот, кто] в знании отступает там, где способен [познать], [обладает] истинным знанием. Того, кто к этому не приближается, разбивает естественное равновесие.

Вещи запасает, чтобы уберечь тело; прячется от непредвиденного, чтобы [сохранить] живым сердце; осторожен во внутреннем, чтобы постичь другие [вещи]. Если такого и настигнет тьма бед, то все они от природы, а не от человека: недостойны смутить установившегося, не могут [проникнуть] внутрь башни разума. В башне разума [кое-что] сохраняется, но сохраняется без знания, [сознательно] не может сохраняться. Если проявит [это] тот, кто не увидит искренности [проявляемого], то каждый раз проявит то, что не следует. Дело, входя [в сердце], [его] не оставляет и каждый раз приносит [ему новые] утраты.

Выходит, не обладая корнем; входит, не обладая отверстием; обладает сущностью, но не помещением [для нее]; обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца. То, что проникает без отверстий, обладает сущностью; то, что обладает сущностью, но не помещением [для нее], — пространство. То, что обладает длительностью, но не имеет ни начала, ни конца, — время. Обладает жизнью, обладает [и] смертью, обладает входящим, обладает [и] выходящим. То, что не проявляет формы ни при входе, ни при выходе, называется вратами природы.

Врата природы — небытие. [Вся] тьма вещей выходит из небытия. Бытие не способно стать бытием с помощью бытия, [оно] должно выйти из небытия. Небытие же владеет единственным небытием — вот что скрывали мудрецы. В познаниях некоторых древних был достигнут [крайний] предел. Какой же предел? Одни считали, что вначале не было [отдельных] вещей, — это предел исчерпывающий, к нему нельзя ничего добавить. Другие считали, что [отдельные] вещи существовали, думали, что жизнь — [постепенная] утрата, а смерть — возвращение. Этим различие и исчерпывалось. Третьи говорили: «Сначала не было бытия, затем появилась жизнь, жизнь вскоре же [кончилась] смертью». Небытие считали головой, жизнь — туловищем, смерть — хвостом. Тому, кто познал сохранение единства в бытии и небытии, в смерти и жизни, я стану другом. Хотя сторонники этих трех [учений] друг от друга отличались, но единство [у них] отсутствовало [так же, как] у царских родов [в Чу]: Чжао и Цзин носили корону, а Цзя <Цюй> получал [селения] на кормление.

Если кому-нибудь отдавят ногу на рынке, то извинятся за неловкость; если старший брат [наступит на ногу младшему], то его пожалеет, а если отец — сыну, и так обойдется. Поэтому и говорится: «В настоящей вежливости не [разбирают, что за] человек; в настоящей справедливости не [отделяют своих от] чужих; настоящие знания не [таят коварных] замыслов; в настоящем милосердии не [считаются с] родством; в настоящем доверии забывают о золоте [залога].

Удали то, что расстраивает волю; освободи сердце от неясности; удали то, что обременяет свойства; убери с пути все препятствия. Богатство и знатность, почет и величие, слава и выгода — эти шесть расстраивают волю; внешность и поза, красота и хитроумие, дыхание и чувства — эти шесть опутывают сердце; ненависть и любовь, радость и гнев, печаль и наслаждения — эти шесть обременяют свойства; согласие и отказ, займы и возврат, знания и способности — эти шесть преграждают путь. Когда эти четыре шестерки не волнуют грудь, [приходит] беспристрастие. Беспристрастие ведет к покою, покой — к ясности, ясность — к пустоте, пустота — к недеянию, [которое] все совершает.

Путь — уважение к свойствам; жизнь — проявление свойств; характер — сущность жизни; движение характера называем деянием; ложное деяние называем утратой [пути].

Знающий воспринимает [вещи]; знающий обдумывает. [Когда] знающий приближается к тому, чего не знает, [он] подобен косоглазому.

Действие вынужденное называется свойством. Действие лишь во имя собственных [интересов] называется управлением. Названия друг другу противоположны, а соответственно [им] и сущность.

Нога [человека], ступая по земле, занимает мало [места]. Пусть мало, но, опираясь на него, [идет] туда, где еще не ступала [нога человека], способен затем уйти далеко. Знания человека малы. Пусть малы, но, опираясь на них, [идет] к непознанному и познает затем то, что называется природой. Познает великое единство, познает великую [силу] тьмы, познает великое зрение, познает великое равновесие, познает великую безграничность, познает великое доверие, познает великое утверждение, [это познание] — высшее. Великим единством все объединяет, великой [силой] тьмы все расчленяет, великим зрением все созерцает, великим равновесием следует [природе] каждого, великой безграничностью [следует] форме каждого, великим доверием предоставляет каждого [своей сущности], великим утверждением держится [самоутверждения] каждого.

Мудрый видит все связи между собой и другими в единстве, [сам] не ведая почему, — таков [его] характер. Отвечая колебаниям жизни, [он] считает своим учителем природу, люди же вслед называют его [учителем]. Печально, что не узнают и не делают [этого] постоянно, и вскоре приходит конец. Каким же образом? [А вот как]: красивому от рождения люди дают зеркало. Не поведали бы, и не узнал, что красивее других. То ли знал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет; а радоваться мог бы до смерти без конца; люди любовались бы на него также без конца — таков характер. Мудрый же любит людей, и люди [так] называют его. Не назвали бы — и не ведал бы, что любит людей. То ли ведал бы, то ли нет; то ли слышал бы, то ли нет, а его любовь к людям [длилась бы] до смерти без конца, и люди наслаждались бы ею также без конца — таков характер.

[Муж] из рода Гадателей на Черепашьей Бороде обрел центр <ось>, чтобы следовать за образованием [вещей]. Вместе с вещами не знал ни конца, ни начала, ни краткого мига, ни дня. Изменяясь вместе с вещами, в одиночестве не изменялся. Почему же на этом не остановился? Ведь тот, кто учится у природы, не способен учиться у природы; кто вершит дела в соответствии с вещами, вместе с вещами гибнет. Каким же образом? Мудрый никогда [не стремится] обладать природным, никогда [не стремится] обладать человеческим, никогда [не стремится] обладать началом, никогда [не стремится] обладать вещами. Движется вместе со своим временем и [никого] не заменяет; поступки его целостны, [он] не терпит поражений и объединяется с путем — вот как!

Цюй Боюй проповедовал шесть десятков лет, а в шестьдесят лет изменился. То, что в начале утверждал, под конец изгонял и отрицал. [Он] еще не понял, не отрицал ли пятьдесят девять лет то, что называет ныне истинным!

[Вся] тьма вещей живет, а корней не видно; появляется, а ворот не видно. Все люди почитают то, что познано знанием; а не ведают, что познание начинается лишь после того, как, опираясь на знания, познают непознанное. Разве не назовут [это] великим сомнением? Оставь, оставь! Ведь от этого никуда не скроешься! Это и есть так называемая истина? Да!

[Вещи] последовательно друг на друга воздействуют по закону [каждой из них], поднимаясь и вращаясь, друг друга отсылают, за тупиком открывается поворот, за концом — начало. Таково то, чем обладают вещи, что исчерпывается в словах, что постигается знаниями, высшее в вещах на этом и кончается. Люди, которые наблюдают за путем, не следуют за тем, что кончается, не восходят к тому, что начинается, на этом суждения и прекращаются.

— Кто из двух прав в своей сущности — спросило Малое Знание, — а кто односторонен в своем суждении? Цзи Истинный, говоря, «[путь] предается недеянию», или Продолжатель, говоря, «он возможно воздействует»?

— Петух кукарекает, собака лает — таково познанное человеком, — ответил Справедливый, Приводящий к Согласию. — Но даже обладающий большими познаниями не смог бы рассказать в словах об их самоизменении, не смог бы [определить] и в мыслях, что они станут делать. [Если] их объяснять по отдельности, то мельчайшее не с чем сравнивать, а величайшее не охватить. [Мнения, что «путь] предается недеянию» или «возможно воздействует», — неизбежны в приложении к вещам, но в конце концов будут признаны ошибочными. «Возможно воздействует» — значит [обладает] сущностью; «[предается] недеянию» — значит [обладает] пустотой. Обладать названием, обладать сущностью — состояние вещи; без названия, без сущности — пустота [без] вещи. [Об этом] можно говорить, можно думать, но, [чем больше] слов, тем дальше [от пути]. Еще не родившимся не запретишь [родиться], умирающим не помешаешь [умереть]. Умирают и рождаются рядом, а закона [жизни и смерти] не разглядишь. В [мнениях] «возможно воздействует», «предается недеянию» сомнительно само допущение. [Когда] я смотрю на его основание, оно уходит в беспредельность; [когда] я ищу его вершину, не могу увидеть конца. Беспредельное, бесконечное — для него нет слов. При законах, общих с вещами, слова «возможно воздействует», «предается недеянию» — относятся к основанию, но от начала до конца связаны с вещами. Пути не может ни быть ни не быть. Название «путь» — лишь предположение. «Возможно воздействует», «предается недеянию» — [эти мнения] связаны лишь с одной стороной вещей. Разве внимают им [люди] глубоких мыслей? [Если бы] слов было достаточно, то, проговорив целый день, сумели бы исчерпать путь. [Поскольку же] слов недостаточно, то, проговорив целый день, можно исчерпать [лишь] вещи. Путь — высшее

для вещей, его не вместить ни в слова, ни в молчание. Ни в словах, ни в молчании высшее о нем не выразить.

Младенец, родившись, способен овладеть речью и без великого учителя, [ибо] живет вместе с говорящими.

NB ***Китайская традиция, как, впрочем, и европейская, не выделяла детство как уникальное состояние со своими особенностями и потребностями. Ее установками были снисходительность и подражание. Практические рецепты могли быть весьма неоригинальными: «секрет учения — в усердии, и тот, кто предан учению, читает без устали, урывая даже время для сна». Отличия в системе приуготовления к познанию, которая учит одновременно и разнообразию в сосредоточенности, и избавлению от лишнего. (Вспомним мудреца, которого отличает не то, как и что он делает, а то, чего он не делает).***

Только настоящий человек способен странствовать среди современников, не отклоняясь, следовать за другими, не теряя самого себя, не изучать чужих учений, но, не чуждаясь, воспринимать [их] мысли.

Вершей пользуются при рыбной ловле. Наловив же рыбы, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав же зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения мысли. Обретя же мысль, забывают про слова. Где бы мне отыскать забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!

[Пока] нет слов, есть согласие. Согласие со словами не согласуется; и слова с согласием не согласуются. Поэтому и говорится «без слов». Речь не нуждается в словах. Бывает, что [человек] говорит всю жизнь, а ничего не скажет. Бывает, что всю жизнь не говорит, а все скажет. Бывает, что [имеет] свое [мнение] о возможном и невозможном, свое [мнение] об истинном и неистинном. Почему истинно? Истинно оттого, что истинно. Почему неистинно? Неистинно оттого, что неистинно. Почему возможно? Возможно оттого, что возможно. Почему невозможно? Невозможно оттого, что невозможно. В вещах, конечно, есть истинное, в вещах, конечно, есть возможное. Нет вещи без истинного, нет вещи без возможного. Но кто же способен овладеть этим надолго без речей, всегда новых, как [вино] из чарки, совпадающих с естественным началом? [Вся] тьма вещей делится на роды, вещи заменяют одна другую от начала до конца, будто по кругу [лишь] в различной [телесной] форме. Их закона не уловить. Это называется равновесием природы. Равновесие природы и есть естественное начало.

Странник Красоты Совершенной сказал Владеющему Своими Чувствами из Восточного предместья:

— С тех пор как я слушаю ваши речи, за первый год стал безыскусственным; за второй год [научился] следовать [за другими]; за третий год — постигать [других]; за четвертый год — уподобляться [вещам]; за пятый приблизился; за шестой год [постиг] разумом сообщения [чувств]; за седьмой год завершил [объединение] с природой; за восьмой год забыл о смерти, забыл о жизни; за девятый год [постиг] великое мельчайшее.

Недаром говорят: «Истина пути в том, чтобы совершенствоваться самому, все остальное лишь сор — и [управление] царством, и управление Поднебесной». Вот почему мудрый считает бесполезными заслуги предков и [древних] царей, [они] не нужны ни для самосовершенствования, ни для сохранения жизни. Разве не прискорбно, что ныне многие цари, [погрязнув] в пошлости, жертвуют жизнью ради вещей! Мудрому же надлежит выяснить [причины], почему это происходит, почему так действуют.

Юань Сянь жил в Лу за круглой оградой в доме, крытом соломой, проросшей травой. Поломанные двери из хвороста держались на тутовых ветках, окном служило горлышко [разбитого] кувшина. Заткнув окна сермягой, [он и жена] сидели выпрямившись и перебирали стены в своих комнатах, протекавших сверху и отсыревших снизу.

К Юань Сяню приехал в гости Цзыгун на запряженной рослыми конями колеснице с высоким передком, которая не смогла вместиться в переулке. Цзыгуна, одетого в нижнее лиловое и верхнее белое платье, встретил у ворот Юань Сянь в шапке из бересты, в соломенных сандалиях, опираясь о посох из белой мари.

— Ах! — воскликнул Цзыгун. — Не заболели ли [Вы], Преждерожденный?

— Ныне [я], Сянь, не болен, а беден, — ответил Юань Сянь. — [Я], Сянь, слышал, что больным называют того, кто не способен осуществлять своего учения; а бедным того, кто не имеет богатства.

Цзыгун, пристыженный, остановился в нерешительности, а Юань Сянь, усмехаясь, сказал:

— Действовать в надежде на [похвалу] современников, сближаться со всеми и заводить друзей, учиться [самому] для других, а поучать [других] для себя, прикрываясь милосердием и справедливостью, украшать колесницу и коней — вот то, чего [я], Сянь, не могу терпеть.

[Свободный от Условностей] сказал:

— Мелкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж — ради славы. То, от чего меняются их чувства, изменяется характер — различно, [но если бы] они бросили то,

чем занимаются, и предались тому, чем не занимаются, стали бы одинаковыми. Поэтому и говорится: «Не будь мелким человеком, вернись к своему естественному началу; не будь благородным мужем, следуй естественным законам». И в кривом и в прямом увидишь высшее в природе. Наблюдая за всеми четырьмя сторонами, останавливайся вместе с временами года. И в истинном и в ложном держись середины круга. Совершенствуйся сам, думай и странствуй вместе с путем. Не предавайся [чему-либо] одному, не совершенствуйся в справедливости, и тогда оставишь свои деяния. Не гонись за богатством, не жертвуй собой ради совершенства, отбрось [все] и станешь естественным.

— Поступки мудрого, — сказал Довольный, — вдохновляются народом, но не нарушают его мерила. Поэтому, имея достаток, не заводят тяжб, не действуют и [большего] не домогаются. [Когда же] нет достатка, то домогаются [большего], повсюду заводят тяжбы, но не считают себя жадными. [Те же, кто] обладает избытком и от него отказывается, бросают [управление] Поднебесной, но не считают себя бескорыстными. К бескорыстию или жадности не принуждают извне, напротив, их рассматривают как мерило. Облеченный властью Сына Неба не гордится перед другими своим благородством. Его имущество — [вся] Поднебесная, но [он] не пользуется своим богатством, чтобы посмеяться над другими. [Те же, кто] не принимает [поста] или [от него] отказывается, не ищут славы и похвал. Обдумав бедствия и неудачи, которыми он [грозит], находят [в нем] вред для своей природы. Высочайший и Ограждающий стали владыками, и воцарился мир. [Они] не облагодетельствовали Поднебесную, но и не загубили свою жизнь ради красоты. Умеющий Свернуться и Никого не Стесняющий могли стать владыками, но не приняли [поста]. Отказывались не лицемерно, [ибо] не [хотели] повредить себе делами. Оба они стремились к полезному для себя, отказываясь от среднего, а в Поднебесной [их] превознесли как добродетельных. Так могут обрести это название те, кто отнюдь не домогался славы и похвал.

— [Те, кто] во имя славы изнуряет свое тело, отказывается от наслаждений, ограничивает себя в пище, [лишь бы] поддержать жизнь, [обрекает себя] на длительные болезни и постоянную нужду вплоть до самой смерти, — сказал Недовольный.

— Счастье в умеренности, вред в излишествах, — сказал Довольный. — И так во всем, а особенно — в богатстве. А ныне богачи услаждают свой слух колоколами, барабанами, свирелями и флейтами; [они] объедаются [мясом] травоядных и хлебоядных животных, хмелеют от густого вина. Удовлетворяя свои прихоти, забывают о деле, — это ли не смута? Отягощенные изобилием, [они] будто взбираются на высоту с тяжкой ношей, — это ли не страдание? Жаждут богатства, а получают болезни; жаждут власти, а истощают свое тело. Пребывая в покое, [как бы] тонут [в пучине; когда] тело наливается соками, приходят в гнев, — это ли не болезнь? В погоне за богатством и наживой набивают [все до отказа], ни о чем не желают слышать, ни [от чего] не хотят отступиться; мчатся [все быстрее], не в силах остановиться, — это ли не позор? Богатство скапливается, его некуда девать; но [его] прижимают к груди и не могут [с ним] расстаться; сердце исполнено огорчений, но желания растут, [их] невозможно остановить, — это ли не горе? В собственном доме подозревают кражи, [в каждом] видят вора: выйдя из дома, страшатся разбойников; дома [у них окружены башнями и бойницами, за [стенами они] не осмеливаются ходить поодиночке, — это ли не страх?

Что может быть вреднее всех этих [пороков] в Поднебесной? А [об этом] все забывают, не пытаются разобраться и спохватываются, лишь когда придет беда. [И тогда], истощив [все свое] естество, [все] богатства, не вернут ни дня покоя. [Этого] не видят, ослепленные славой; не понимают — в погоне за выгодой. Так не заблуждение ли вся эта борьба, которая опутывает и тело, и мысли?!

Искусный трудится, знающий печалится, неспособному же не к чему стремиться. Наевшись досыта, скитается в праздности, подобно отвязавшемуся в половодье челну, что пустой движется по воле волн.

Мудрый [обретает] покой в том, что дает покой; не [ищет] покоя в том, что не [дает] покоя. Дюжинный человек [ищет] покой в том, что не [дает] покоя; не [обретает] покоя в том, что [дает] покой.

Чжуанцзы сказал:

— Познать путь легко, не говорить [о нем] трудно. Познавать и не говорить — так достигнешь естественного. Познавать и говорить — так достигнешь человеческого. Древние люди обращались к естественному, а не к человеческому.

Мудрый и необходимое не считает необходимостью, поэтому не обладает оружием. Дюжинный человек считает необходимостью и не необходимое, поэтому [обладает] многим [оружием]. Послушен оружию, поэтому и пускает его в ход при [своих] домогательствах. [Но] тот, кто полагается на оружие, гибнет.

Мелкий человек в своих знаниях не выходит за пределы свертка с подарком и дощечки для письма. [Он] утруждает свой разум незначительными препятствиями, а хочет всемерно помогать пути и [всем] вещам и в великом единстве [с ними] очищать свое тело. Подобные ему, не зная первоначала, обременяя свое тело, блуждают во вселенной.

Другой же, настоящий человек, обращается разумом к безначальному и сладко дремлет в небытии. [Он подобен] воде, которая течет без формы и, просачиваясь, обнаруживается в великой чистоте.

Как печально! Ведь, обратив свои знания на кончик волоска, не познаешь великого покоя.

[Орудия] внешних пыток — металл и дерево. [Орудия] внутренних пыток — действия и ошибки. Малый люд, подвергшийся внешней пытке, допрашивают металл и дерево; подвергшихся внутренней пытке грызут [силы] жара и холода. Ведь избежать пытки и внешней, и внутренней способен лишь настоящий человек.

Злых свойств — пять. Основное — считать главными [собственные] достоинства. Что это означает? Это означает — превозносить собственные достоинства и порицать тех, кто поступает по-иному.

Бедствия вызывают восемь крайностей, успех приносят три необходимости, тело вмещает шесть внутренних органов. Красота, [длинная] борода, высокий рост, крепкое телосложение, цветущий вид, величие, смелость и решительность — это восемь крайностей. При превосходстве над другими [они] служат причиной бедствий. Покорность, уступчивость, опасение [оказаться] хуже других — эти три необходимости приносят успех. Сообразительность проникает во внешнее, смелые поступки [вызывают] большие обиды; милосердие и справедливость [вызывают] многие укоры. Кто проник в [сущность] жизни — велик; кто проник в знания — незначителен; постигший большую жизнь <природу> следует [за главным]; постигший малую жизнь <отдельного человека, свою собственную> следует за случайным.

[Если] выравнивать с помощью неровного, то и ровное станет неровным. [Если] доказывать с помощью недоказанного, то и доказанное станет недоказанным.

Знающий действует [на других] только своими знаниями. Прозорливость подтверждается [естественными законами]. Ведь давно уже [известно], что знающему далеко до прозорливого. Но разве не печально, что глупцы, опираясь лишь на виденное ими самими, несут [это] людям? Их успехи только во внешнем.

Учений как управлять Поднебесной много, но ни одно из них нельзя применить, оттого что они деятельны. Где же в действительности так называемое учение древних? Отвечу — «повсюду». На вопросы — «Откуда появляется прозорливый? Откуда появляется умный?» — [отвечу]:

«Источник рождения мудрого, формирования государя — один».

Не отделяющегося от рода называют естественным человеком, не отделяющегося от тончайшего семени называют прозорливым человеком, не отделяющегося от истинного называют настоящим человеком. Того, кто [своим] родом считает природу, корнем — основные свойства, воротами — путь, началом же — развитие, называют мудрым человеком. А тот, кто считает милосердие наградой, справедливость — правилом, обряды — поведением, музыку — гармонией, от кого пахнет благими делами и милосердием, называется благородным мужем.

Те, кто разделяет с помощью устоев, берут за образец имена <славу>, считают обучение свидетельством, а сопоставление — решением, они считают [всего лишь] до четырех. Так вот [все] сто должностных лиц общаются друг с другом по старшинству. Обычным [они] считают дела, главным — пищу и одежду; естественным законом народа — размножение, собирание и накопление для прокормления всех — старых и малых, сирых и вдовых. Разве этого не было в изобилии у людей древности? Равные прозорливому по разуму, будучи безыскусственными, [как] природа, взращивали тьму существ, гармонировали со [всей] Поднебесной, и [ее] даяния распространялись на [все] сто семейств. Понимая исходные числа, соединяли [их] и с конечным мерилом. Шесть стран света, четыре времени года, малое и великое, грубое и тонкое — движение, которое существует повсюду. [Все это] они понимали и неоднократно повторяли. Есть еще много хронистов, передающих старые устои от поколения к поколению. Те [устои, что содержатся] в песнях и преданиях, обрядах и музыке, способны понимать многие из мужей в Цзоу и Лу — Преждерожденных в широких поясах с табличками. [Они] используют песни, предания, обряды, чтобы говорить о стремлениях, о событиях, о поведении; [они] используют музыку, гадательные знаки, хронику «Весна и осень», чтобы говорить о гармонии, о жаре и холоде, о разделении по именам <знатности>. Сколько-то их рассеялось по [всей] Поднебесной, [они] утвердились в Срединных царствах. В учениях ста школ их иногда хвалят и о них говорят.

[С тех пор как] в Поднебесной началась великая смута, утратилась ясность достойных и мудрых, не стало единства в [понимании] пути и основных свойств, многие пришли к пристрастности во имя самовосхваления. Так, уши, глаза, нос, рот — каждый [из этих органов] что-то воспринимает, но [они] не способны общаться друг с другом. То же и во всех искусствах, в ста школах, — у каждой есть какие-то достоинства, которые иногда следует использовать. Но крайне пристрастные мужи, не обладающие ни проницательностью, ни кругозором, берутся судить о красоте природы, объяснять законы тьмы вещей, це-

лостность древних людей. [У них] не хватает способностей для того, чтобы охватить красоту природы, оценить проницательных и умных. По этой-то причине путь внутренний — мудрых и внешний — царей становился скрытым и неясным, приходил в застой и не проявлялся. Каждый в Поднебесной принимал то, что ему нравилось, за собственное учение. Как печально! Ведь [все] сто школ уходили, но не возвращались и, конечно, не объединялись. Учащиеся же последующих поколений, к несчастью, не увидели безыскусственности природы, высшей сущности древних, и тогда в учении Поднебесной произошел раскол.

NB ***Инструментальна сама целостность, обращенная к себе. Она инструментальна во всем.***

Для дао не существует самостоятельной эстетики, эстетично само постижение бытия, его сокровенной сути. Если для непосвященного отказ от оригинальности, самовыражения может быть принципом — рассудочным или поверхностным выбором, косвенной производной, то для дао отказ от индивидуальности — часть самой индивидуальности.

В Европе этим эффектом научились сегодня пользоваться профессиональные дизайнеры. В этих руках эстетический принцип стирания индивидуальности стал мощным средством, рождающим ощущение свободы. Эффект даосской практики шире — это ощущение жизни, легкости растворения в мире и приятия его во всей полноте.

Читая об эстетическом феномене китайской живописи, мы свободны в выборе: запомнить что-то о теории эстетической действенности живописных пустот, или попытаться со всей эмоционально доступной открытостью примерить незнакомый способ бытия-мироощущения.

В учение древних входили такие [положения]: чтобы быть готовыми к неожиданным бедствиям, исправлять [все] по плотничьему правилу и [с помощью] туши, не [приучать] молодое поколение к роскоши, к расточительству, к блеску в числах и установлениях. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Мо Ди и Цинь Гули, но стали проводить их чрезмерно строго. Назвав это бережливостью, они провозгласили отказ от музыки, [чтобы] живые перестали петь, мертвых перестали одевать. Моцзы [учил] всеобщей любви и пользе, а также отрицанию войны. Не допуская гнева, его учение требовало любви к обучению, привлечения сторонников, но не было тождественным [учению] ранних государей и разрушало обряды и музыку древних. При Желтом Предке была песня «Восход солнца», при Высочайшем — «Великое уложение», при Ограждающем — «Великое цветение», при Молодом Драконе — «Великое лето», при Испытующем — «Великий разлив», при царе Прекрасном — «Согласие в каре», царь Воинственный с Чжоугуном создали «Воителя». В древнем похорон-

ном обряде был ритуал для благородных и для презренных, были ранги для высших и низших: гроб внутренний и саркофаг для Сына Неба — семикратной толщины, для правителей царств — пятикратной, для великих мужей — троекратной, для мужей — двойной толщины. Ныне только один Моцзы [учит], чтобы живые перестали петь, мертвых перестали одевать, чтобы, как правило, стали делать гробы из дриандры толщиной в три цуня, без саркофага. Учить этому людей [значит], пожалуй, их не любить, действовать так самому — [значит], конечно, не любить самого себя. Учение Моцзы еще не потерпело поражения, но разве достойно [человеческой] природы осуждать пение, когда поют, осуждать плач, когда плачут, осуждать радость, когда радуются. Жизнь Моцзы прошла в тяжелом труде, похороны его были бедными, учение его очень жестокое. [Оно] велит людям печалиться, горевать, его трудно осуществить и, боюсь, нельзя считать учением мудрого. [Оно] противоречит сердцам Поднебесной и для Поднебесной невыносимо. Хотя сам Моцзы мог его выполнять, но что было делать с Поднебесной? [Оно] отделилось от [всей] Поднебесной и далеко ушло от [учения древних] государей. Восхваляя свое учение, Моцзы говорил:

— В старину Молодой Дракон преградил [путь] потопу, проложил русла рек и потоков, открыл [дороги] во [все] девять областей и ко [всем] четырем [странам] варваров. На трехстах знаменитых горах <реках>, трех тысячах притоков, малых же речках без числа Молодой Дракон сам брал в руки мешки и лопату, смешивал [воды для стока] в девять рек Поднебесной. [У него] стерлись волоски на икрах и пушок на голенях. Умывал [его] проливной дождь, причесывал быстрый ветер. [Он] учредил тьму царств. Молодой Дракон был великий мудрец, а так утруждал себя ради Поднебесной.

Поэтому моисты следующих поколений одевались большей частью в шкуры и платье из грубого сукна, носили деревянные сандалии или плетенные из соломы, не отдыхали ни днем, ни ночью и считали высшим [благом] тяжкий труд. [Они] говорили: «[Тот, кто] на это не способен, отрицает путь Молодого Дракона и недостоин называться моистом».

Ученики Сянли Циня — слуги пяти правителей. Южные моисты, такие как Гу Ху, Цзи Чи, Дэнлинцзы, все распевали основу [учения] Мо, но каждый по-своему обманывал вдвойне, называли же друг друга отдельной [ветвью] моистов. Они поносили друг друга в спорах о том, что такое «твердость» и «белизна», что такое «тождество» и «различие», отвечали друг другу речами о различии между единичным и парным.

Наиболее выдающийся считался мудрецом, и все стремились сделать его Покойником <главой> в надежде на преемство в следующем поколении. Это не прекратилось и поныне.

Замыслы Мо Ди и Цинь Гули были истинными, а поступки — ложными. [Они] повели к тому, что моисты последующих поко-

лений лишь состязались друг с другом, изнуряя себя в труде [до тех пор, пока] не стирались волоски на икрах и пушок на голенях. В смуте [они] первые, в управлении — последние. Несмотря на это, [сам] Моцзы воистину лучший из [людей] Поднебесной, и [другого] такого не найти. Пусть иссох, как сухое дерево, [от него] нельзя отказаться, [он] действительно талантливый муж.

В учение древних входили такие [положения]: не отягощать себя обычаями, не приукрашиваться перед другими, не относиться нечестно к людям, не приносить вреда народу, желать Поднебесной мира и покоя, чтобы оживить жизнь народа, чтобы [все] ограничивались питанием, достаточным и для себя, и для других, и этим очистили сердце. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Сун Цзянь и Инь Вэнь. Отличительным знаком они выбрали для себя шапку [в форме] Хуа-горы. Воспринимая [всю] тьму вещей, начинали со снисходительности к отличавшимся [от них], говорили о терпимости и назвали это движением сердца. [Пытались] гармонией соединить в радости и привести в согласие [всех] среди морей. Стремились (к этому] и просили принять эту идею как главную. Встречаясь с оскорблениями, но не считая [их] позором, [они стремились] спасти народ от борьбы, запретить нападения, отложить оружие, спасти [своих] современников от войн. С этим обходили [они] всю Поднебесную, убеждая высших и поучая низших. Хотя в Поднебесной [их учения] не принимали, они непрестанно на нем настаивали, поэтому [о них] говорили: «Настойчиво [добиваются] встреч, хотя [всем] сверху донизу надоели». Несмотря на это, они добивались для людей слишком многого, для себя же делали слишком мало. Говорили: «Стремимся и просим твердо установить питание в пять шэн [зерна, этого] достаточно. Преждерожденные, пожалуй, не будут сыты, а ученики, даже голодные, не забудут о [заботе] Поднебесной». Днем и ночью без отдыха твердили: «Должны же мы обрести возможность жить! Необходимо гордиться мужами, спасающими [свое] поколение!» Говорили: «Государь не должен сурово взыскивать, не должен присваивать себе чужого, считать ниже себя по уму тех, кого признают бесполезными для Поднебесной». В большом и малом, грубом и тонком их учение ограничивалось тем, что во внешнем [они требовали] запретить нападения, отложить оружие, а во внутреннем — умерить желания и страсти.

В учение древних входили такие [положения]: быть справедливым и беспристрастным, ровным и бескорыстным, решительным, но без предвзятости; следовать за другими, но без измены; не оглядываться с опаской, не хитрить со знаниями; отправляться вместе со всеми, никому не отдавая предпочтения. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Пэн Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао. Главным [они] признали равенство [всей] тьмы вещей. Говорили: «Небо способно покрывать их [сверху], но не способно поддерживать их снизу; земля способна поддерживать их снизу,

но не способна покрывать их сверху. Великий путь способен их вмещать, но не способен их различать». [Они] знали, что для [каждой из] тьмы вещей есть возможное, есть и невозможное, поэтому говорили: «При выборе нет всеобщего, обучение не [каждого] достигает, [лишь] путь [объемлет все] без остатка». По этой причине Шэнь Дао отбросил знания, отказался от самого себя и действовал лишь по принуждению. [Он] считал естественным законом очищение от вещей и равнодушие. Говорил:

«Знание — это незнание, даже незначительные знания приближают к опасности». Стыдил безнравственных, не служил, но высмеивал [тех, кто] почитал достойных в Поднебесной; свободный, необузданный, [он] не действовал, но порицал великих мудрецов Поднебесной. То молотком, то рукой [он] сглаживал шероховатости и вместе с другими приспосабливался [к обстоятельствам]. Отбрасывал и истинное и ложное, лишь бы избежать [затруднений]. Не изучал ни [людских] знаний, ни забот, не ведал ни прошедшего, ни будущего и лишь величественно возвышался. Действовал, лишь когда толкали; шел, лишь когда тащили; крутился подобно вихрю, кружился подобно перышку, вращался подобно жернову. Почему же [он] оставался целостным, не встречая порицания, не делая ошибок ни в движении, ни в покое, никогда не совершая преступлений? Потому что [подобно] вещи, не обладающей знаниями, не ведал беды самоутверждения, не отягощал себя применением знаний, не отходил от естественных законов ни в движении, ни в покое; поэтому-то за всю жизнь так и не прославился. Поэтому говорил: «Высшее лишь в том, чтобы уподобиться вещи, не обладающей знаниями, не использовать ни достойных, ни мудрых. Ведь [любой] ком земли не утратит пути». Удальцы между собой его высмеивали: «Не достойно ли удивления учение Шэнь Дао? [В нем] поведение не живого человека, а мертвого!» Таково же и [учение] Тянь Пяня. [Он] удостоился перенять у Пын Мэна [учение] без поучений. Наставляя, Пын Мэн говорил: «Даосы древности пришли лишь к тому [выводу], что нет ни истинного, ни неистинного». [Его наставления подобны] шуму встречного ветра, как же можно [о них] говорить? [Он] всегда противоречит людям, но не встречает внимания и неизбежно сглаживает шероховатости. То, что он называет учением, не [настоящее] учение; в истине, о которой [он] говорит, неизбежно [есть] ложь. Пын Мэн, Тянь Пянь и Шэнь Дао не знали учения, хотя в общем о нем и слышали.

В учение древних входили такие [положения]: считать основой мельчайшее [семя], а вещью — крупное; считать накопление недостатком, жить безмятежно, в одиночестве, с ясным разумом. Услышав о таких наставлениях, обрадовались Страж Границы и Лаоцзы. [Они] построили учение на постоянстве бытия и небытия с главным — великим единством. [Учили] во внеш-

нем — быть терпеливым, мягким, уступчивым, в сущности <во внутреннем> — пустым [чистым], не разрушать [ни одной из] тьмы вещей.

Страж Границы сказал: «[Телесные] формы и вещи сами показываются [тому, кто] на самом себе не останавливается. Его движения подобны [течению] воды, его покой подобен зеркалу, его ответ подобен эху. Туманный, будто отсутствует; тихий, будто прозрачен, уподобляясь [вещам], гармоничен, приобретая [вещи], несет урон. Никогда не опережая других, всегда следует за другими».

NB ***Метафоричность, высокая степень абстракции и субъективности даосских текстов таят свой особый способ воздействия на ученика — слушателя и читателя. Простейший пример, превращаясь в метафору и символическую абстракцию, остается при этом все тем же живым примером, неотделимым от конкретного опыта. Его вибрация ежеминутно обращает вас к живой субъективности собственных ассоциаций. И тот, кто не пустится в крайности, не будет цепляться сознанием за метки абстракций, не даст поверхностному овладеть своим вниманием, но сохранит способность сопереживая внимать всему неделимому богатству смыслов, тому откроется предел прозрения. За этим главным последним пределом должен даосский ученик услышать призыв к постижению-сотворчеству Тайны.***

И нам сегодня, конечно, важно, оттачивая средства понимания и способы организации внимания, видеть границы разлинованного мира, учиться и учить мудрости ощущения, что ты уже на полях тетради, ты уже за ними, где все мы — вместе или по отдельности — в сфере не-очевидного, не-знаемого. И как не хватает на этом шаге веры в беспредельность того самого прозрения! Хочется надеяться, что ответы на сомнения, нераспознанные, неузнанные пока ответы, ждут своего скорого часа. И иногда всего лишь надо научиться выходить на путь прозрения, ведущий к самому себе.

Неожиданный, может быть, пример: пришедшая когда-то из психотерапии, осторожно осваиваемая как новый прием учителями гуманитарных предметов нашего лицея психодрама*. Что-то очень важное роднит ее с даосским представлением о пути ученичества. Это не только многоуровневость технологии, вбирающей в себя опыт разных профессий, который напоминает взвешенный и утонченный даосский симбиоз практик, средств и приемов воздействия. Куда значительней сродство предельных задач. Вместо привычных способов концентрации внимания и следования образцу либо логичному методу психодрама помогает обратить внимание в себя, к живой целостности внутреннего мира. Вместо сознания средством преобразования внешнего мира, отношения к нему выступает поддерживаемая извне самоорганизация душевных движений личности. Вместо отточенного карандаша внимания работают законы созвучности и гармонии строения внутреннего и внешнего пространства, соединения смыслов. Ребенок, заглядывая внутрь себя, туда, где ждут, сохраняя все краски чувств, живые образы, извлекает из себя, из пропущенного через себя события или текста такое богатство и такую целостность впечатлений и отношений, что долго остается в радостном, окрыленном удивлении. И как чудесно подходят найденные в древней традиции слова и сравнения для описания происходящего! Не ближе ли эти столь разные «прозрения», чем может показаться на первый взгляд?

Лаоцзы сказал: «[Кто], сознавая свою мужественность, соблюдает женственность, становится для Поднебесной [главным] руслом. [Кто], сознавая свою чистоту, соблюдает стыдливость, становится для Поднебесной долиной. Все предпочитают быть первыми, лишь он предпочитает быть последним». [И еще] сказал: «[Он] принимает на себя унижение Поднебесной. Все предпочитают полноту, только он предпочитает пустоту; не накапливает, поэтому обладает избытком. Обладая избытком, высится одинокий. В поведении неторопliв и потерь не несет, [держится] недеяния и высмеивает ловкость [других]. Все домогаются счастья, и лишь он [видит] целостность несовершенного». [И еще] сказал: «Лишь бы избежать беды. Считать глубокое корнем, умеренность правилом». [И еще] сказал: «Твердое ломается, острое тупится. [Он] всегда великодушен к вещам, ничего не отнимает у других. Вот что можно назвать высшим совершенством». Да! Воистину настоящими людьми среди древних были великие Страж Границы и Лаоцзы!

---

* Психодрама — метод групповой работы, заимствованный в психотерапии и основанный на драматическом действии. Создатель психодрамы Дж.Л.Морено видел в ней также и философию жизни, и науку, которая ищет истину драматическим способом. Психодраматическая сессия состоит из разогрева, сценического действия и шеринга (обмена чувственными впечатлениями). Она соединяет драматургический метод исследования (театрализованное продолжение и завершение действий); принцип доверия к субъективному опыту; ожерелье взаимоподдерживающих техник и приемов. Все разнообразие техник объединяется вокруг трех функций: строится доверие, эмоциональная открытость; воссоздается событие-состояние; взращивается состояние — модель поведения. Появление в школе психодрамы — очередная причина для обращения к теме ансамбля профессионалов. И особенно важно, что именно здесь мощный эффект воздействия психолога на педагогическую практику и культуру не затухает. Его поддерживают дети, узнающие и с удовольствием использующие средства психодрамы. Это и не удивительно, если принять во внимание человечность метода: обучение через непосредственный опыт; неделимость техник, с одной стороны, и творчества, вдохновения, индивидуальности — с другой; реабилитация игрового начала в самых что ни на есть взрослых вопросах; условие доверия друг к другу и веры в метод... Все это вам ничего не напоминает? (Подробнее см.: Келлерман П.Ф. Психодрама крупным планом. — М.: Класс, 1998.)

В учение древних входили такие [положения]: о туманном, обширном, не обладающем [телесной] формой; об изменениях, о развитии, не обладающих постоянством. Объединяются ли жизнь и смерть с небом и землей? Уходят ли душа и разум? Почему же? Неясно! Куда же? Туманно! [Всю] тьму вещей [оно] охватывает сетью, нечего [и говорить], что все к нему возвращается. Услышав такие наставления, обрадовался Чжуан Чжоу. В безрассудных речах, в небылицах, в выражениях, бесконечных и беспредельных, всегда необузданный, но не пристрастный, [он] рассматривал учение не с одной-единственной точки зрения. Считая, что Поднебесная погрязла в пороках, не мог говорить прямо. С помощью речей, [как вина] из чарки, развивал [мысли] беспредельно, с помощью речей почитаемых подтверждал истинность, с помощью притч расширял [замысел]. В одиночестве общался разумом со вселенной, но не отделял себя в гордости от [всей] тьмы вещей, не отвергал [чужой] истины или неистины, чтобы найти себе место среди пошлости современников. Хотя записи его [речей] — редкая драгоценность, и, [внимая им], все время отбивают такт, [они] не приносят вреда. Хотя выражения у него неровные, странные, но внимания заслуживают. Полнота сущности у него неисчерпаема. Наверху он странствует вместе с тем, что создает вещи, а внизу дружит с теми, для кого ни жизнь, ни смерть не составляют ни начала, ни конца. [В понимании] основы он необъятен и открывает новое — глубоко, огромно, необузданно. [В отношении] основы <дао> он, можно сказать, многое привел в порядок и достиг высшей проницательности. Несмотря на то что следовал развитию и освобождался от вещей, его учение безгранично и не отклонилось от своих истоков. [Оно] глубоко, непостижимо, неисчерпаемо.

ЧЭНЬ КАЙГО, ЧЖЕНЬ ШУНЬЧАО

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ДАО. ЖИЗНЬ ДАОССКОГО УЧИТЕЛЯ ВАН ЛИПИНА

Появление в начале 90-х годов книги «Восхождение к великому Дао», рассказывающей историю жизни и обучения Ван Липина, нашего современника, учителя в восемнадцатом поколении северокитайской даосской школы Лунмэнь, стало сенсацией в Китае, где подлинная жизнь даосов по-прежнему остается скрытой от посторонних глаз.

Российскому читателю эта история даст возможность погрузиться в живую практику становления личности ученика, рождения мастера.

Редакция благодарит В.В.Малявина — доктора исторических наук, переводчика и составителя сборника «Восхождение к Дао», куда входит и книга о жизни Ван Липина, за разрешение на публикацию фрагментов, а читателям рекомендует познакомиться с полным ее текстом.

Визит учителей из дальних краев

Учитель Ван Липин родился 25 июля 1949 года согласно европейскому летосчислению. По китайскому же календарю то было тридцатое число шестого месяца — стало быть, в точности середина года. Говорят, тому, кто родился в такое время, уготованы великие свершения. Но пока об этом помолчим.

Рассказывают, что уже с детских лет Липин выделялся среди своих сверстников разными необыкновенными способностями. К примеру, если мама что-нибудь теряла в доме, она звала на помощь Липина, и тот сразу же находил то, что она искала. А когда Липин играл в прятки с соседскими ребятишками, он тоже без труда отыскивал их, где бы они ни прятались. Это у него получалось как бы само собой.

Липин рос хрупким и слабеньким, как девочка. Когда Липину исполнился месяц, мать заметила у него на переносице пятнышко. Решив, что это грязь, она попыталась стереть его пальцем, но пятнышко не исчезло, а только слегка покраснело. Оказалось, то была родинка. Когда Липину исполнился год, в доме случился пожар, в суматохе о младенце не сразу вспомнили, и из огня Липина вытащили уже с сильно обгоревшей головой. С тех пор Ван Липина часто мучили головные боли, а врачи, как ни пытались, ничем не могли ему помочь. Мать очень тяжело переживала это несчастье сына.

Тогда, в конце 50-х и начале 60-х годов, многодетным семьям, подобным семье Ванов, приходилось несладко. Но Липин был мальчиком незлобивым и послушным. Он прямо-таки источал заботу о своих младших братьях и сестрах и о друзьях-мальчишках из соседних домов. Никогда и ничего он для них не жалел.

Однажды осенью 1962 года семья Ванов в полном составе сидела за столом, поглощая свой скудный обед. Внезапно за окном послышался незнакомый голос: «Подайте на пропитание...» В те годы в стране свирепствовал голод, и множество людей из внутренних областей Китая приехали в Маньчжурию в поисках работы и еды. Мать Липина всегда сама подавала нищим, заходившим в ее дом. Но на этот раз Липин, вдруг сам вскочив прежде матушки с места, взял блюдо с овощами и выбежал на улицу. Перед ним стояли три старика, одетые в поношенную, латаную одежду и с виду вроде бы ничем не отличавшиеся от самых обыкновенных нищих. Однако лица стариков светились доброй и ясной улыбкой: по всему было видно, что здоровья и бодрости им было не занимать. Нет, эти старцы, если приглядеться, совсем не были похожи на несчастных оборванцев, измученных голодом и лишениями. Один из них сгреб овощи с блюда, в одно мгновение проглотил их и махнул мальчику рукой, словно говоря: «дай еще». Недолго думая Липин сбегал в комнату и вынес старикам еще одно блюдо с овощами.

Старцы все с той же молниеносной быстротой съели очередную порцию, переглянулись между собой и, не говоря ни слова, пошли прочь. Не успел Липин оглянуться, как их уж и след простыл. Вот так старички!

Липин невольно смутился, и на то были веские причины. Ведь трое удивительных старцев были и в самом деле людьми необыкновенными. То были трое даосов, которые долгие годы жили в горах, совершенствуясь в мудрости Великого Дао. А с гор они спустились не с целью просить милостыню, а для того чтобы взять себе в ученики человека, которому было предназначено стать их преемником по школе. Этим человеком был не кто иной, как Ван Липин, недавно отпраздновавший свой тринадцатый день рождения.

А вот кто были трое старцев, которые постучались в дом Липина. Первым был Чжан Хэдао, носивший священническое имя «Дао — человек Беспредельного». Ему шел тогда восемьдесят третий год, и он был учителем в шестнадцатом поколении школы Лунмэнь, относившейся к «Учению Совершенной Подлинности». Когда-то он был лекарем при дворе последнего китайского императора и получил прозвище «Божественный целитель».

Вторым был Ван Цзяомин, носивший священническое имя «Дао — человек Чистого Покоя» и монашеское прозвище Сунлин-цзы. Ван Цзяомин был учеником Чжан Хэдао и учителем школы Лунмэнь в семнадцатом поколении. В молодости он служил инструктором в знаменитой военной школе Вампу, прекрасно знал военное дело и, кроме того, обладал хорошими познаниями в математике. Ван Цзяомину было тогда семьдесят два года.

Третьим старцем был Цзя Цзяои по имени «Дао — человек Чистой Пустоты» и по прозвищу Иньлин-цзы. Цзя Цзяои тоже был учеником Чжан Хэдао и преемником школы Лунмэнь в семнадцатом поколении. Поскольку он умел лечить болезни, воздействуя на жизненные точки тела без применения игл, его звали «Игла Беспредельного». Цзя Цзяои был самый молодой из наставников: ему только что исполнилось семьдесят лет.

Само «Учение Совершенной Подлинности» (по-китайски Цюаньчжэньцзяо) возникло при династиях Цзинь и Юань, которые правили в Китае в XII—XIII веках. Наибольшим почетом в Цюаньчжэньцзяо пользуются «Пять северных патриархов»: Ван Сюаньфу, Чжун Лишу, Люй Дунбинь, Лю Хайчжэнь, Ван Чуньян. У патриарха Ван Чуньяна было семь учеников: Ма Юй, Тань Чудуань, Лю Чусянь, Цюй Чуцзи, Ван Чуй, Хао Датун, Сунь Буэр. Эти семеро получили прозвище: «Семь подлинных учителей Севера». Среди них даос Цюй Чуцзи, по прозвищу Чанчунь, и стал основателем школы Лунмэнь. Восемь столетий минуло с тех пор, и вот теперь Ван Липину предстояло стать преемником Цюй Чуцзи в восемнадцатом поколении.

Но вернемся к героям нашего повествования. Дао — человек Беспредельного, Чжан Хэдао, и двое его учеников много лет провели на знаменитой у даосов горе Лаошань, что на побережье Шаньдунского полуострова. Три старика даоса жили в одной из священных пещер — в пещере Чаньчунь. Прибегнув к старинному даосскому способу гадания, которое называется «распознаванием рисунка спины», они узнали, что учитель школы Лунмэнь в восемнадцатом колене вот уже десять лет живет на земле и настало время его разыскать и взять в обучение. Не мешкая, они вычислили день, благоприятный для того, чтобы спуститься с горы к людям.

И вот этот счастливый день настал. Даосы встали еще до рассвета, собрали вещи, совершили поклонения богам и легкими шагами двинулись вниз по склону. Впереди лежал долгий и трудный путь. А еще их ожидали встречи с многими людьми, которым сплошь и рядом требовалась помощь. Могли ли даосы, обученные разным необыкновенным искусствам, отвернуться от людских несчастий? Встретив больного, они лечили его болезнь, встретив нуждающегося — помогали ему в его нужде. А в результате, хоть и быстрые они были ходоки, но расстояние от горы Лаошань до Фушуня, не достигающее и тысячи километров, одолели за два с лишним месяца. Уж так заведено у даосов.

В день, когда старцы впервые попросили у Ван Липина еды, они уходили от дома своего будущего ученика, радостно смеясь, как будто и не было у них за плечами тягот двухмесячного пути. Возвратились они в гараж — тогдашнее их временное пристанище — и стали ждать, когда Ван Липин сам придет к ним.

А у Ван Липина после встречи со стариками было неспокойно на сердце. Его не оставляло желание увидеть снова этих необыкновенных и, по всему видно, таких мудрых и добрых людей. В тот год учился он в пятом классе школы. И вот на следующий день после уроков он не пошел вместе с другими ребятами домой. Ноги как будто сами понесли его куда-то, и неожиданно для себя он очутился на улице, ведущей к гаражу. А когда Липин зашел в гараж, он сразу же увидел знакомую троицу. Старики сидели прямо на полу, о чем-то беседуя, с веселым и добродушным видом. Волна радости обожгла Липина. Не чуя под собой ног, он подбежал к старикам и сел рядом с ними, силясь понять, о чем эти мудрецы переговариваются между собой, как три закадычных друга.

Вот так наставники встретили своего ученика. Это случилось осенью 1962 года. Началась пятнадцатилетняя даосская учеба Ван Липина, полная суровых испытаний. Липин вступил на путь, ведущий из «низшего мира» в «средний мир».

Закаливание сердца

Когда Липин впервые подсел в гараже к старикам даосам, те и бровью не повели и продолжали как ни в чем не бывало разговаривать о своем. О чем толкуют старцы, Ван Липин уразуметь не мог, но сидеть рядом с этими людьми ему было почему-то необыкновенно радостно.

Хотя старцы беззаботно шутили и смеялись, тайком они уже внимательно осмотрели его, как осматривает врач пациента. Они быстро определили, что у мальчика был сильный ожог головы и что он часто моргает, — и тут же, не сходя с места, устранили эти недуги. В тот момент Липин вдруг почувствовал прилив энергии, а его глаза как будто наполнились ослепительным светом. Сердцем он чувствовал, что старцы эти — необыкновенные люди, и потому сидел неподвижно, охваченный смущением и восторгом, не решаясь вымолвить хоть слово. В глубине души он смутно понимал: старики говорят о чем-то очень важном и умном, нужно только уметь ждать, и эта правда в конце концов откроется ему.

А старики уже все разузнали об этом мальчике. Они узнали, что у него необыкновенная судьба и что мальчик точь-в-точь такой, каким они представляли себе своего преемника. Да, это преемник их школы в восемнадцатом колене! Но хотя задатки у него большие, он все еще, как говорится, «незрелая поросль, необработанная яшма». В тело его проникло много нечистых энергий, да и сознание его еще слишком незрелое и распущенное. Пусть-ка он поскорее займется совершенствованием, хорошенько поработает над собой, взрастит свое сердце, как выращивают драгоценное дерево, впитает чистейшие энергии солнца и луны, постигнет Великое Дао. Ну, а пока нужно поближе с ним познакомиться, поддержать его стремление дойти до последней, самой главной правды.

Старейший из незнакомцев быстро оглядел Липина лучистыми, слегка прищуренными глазами и сказал: «Ну, школьник, время уже позднее, а до дому далеко. Не боишься один идти?» Липин, гордый и радостный от того, что на него, наконец, обратили внимание, не задумываясь выпалил: «А чего бояться! Я с приятелями часто до темноты в прятки играю. Я темноты не боюсь!»

Вернувшись домой и наскоро перекусив, Липин залез на кан, где уже давно спали его сестры. Но в тот вечер сон не шел к нему. Необыкновенные старики не выходили у него из головы. Все трое стояли перед его взором так отчетливо, словно он видел их наяву. «Нет, это точно люди непростые!» — решил про себя Липин. Словно какие-нибудь волшебники из сказки. И разговор-то у стариков какой-то странный. Впрочем, с ним тоже произошли прямо-таки волшебные перемены. Ушла куда-то вечно досаждавшая ему головная боль, да и глаза уже не причиняли ему бес-

покойства. «Чудеса, да и только!» — думал Липин и, как ни старался, не мог найти объяснения тому, что с ним случилось. «Завтра пойду туда опять», — подумал Липин и, придя к такому заключению, наконец уснул.

С тех пор каждый день после школы Липин под разными предлогами ускользал от приятелей и бежал к старикам. Всем троим было уже за семьдесят, пришли они издалека, чтобы прокормиться, и поэтому местные жители очень жалели их. Ну а старики умели лечить разные болезни, — так что очень скоро у них появились и преданные друзья. Хотя держались старцы очень скрытно и даже целительное свое искусство старались никому не показывать, слух о необыкновенных лекарях скоро облетел всю округу, и через пару недель у стариков уже не было отбоя от посетителей, а жалость, которую они поначалу внушали, сменилась благоговейным почтением. Поэтому ежедневные визиты к ним Ван Липина ни у кого не вызывали удивления. Мальчик помогал старикам по хозяйству: носил хворост, топил очаг, подметал пол, мыл овощи — одним словом, делал все, что мог делать. Закончив свою работу, он смотрел, как старики лечат больных, не смея проронить ни слова. А старцы, видя его интерес к их делу, радовались от души. Когда же посетители уходили, они рассказывали Липину разные удивительные истории, понемногу наставляя его в мудрости Дао.

Спустя некоторое время старики сочли, что их жилище привлекает слишком много людей, и поселились за городом в старой заброшенной кузнице. Они сами привели кузницу в порядок, залатали стены и прохудившуюся крышу. Перед домом росли невысокие деревца, позади был разбит небольшой огород. Вокруг тишина и покой: самое подходящее место для отшельника-даоса. Неподалеку от кузницы, у подножия холма, была маленькая деревушка. Старцы стали ходить туда лечить больных, а жители деревни, люди простые и добрые, носили даосам еду, хворост и всякие вещи, нужные в хозяйстве.

К тому времени Ван Липин уже крепко сдружился со стариками и многое узнал об их жизни. Понемногу к нему приходило понимание того, кто такие даосы и чему они посвящают свою жизнь.

В ту осеннюю ночь в небе ярко светила луна и блестели звезды, дул прохладный ветерок, все вокруг дышало покоем. В домике при дрожащем огоньке лучины три старца и Липин сидели на полу кружком, и Чжан Хэдао рассказывал истории про древних подвижников Дао.

Закончив свой рассказ, Чжан Хэдао помолчал и добавил:

— Патриарх Цюй говорил: «Коли не рождается ни одной мысли — значит, ты свободен. Коли в сердце нет ничего — значит, ты Блаженный и Будда». Вот так святые люди древности, не щадя себя, совершенствовались в Дао.

Чжан Хэдао погладил рукой бороду и, бросив испытующий взгляд на Ван Липина, спросил:

— Ну что, парень, понял?

Липин, словно очнувшись под пристальным взором даоса, сказал в задумчивости:

— Понятно...

— Что же ты понял? — опять спросил старик.

— В сердце должна быть искренность, воля должна быть твердой. Только постигая Дао, взрастишь в себе подлинное естество, — без колебаний ответил Ван Липин.

— Молодец! Кое-что уловил, — рассмеялись ученики. Но Чжан Хэдао на сей раз не был склонен шутить.

— Липин, — строго спросил он, — ты хочешь постигнуть Дао?

— Да, хочу, — таким же серьезным тоном ответил Липин. — Но я не знаю, как это сделать. У меня ведь нет учителя.

Откуда было Липину знать прошлое трех старцев, сидевших перед ним?

— Хорошо, — сказал Чжан Хэдао и молча переглянулся со своими учениками. Было ясно, что старики уже обсудили между собой это дело и теперь только ждали «окончательного решения».

После некоторого молчания Чжан Хэдао продолжил:

— Липин, если ты и вправду хочешь постичь Дао, не горюй о том, что у тебя нет учителя. Как ты думаешь, кто мы такие, откуда взялись? Мы и есть преемники мудрости, которую завещал своим ученикам почтенный Цюй Чуцзи. Эта мудрость передается из поколения в поколение вот уже семь с лишним веков. Я — преемник почтенного Цюй Чуцзи в шестнадцатом колене, а эти двое — в семнадцатом колене. Мы уже старые люди и должны передать нашу мудрость тем, кто пришел в мир после нас. Если хочешь постичь Дао, ты должен быть готов к трудностям. Нужно научиться делать добро и копить в себе то, что зовется «благими заслугами». Тогда через много лет ты сам, даже незаметно для себя, постигнешь Великое Дао.

Это была необычная ночь для Липина. Его судьба была решена. Чтобы достичь высокой цели, нужно прежде иметь прочную опору. Чтобы стать примером для других, нужно прежде много работать над собой. В древней даосской книге, которая именуется «Сокровенный канон чистоты и покоя, возвещенный Высочайшим Старым государем», говорится: «В Дао есть и чистое, и нечистое, и движение, и покой. Небо чисто, Земля нечиста. Небо движется, Земля покоится. Мужское чисто, женское нечисто. Мужское движется, женское покоится. Чистое — исток нечистого. Движение — основа покоя. Если люди могут извечно хранить в себе чистоту и покой, Небо и Земля вернутся к своему естеству. Дух человека находит отдохновение в чистоте, но сознание норовит загрязнить его. Сердце человека на-

ходит отдохновение в покое, но страсти беспрестанно возмущают его. Отриньте без колебания страсти — и сердце успокоится само по себе. Очистите свое сердце — и дух сам по себе станет чист».

В этих словах заключена глубочайшая правда человеческой жизни. Они очень просты, но следовать им на деле не так-то просто. В чем же здесь трудность? Не в чем ином, как в требовании «очистить сердце, погрузиться в покой». Вот с этих простых и все же таких трудноосуществимых принципов старцы даосы начали обучение Ван Липина. Перво-наперво Липину предстояло пройти этап «осознания заблуждений».

Что такое «осознание заблуждений»? Вы думаете, что речь идет о раскаянии в совершенных прежде проступках? Но в каких прегрешениях мог раскаяться Ван Липин, которому тогда едва стукнуло тринадцать? Смысл даосского «осознания заблуждений» гораздо глубже. Даосы считают, что человек уже в утробе матери усваивает неверные реакции, привычки и представления, не соответствующие реальности Дао. Это и называется по-даосски «заблуждениями». От них и нужно освобождаться в первую очередь. Освободиться же от «заблуждений» можно лишь посредством, как говорят даосы, «дознания о себе», когда человек беспристрастно судит сам себя и сам себя понуждает измениться к лучшему. Таков смысл даосского «освобождения от заблуждений».

Люди, погрязшие в мирской суете, употребляющие все свои силы и знания для того, чтобы добиться выгоды и славы для себя, не понимающие смысла нравственного совершенствования, даже не догадываются, сколь велики их «заблуждения» и как далеки их представления от реальности. Поэтому смысл «освобождения от заблуждений» заключается прежде всего в том, чтобы решительно стряхнуть с себя привычки и условности суетного быта, научиться смотреть на жизнь по-новому, можно сказать — заново родиться.

Путь «освобождения от заблуждений» у даосов включает в себя три этапа. Вначале даосский послушник безвыходно находится в темной комнате, не имея определенного занятия. За пару месяцев такой жизни его «дикая природа» мало-помалу рассеивается, и тогда можно переходить ко второму этапу, когда в той же темной комнате человек сидит в медитации, постепенно увеличивая время, отводимое на такое сидение. На третьем этапе послушник находится в обыкновенной уединенной комнате, но ежедневно уделяет сидячей медитации более четырех часов.

В кузнице, где поселились даосы, была небольшая комнатка без окон, служившая когда-то чуланом. В ней валялись заготовки для кузнечного дела и разный хлам. Липин очистил комнатку от этой рухляди, подмел в ней, и теперь комната для «освобождения от заблуждений» была готова.

Однажды утром после завтрака Ван Липин, как обычно, вышел из дома со своим школьным ранцем, но не пошел в школу, а направился прямиком в кузницу, где жили старые даосы. В последнее время учеба перестала его интересовать. Теперь у него было одно желание: сделаться таким, как эти трое даосов. Ведь старики рассказывали ему удивительные вещи, о которых в школе не услышишь. К тому же он уже знал: тот, кто хочет постичь Дао, должен посвятить этому делу всю жизнь и ни о чем другом не думать.

Когда Липин вошел в кузницу, старики сидели на полу, погрузившись в медитацию. Липин тоже опустился на пол, скрестил ноги и попробовал сесть точно так же, как сидели старики. Вдруг Чжан Хэдао положил ему руку на плечо.

— Сегодня у тебя будет первый урок. Ничего особенного тут нет, только нужно делать все, как я тебе скажу. Если этот урок не выучишь, больше не приходи к нам учиться.

— Хорошо. Я все сделаю так, как скажет учитель. — Липин назвал Чжан Хэдао «учителем», хотя формально он еще не мог считать себя учеником Чжан Хэдао.

Старый даос не стал укорять юношу за то, что тот всуе поминает столь ответственные слова, а только приказал: «Иди за мной», и быстро вышел из комнаты. Ван Липин поспешил за ним и вскоре очутился перед дверью, ведущей в бывший чулан. Указав рукой в темноту чулана, Чжан Хэдао сказал Липину: «Ну, парень, заходи. Посиди-ка там спокойно. Пока тебя не выпустят, сам наружу не просись». С этими словами он втолкнул Ван Липина в чулан, запер дверь и ушел.

Ван Липину и в голову не могло прийти, что «учитель» выкинет такой номер. Вокруг было темно — хоть глаза выколи.

«Зачем меня тут заперли? — подумал Липин. — Наверное, учитель хочет проверить, действительно ли я хочу постигать Дао. Что ж, посижу здесь, он увидит, что я вправду хочу у него учиться, и рано или поздно выпустит меня».

Сообразить это было в общем-то просто, а вот сидеть в темной комнате — нелегко. От волнения он стал быстро ходить по комнате и в темноте больно стукнулся лбом о стену. Пришлось ему передвигаться, вытянув перед собой руки. Потом ходить понапрасну ему надоело, он уселся на пол и стал петь песни, чтобы скоротать время. Но сердце его сдавливала невесть откуда взявшаяся тревога. Утро тянулось для него словно целый год.

Наконец дверь со скрипом отворилась и в глаза Ван Липину ударил свет, да такой яркий, что он зажмурил глаза. Услышав, как старик зовет его к себе, он протер глаза и вышел наружу. На душе у него было все так же тревожно, но он старался не подавать виду.

— Ну как, терпимо? — спросил его Ван Цзяомин. Липин решил, что «учитель» испытывает его, и ответил, стараясь изо всех сил казаться спокойным:

— Ничего особенного, этот урок легкий. Со мной вроде бы все в порядке, да?

Ему очень хотелось, чтобы «учитель» поставил ему «пятерку».

— Да вроде бы нормально, — как-то сухо отозвался Ван Цзяомин. — Пойдем-ка перекусим.

Ван Липин целое утро маялся в темном чулане и даже, не утерпев, помочился в углу, так что оценка Ван Цзяомина была хоть и не самой высокой, но, учитывая его огрехи, все же приемлемой. Свой первый «экзамен» он вроде бы выдержал.

За едой против обыкновения старики говорили мало и даже ни словом не обмолвились об испытании, которое только что пережил Липин. Они словно не догадывались, как туго ему пришлось в чулане. А Ван Липин смекнул, что к чему, и про себя решил: «Вы делаете вид, что знать ничего не знаете про то, как я сидел в чулане, ну а я сделаю вид, что со мной ничего не произошло. Посмотрим, какую еще проверку вы мне устроите». Он быстро покончил с обедом и аккуратно положил палочки возле чашки, ожидая нового задания от своих учителей.

Он и предположить не мог, что Ван Цзяомин все тем же сухим тоном скажет ему: «Липин, возвращайся в темную комнату и сиди там». Сказал и, даже не взглянув на Ван Липина, пошел к чулану. Липину ничего не оставалось делать, как пойти за ним. Он вошел в чулан, услышал за собой бряцанье замка, звук удаляющихся шагов. Снова его окружал непроглядный мрак.

Ван Липин растерянно стоял в темноте. «Неужели утреннего экзамена им недостаточно? — мелькнуло у него в голове. — Неужто они еще сомневаются в моем усердии? И чего ради по их милости мне тут маяться в темноте?» Со злости он стал колошматить по воздуху руками и ногами, потом, утомившись, сел на пол. Он уж и утром не стерпел — справил нужду прямо здесь, в чулане. Вот и сейчас он чувствовал, что в животе у него скопилось немало «отходов» и что ему вряд ли удастся дотерпеть до следующего прихода старцев. Как ни старался Ван Липин отвлечься, подумать о чем-нибудь приятном и возвышенном, желание облегчить живот очень скоро возвращало его к его отчаянному положению. Что делать? Он звал учителя — и только впустую драл горло. Колотил в стены и в дверь — в ответ ни звука. Да и где справлять нужду в этой комнате? Пойдет вонь, учитель заглянет и посмеется над ним. Нет, нельзя здесь мочиться. Но и терпеть сил нет. Вот так передряга! Ван Липин собрал всю свою волю в кулак. Он твердо решил терпеть до последнего. Мгновения томительно тянулись одно за другим. В конце концов Ван Липин не выдержал и справил нужду прямо в штаны. Как радостно было почувствовать облегчение после этой нескончаемой муки! Но тут же угрызения совести захлестнули его. Он не сдержался, не выполнил обещания, которое дал

сам себе! От стыда и отчаяния Липин даже заплакал. Никто на свете не мог знать, как тяжело ему было в тот момент. А впрочем, и не нужно, чтобы кто-нибудь про это узнал! Поплакав немного, Ван Липин успокоился и уселся на полу. Штаны на нем мало-помалу обсохли, и он решил, что когда старики придут за ним, он постарается сделать так, чтобы они не заметили случившегося с ним конфуза.

А даосы все это время находились рядом с чуланом, где сидел Ван Липин, и отлично знали, что с ним происходило. Когда Ван Липин мучался один в кромешной тьме, они переживали вместе с ним его страх и его стыд, его страдание и отчаяние. Однако у Лао-цзы недаром говорится: «Победивший себя воистину силен». Как бы жестоко ни обращались старики с тринадцатилетним подростком, это было необходимо для того, чтобы сделать из него нового человека. И, видя недюжинное упорство и искренность Ван Липина, они не скрывали своей радости.

Когда стемнело, старики отперли чулан и позвали к себе Ван Липина. Юноше было очень стыдно, но, увидев, что на улице уже сгустились сумерки, он подумал, что старики, может быть, и не заметят его конфуза, вышел из комнаты и как ни в чем не бывало отвесил им низкий поклон. Даосы не стали задавать ему вопросов, а сказали только: «Сегодня на этом закончим, возвращайся домой». Опасаясь, что старцы заметят его позор, Ван Липин не мешкая побежал домой. Пробегая мимо ручья, он снял с себя штаны, наскоро сполоснул их в воде и, уже совсем успокоившись, явился домой как раз к ужину. А на вопрос родителей, почему у него мокрые штаны, он ответил, что по дороге домой играл с товарищами и по неосторожности упал в лужу. На том разбирательство и закончилось.

С тех пор каждый третий-пятый день Ван Липин уходил в темную комнатку, чтобы «освобождаться от заблуждений». Всякий раз он проводил там все больше времени: сначала полдня, потом день, а потом весь день и всю ночь. Со временем он привык сидеть в темноте, не испытывая особенных волнений. Он сумел обуздать свою «дикую природу», и сердце его было покойно, как «зеркало недвижных вод». Теперь он мог безмятежно и сосредоточенно осознавать, что с ним происходит. Старики сказали ему, что для него начался этап работы с сознанием, который так и назывался: «осознание».

В книге Лао-цзы есть слова: «Достигай предела пустоты, ревностно храни покой. Вся тьма вещей возникает единовременно, а я созерцаю их возвращение». Здесь важно обратить внимание на слово «покой». Когда покой достигает предела, рождается движение: вот в чем нужно прозревать сокровенный смысл всех явлений.

Суть акта «осознания» для даосов заключается в следующем: когда тело и дух человека достигают предельного покоя, в созна-

нии рождается «вещь». Это может быть пейзаж, или человек, или какое-нибудь событие. Нужно уметь позволить появившемуся образу непроизвольно развиваться, пока это развитие не придет к своему «завершению». Такое «завершение» способно указать на глубинную природу сознания.

Теперь Ван Липин сидел в чулане для того, чтобы осуществить в себе акт «осознания», как его учили даосы. Поначалу он думал так: «Сейчас я сижу в темной комнате. Хотя мое тело не может отсюда уйти, мой дух не знает преград, он может проникать всюду. Ну-ка, что делает нынче мой отец? Он сейчас работает у себя на заводе, на столе у него разные нужные предметы: письменный прибор, счеты, линейка, с левого края стоит стакан, в стакане горячая вода. Рядом пепельница, а в ней несколько окурков. В левой руке у отца сигарета, он только что затянулся, и изо рта у него идет серый дым. А в правой руке он держит ручку и что-то пишет на большом листе бумаги. Отец сейчас весь ушел в работу, работа у него сложная и утомительная, у него даже на обед времени не хватает. Он и после обеда делает то же самое, и так — каждый день. Следить за ним совсем неинтересно. Переменю-ка я тему... Лучше подумаю о своих друзьях. Они сейчас в школе, идет второй урок, учитель математики объясняет им, как решать уравнение... Нет, это еще скучнее. Все ученики сидят на своих местах, только мое место пустует. Небось мои друзья сейчас думают о том, куда это я запропастился. Скорее бы уж кончились уроки, и они пойдут играть. Будут носиться по школьному двору как очумелые. Ну что тут хорошего? Это тоже неинтересно... Да, вот уж и подумать не о чем...»

Тут Ван Липин стал вспоминать страницу за страницей учебник «Родная речь». Первый урок в нем сопровождался картинкой Великой стены, а рядом красивым почерком были выписаны большие иероглифы: «Стою на вершине горы, смотрю на Великую стену, что извивается вдали, словно дракон, среди скал и ущелий. Стена сложена из огромных валунов и кирпичей, достигает в высоту нескольких метров, она вобрала в себя труд и мудрость целого народа, она — символ Китая...» Здорово! Когда-нибудь я взойду на Великую стену, посмотрю на прекрасные реки и горы моей страны!

Работа «осознания» неожиданно оказалась для Ван Липина очень полезной. Сидя взаперти в темном чулане, он открывал для себя, что может быть кем угодно в этом мире, что он сам вмещает в себя целый мир. Его воображение, свободно скитавшееся в этом необъятном мире, не знало условностей пространства и времени. Все, что он видел — люди, события, предметы, — представало перед ним необыкновенно отчетливо и правдиво, точь-в-точь как живое. Перед ним развертывалась Вселенная, наполненная жизнью, и в этой Вселенной он не чувствовал себя одиноким, над ним не было властно время. Он мог делать все, что хотел и сколько хотел.

Немало беспокойства Ван Липину причиняло чувство голода. Когда он занимался «освобождением от заблуждений», старики не приглашали его есть, а через неопределенные промежутки времени просовывали ему что-нибудь съестное в дверь, и Ван Липину по звуку приходилось догадываться, что ему поднесли. Бывало, что вместо лепешки он натыкался в темноте на камень — видно, старички были не прочь подшутить над ним. А если все-таки в руке у него оказывалась лепешка, он одним махом проглатывал ее.

Еще он часто мерз в чулане. Погода на дворе стояла уже холодная, ночами случались заморозки. По изменениям температуры воздуха Ван Липин, занимаясь «осознанием», даже научился с большой точностью определять время суток.

После двухмесячного сидения взаперти в темной комнате Ван Липин приобрел, как говорится, «первичное понимание» Дао. Видя, что юноша усердно учится и не намерен отступать со своего пути, старики решили официально посвятить Ван Липина в ученики.

Подождали благоприятного дня для свершения обряда. С утра небо сияло, как чисто вымытая бирюза, а к вечеру у восточного края небосвода появился бледный диск луны. Дул слабый ветерок, медленно плыли по небу кучки белых облаков. Черные тени легли на холмы у горизонта. По всей земле разлился безмятежный покой. Казалось, природа вокруг уснула. Только в старой кузнице трое стариков не смыкали глаз. Они готовились принять Ван Липина в преемники своей школы.

Руководил церемонией Чжан Хэдао, учитель в шестнадцатом колене. Старики вымылись, облачились в свои парадные одежды, зажгли благовония и взяли в руки свои «драгоценные мечи» — ритуальное оружие даосского священника. Двое учеников Чжан Хэдао и Ван Липин, встав перед старейшим наставником на колени лицом к югу, совершили поклонение Небу и Земле и всем патриархам даосского учения. Отбив поклоны, ученики Чжан Хэдао поднялись с коленей и сели рядом с учителем, приказав Ван Липину, как младшему ученику, поклониться им. Чжан Хэдао, как учитель школы в шестнадцатом поколении, стал для Ван Липина «наставником-дедом», а Ван Цзяомин и Цзя Цзяои — «наставниками-отцами». Согласно генеалогической книге школы Лунмэнь, восемнадцатое поколение учителей школы должно было иметь в своем имени знак «вечность», и Чжан Хэдао дал новоиспеченному ученику имя «Юншэн», что значит «вечноживущий». Священническое же имя Ван Липина стало Линли-цзы — «Божественный муж». Чжан Хэдао зачитал Ван Липину правила жизни даосов, и тот поклялся перед Небом, что всегда будет хранить эти правила в сердце, следовать им в жизни и до конца дней чтить наставников и быть верным правде Дао.

Когда церемония закончилась, Чжан Хэдао усадил Ван Липина рядом с собой и впервые рассказал ему о Великом Дао. Он сказал:

«Наше учение о Дао пошло от Высочайшего Старого правителя, и все его тонкости содержатся уже в самом слове: Дао. В постижении Дао главное — покой. Смысл этого слова невозможно исчерпать. В нем — весь путь нашего совершенствования, и вся суть Вселенной. Оно объемлет и Небо, и Землю, и Человека. Люди в мире умеют только болтать о пустоте: они не знают, что значит пребывать в пустоте, потому что они не понимают, откуда берется покой. А покой происходит из пустоты. Если в сердце человека нет покоя, значит, в нем еще живут желания — вот главная помеха совершенствованию. Как только в нас поднимается желание, дух наш замутняется, а энергия в нашем теле встречает на своем пути преграды. Поэтому, как бы мы ни старались постичь в себе Дао, проку от этого не будет. А если искоренить корыстные желания, телом и духом погрузиться в покой, тогда наш дух, данный нам от Дао, обретет истинную жизнь. Одним словом, на пути к совершенству лучшее средство — покой. Вокруг меня все движется, а мое сердце остается неподвижным, и мы даже не знаем, отчего это так. Когда покой в нас достигает предела, само собой возникает движение, и мы знаем, что истоки всех превращений — в нас самих. Секрет вечной жизни обретается на этом пути. Ты у нас ученик «вечноживущий»: коли взялся за постижение Дао, должен эту истину понять и к своей жизни приложить. Тогда многого добьешься».

На следующий день Ван Цзяомин, подозвав к себе Ван Липина, сказал ему:

— Ты уже прошел через «осознание заблуждений», и сегодня мы начнем новый урок. Ты будешь учиться в темной комнате сидячей медитации. В нашей школе это главный способ постижения Дао. Заниматься медитацией нужно всю жизнь, ибо исчерпать ее смысл невозможно.

Первым делом Ван Липин принес в чулан охапку соломы, постелил ее на полу, потом сам запер дверь и уселся так, как сказал ему учитель. А поскольку Ван Липин уже отсидел в чулане два с лишним месяца и свыкся с темнотой и уединением, он без особого труда выдержал целый день сидения в медитации. За несколько дней он хорошо освоил «свободный» способ медитирования.

Однажды Ван Цзяомин подозвал Липина и спросил, каковы результаты его ежедневных бдений в чулане. Липин рассказал о своих ощущениях и под конец добавил: «Вот только никак не могу избавиться от мыслей, и оттого мне не дается покой. Прошу вас, учитель, посоветуйте, что мне делать».

— Ты задал самый важный вопрос, — ответил Ван Цзяомин. — Чтобы устранить мысли, нужно научиться критически их оценивать. Как только тебе является какая-нибудь мысль, немедленно

вынеси ей свой приговор. Скажи себе, к примеру: «Это правда». Или, наоборот: «Это неправда». Или: «На этом — конец». Если сможешь проделывать такое со своими мыслями, они постепенно сами собой рассеются, и ты сумеешь, как говорится, «войти в покой».

Вернувшись в чулан и вновь погрузившись в медитацию, Ван Липин постарался сделать так, как учил его Ван Цзяомин, и скоро увидел, что дела его пошли намного лучше. Хаос мыслей в его голове стал понемногу затихать. Кажется, он и вправду начал понимать, что значит «погрузиться в покой».

После семи седьмиц — то бишь сорока девяти дней — медитации Ван Липин уже приобрел кое-какой опыт и даже, можно сказать, искусство работы со своим сознанием. Учителя сочли, что он уже почти овладел секретом «освобождения от заблуждений». Чтобы у Ван Липина не возникало проблем с учебой, они велели ему днем ходить в школу, а после уроков приходить к ним и заниматься медитацией. Ежедневные отлучки Ван Липина из дому поначалу заставили его родителей поволноваться, но, узнав, что Липин проводит время у трех стариков целителей, снискавших в округе такую добрую славу, они успокоились и даже были рады тому, что их сын может чему-то научиться у этих мудрых людей.

Так вот, по прошествии сорока девяти дней сидячей медитации в чулане учителя подозвали к себе Липина, и Ван Цзяомин объявил юноше, называя его ученическим именем:

— Юншэн, с сегодняшнего дня начнем новый урок: ты будешь сидеть в этой комнате по четыре часа в позе «двойного тигля», а потом можешь уходить домой.

«Что здесь трудного? — подумал про себя Ван Липин. — Я уже сорок девять дней сижу, а тут предлагают посидеть всего-навсего четыре часа. Учителя, видно, опять решили меня испытать. Так я прямо сейчас сделаю это для них».

Недолго думая он залез на кирпичную лежанку, сложил, как полагалось, ноги, принял правильную позу и стал сидеть, стараясь не шевелиться. Прошел один час — Ван Липин сидел неподвижно, словно статуя. Минул еще час, Ван Липин продолжал сидеть все в той же позе, но в голове у него уже шевелились предательские мысли: «Ну, что там? Время еще не пришло? Ладно, буду сидеть. Учителя смотрят...» Секунда за секундой медленно ползло время. «Посмотрим, как у меня дела? Ступни совсем онемели, в ногах такая боль, словно их кто-то выкручивает из тела, сидеть уже невмоготу. Держать прямо спину мне вообще-то нетрудно, но теперь почему-то не получается. Подтянуться, подтянуться, надо терпеть до конца. Но уж и поясница заныла, на лбу выступила испарина, потекли с лица струйки пота, в голове помутилось. Нет, это никуда не годится...» Почти потеряв сознание от страшной боли, Ван Липин повалился на лежанку.

— Сидеть! — в тот же миг крикнул Ван Цзяомин тоном армейского офицера.

Придя в себя, Ван Липин снова сел, но никак не мог правильно сложить онемевшие ноги.

— Сесть как сидел! — снова приказал Ван Цзяомин.

Но ноги по-прежнему не слушались юношу. Тогда старики, усадив Ван Липина в правильную позу, веревками связали ему руки и ноги. Слезы застилали Ван Липину глаза, но он, кусая губы от боли, упорно продолжал сидеть.

Добродушные и заботливые в обычной жизни, старики даосы превращались в суровых деспотов, когда дело касалось учения. Ибо верно говорят: если учитель не будет ученику строгим отцом, тот никогда не добьется успеха.

Ван Липин до сих пор помнит тот вечер, как будто это было вчера. «Многое из того, что пережил я за десять с лишним лет совершенствования в Дао, забылось. Но как можно забыть этих трех великих стариков! — говорил нам учитель Ван Липин. — Каждый год я наведываюсь на гору Лаошань. Ван Цзяомин уже ушел из жизни, а наставник дед и Цзя Цзяои поныне здравствуют. Могу ли я забыть их милость? Они нянчились со мной, как с младенцем. Теперь таких сердечных отношений между учителем и учеником уже не встретишь. Каждый раз, вернувшись с горы, я даже болею. Уж очень тяжело расставаться с учителями...»

Но вернемся в прошлое. После полугода упорных занятий Ван Липин одолел этап «освобождения от заблуждений». Он научился сидеть в медитации день и ночь, не теряя покоя в душе, не поддаваясь ничему, что могло раздражать его. Ни в себе, ни во внешнем мире.

Собирание духа

В беседах с нами Ван Липин говорил о девяти этапах своего совершенствования в Дао. Сейчас речь пойдет о втором этапе, который называется «Собиранием духа, взращиванием природы». Смысл его тоже заключается в «закаливании сердца», однако требования к ученику предъявляются куда более строгие и сложные: теперь ученик должен отрешиться от всего внешнего и полностью сосредоточиться на внутренней жизни духа. Он должен научиться осознавать в себе малейшие метаморфозы. А это намного труднее, чем сидеть одному в темной комнате.

На сей раз учителя заставили Ван Липина сидеть в узкой, сырой яме, где ученику приходилось дышать затхлым, напоенным терпкими испарениями воздухом. Место для медитации, по обычным меркам, самое неподходящее. Однако в том, что старики подыскали для юного ученика эту яму, был свой смысл. Впрочем, уразуметь этот смысл непосвященным людям

было бы нелегко. Даосы вовсе не думали следовать известной поговорке, гласящей: «Где жить неудобно — там вырастают необыкновенные люди». Они руководствовались совсем другими соображениями: чем глубже мы погружаемся в землю, в царство сырости и мрака, тем ближе мы к истокам женского начала инь. Земля, как известно, является субстратом всех мировых стихий, пределом начала инь. Когда инь достигает предела, рождается начало ян. Сырость же есть стихия воды, питающая все живое.

Конечно, Ван Липин еще не понимал истинных мотивов столь странного решения учителей. Он просто спрыгнул в приготовленную для него яму и по приказу стариков зажег в ее углах по три благовонных палочки. Вскоре яма наполнилась душистым дымом. Он сел в позу для медитации, но, посидев некоторое время, заметил, что дым и сырость в яме сгустились настолько, что ему стало трудно дышать. Тут «дикая природа» послушника не выдержала, и Ван Липин громко позвал на помощь. На его крик прибежал Ван Цзяомин и приказал ему сидеть как положено и не шуметь, иначе все его труды окажутся напрасными. Пришлось Ван Липину повиноваться.

Но, как ни старайся, медитировать в этой темной, сырой и узкой, как гроб, яме было невмоготу. «Учитель, кажется, ушел в дом, — подумал Ван Липин. — Вернется он еще не скоро. Сядука я поудобнее, передохну немного». Липин прислонился к стенке ямы, выпрямил ноги и всласть потянулся. Но не успел он сообразить, что к чему, как узкое темное пространство ямы-камеры преобразилось в какой-то просторный и светлый зал, перед ним восседали в неведомых ему старинных нарядах все три учителя, и лица их были озарены пурпурным сиянием. Взмахнув шелковым веером, старший наставник грозно крикнул Липину:

«Негодяй! Ты смеешь в нашем присутствии дурака валять? Ты же дал нам клятву. Или мы уже не учителя тебе? Секрет постижения Дао учитель изустно передает, а ты должен усердно учиться. Будешь потворствовать своим слабостям — никогда не узнаешь, что такое собирание сердца и взращивание природы!» Сказав так, Чжан Хэдао закрыл глаза, а два его ученика выступили вперед, держа в руках учительские указки и моток веревки. «Сейчас мы проучим тебя, негодник!» — закричали они. Ван Липин бросился на колени и взмолился: «Ваш ученик очень виноват, он больше не будет!» Когда же он поднял голову, то, к своему удивлению, снова увидел вокруг прежние земляные стены. Тут он почувствовал, что ладони его горят, словно их ударили указкой, а ноги как будто крепко-накрепко стянуты веревками: видно, учителя и в самом деле наказали его за лень. Вот так чудеса! Но в следующее мгновение сердце Ван Липина пронизал жгучий стыд: он вдруг осознал, как много еще у него в душе мусора и как далеко ему до по-

стижения Дао. Больше он не позволял суетным мыслям овладевать его сознанием и думал только о том, как «сберечь внутри покой и пустоту».

После того как Ван Липин вполне освоил сидение в медитации по четыре часа в своей яме, учителя начали учить его «внутреннему достижению по древнему канону Божественного Сокровища». Это была целая система совершенствования человека, которую в школе Лунмэнь передавали только от учителя к ученику и держали в тайне от посторонних. Ван Липину теперь представилась редчайшая возможность изучить ее целиком.

Искусство «внутреннего достижения по древнему канону Божественного Сокровища» включало в себя «три достижения» и «девять приемов». «Тремя достижениями» были, во-первых, сидячая медитация; во-вторых, определенные гимнастические упражнения и, в-третьих, определенные правила сна и отдыха. Что же касается «девяти приемов», то они представляли собой свод знаний, касавшихся защиты от болезней, лечения, работы с сознанием, «передачи духовных свойств», изгнания нечистой силы, стяжания бессмертия, «преодоления жизни и смерти» и даже «восприятия первозданных образов».

В тот день учителя, призвав Ван Липина, пошли с ним в лес разучивать «способ познания» — первый из девяти приемов «Божественного Сокровища».

Чжан Хэдао объяснил:

— Познание в нашей школе достигается через покой, и главный способ совершенствования в нем — сидячая медитация. Юншэн, ты уже овладел основами медитации и теперь можешь пойти дальше. Способы «познания» в нашей школе тоже разделяются на девять этапов. Первый этап называется «вспоминание пережитого», второй этап — «распознавание подлинного и мнимого», третий этап — «очищение духа», четвертый — «познание предстоящего», пятый — «отказ от пищи ради стяжания жизни», шестой — «смена одежд», седьмой — «прозрение небесной силы», восьмой — «возвращение в мир», девятый — «вознесение на луну». Сегодня ты начнешь постигать первый этап — «вспоминание пережитого».

Цзя Цзяои продолжил объяснения старшего наставника.

— После того, как человек погрузился в покой, устранил все мысли и в пределе покоя родилось движение, в мозгу начинают появляться всевозможные видения, — сказал он. — Закрыв глаза, можно во всех подробностях видеть летящих в небе птиц, бегущих зверей, цветы и деревья на лугу или людей, занятых разной работой. Все это не просто обман зрения, а образы действительных предметов, которые человек видел раньше. Вот что называется у нас «вспоминанием». Обычно люди, старающиеся вспомнить былое, не могут представлять такие образы с полной ясностью, сознание же, погруженное в покой, способно воссоздавать их необыкновенно отчетливо. Такое «вспоминание» можно отодвигать все дальше в детство. Этих внезапно являющихся видений не надо пугаться, пусть они сами собой сменяют друг друга, но нужно внимательно созерцать их, пренебрегать ими нельзя... Ну хорошо, иди в яму, посиди там, войди в состояние покоя. Посмотрим, что получится.

Ван Липин вернулся в свою яму, зажег благовония и сел в позе для медитации. Он уже привык сидеть в яме и понял преимущества такого места для внутреннего созерцания. Дым от благовонных палочек больше не смущал его — напротив, помогал достичь духовной гармонии. Спустя некоторое время Ван Липин вдруг почувствовал, что его тело как будто исчезло, а в голове у него одна светящаяся пустота. Потом в его сознании всплыли образы, но эти образы были совсем не похожи на то, что он видел, когда занимался «осознанием». Тогда он сам что-то представлял себе, теперь образы возникали сами собой, и видел он их так ясно и близко, что, казалось, ни одной мелочи не ускользало от его взора. По совету учителей Ван Липин, не поддаваясь страхам, спокойно и сосредоточенно взирал на сменявшиеся перед ним картины, поочередно фиксируя их в сознании. Он перестал помнить о времени и пространстве. Сейчас время текло для него вспять, а пространство непрестанно менялось, обнажая свою иллюзорность. Он не знал, сколько времени провел в яме, и только когда образы в его мозгу стали понемногу меркнуть, прекратил медитацию и вылез наружу.

Уже сгустились сумерки. По-видимому, он просидел в яме около четырех часов, но то, что увидел он за это время внутри себя, занимало несколько лет жизни.

С того времени Ван Липин стал заниматься еще усерднее. Однажды, медитируя в своей яме, он вдруг обнаружил, что явственно видит себя самого снаружи и внутри. Не смутившись, он продолжал созерцать себя в таком новом, еще непривычном для себя виде. Потом он рассказал о своих ощущениях Ван Цзяомину, и тот, довольно улыбаясь, ответил:

— Юншэн, ты добился нового успеха на своем пути. Для тебя начался этап «распознавания подлинного и мнимого». Теперь ты научился видеть внутренним взором себя самого. Ничему не удивляйся, ничего не бойся, только внимательно созерцай то, что видишь. Попробуй узнать, сколько в твоем теле костей? Какой они формы? Как соединяются друг с другом? Как выглядят твои внутренние органы? Какого они цвета? И запоминай хорошенько то, что видишь. Тебе это пригодится, когда займешься лечением людей. Бывает, по внешнему виду и не определишь, что человек болен, а стоит вот только заглянуть в него проницающим взглядом, и сразу видишь, где в нем таится болезнь. Давай занимайся и дальше с таким же усердием. Ты должен досконально обозреть свое тело.

А Чжан Хэдао, услышав этот разговор, вздохнул и добавил:

— Если ты освоишь два этих этапа, у тебя будет прочная основа для совершенствования. Ты сможешь понять принципы «внутреннего достижения», о которых говорили древние подвижники Дао. Внутреннее достижение — это не что иное, как совершенствование природы и жизни. Совершенствование природы означает работу над духом, душой, волей, покоем. Совершенствование жизни означает тренировку жизненной энергии, крови, мышц, костей и кожи. Главное в совершенствовании — блюсти гармонию покоя и движения, следовать естественности и духовным переменам в нас. Искусство взращивания жизни в нашей школе берет свое начало от Пэнцзу, восходит к взаимодействию инь и ян и основывается на науке чисел. Инь и ян — это извечный путь Неба и Земли. Наука чисел — это знание, позволяющее сберечь жизнь. Внутреннее достижение Божественного Сокровища объединяет в себе формы трех начал мироздания — Неба, Земли и Человека — и ведет к совершенству природы и жизни через законы взаимопревращений инь и ян, пяти стихий и восьми триграмм. Небо и Земля — это одна Вселенная, человек — тоже маленькая вселенная. Метаморфозы большой Вселенной не могут не влиять на маленькую вселенную, и наоборот. Когда мы занимаемся внутренним деланием в соответствии с вращением Луны вокруг Земли, мы постигаем в себе «малый небесный круговорот». У нас открывается «небесное око», и мы обретаем способность к внутреннему видению. Тогда мы можем и посылать вовне нашу внутреннюю энергию, привлекая к себе особые существа. Таков третий этап совершенствования, который зовется «очищением духа».

С тех пор он каждый день уделял некоторое время «распознаванию истинного и ложного» и скоро досконально изучил строение своего тела. Потом он попробовал излучать свою жизненную энергию во внешний мир и обнаружил, что вокруг него собираются какие-то странные существа. Их было много, они подкрадывались совсем близко к нему и недвижно лежали, прижимаясь к земле, словно слушали интересную сказку, которую рассказывал им Ван Липин. Памятуя совет учителей, он не обращал на них внимания и продолжал усердно заниматься «очищением духа».

Когда Ван Липин освоил третий этап, наставники стали учить его «знанию предстоящего». Прежде он учился давать волю мыслям, смотреть внутрь себя и излучать свою жизненную силу вовне. Теперь от него требовалось умение «определить тему», иными словами — сосредоточенно вникать в ту или иную проблему. Дело в том, что способность «погрузиться в покой» и пресечь сумбур в мыслях в десятки и даже сотни раз увеличивает умственные возможности человека. «Определить тему» означало выявить для себя какой-нибудь сложный жизненный вопрос, требовавший срочного решения. Слово «предстоящее» указывало в данном случае на проблему, которая стоит перед человеком, вынужденным принимать решение; проблема эта может быть обширной и требующей многих лет для своего разрешения.

Учение у старых даосов помогло Ван Липину очень быстро развить свои умственные способности. В школе он на лету схватывал все предметы, да и в повседневной жизни без труда решал все возникавшие перед ним вопросы. И все это он делал легко и весело, ни словом не намекая на удивительные способности, которым научили его даосы. Естественно, для окружающих он был вполне обыкновенным юношей. Правилам мирской жизни Ван Липин тоже следовал «тщательно и добросовестно».

Ну, а старики обучали его с необыкновенным усердием и вниманием. Иначе и нельзя было, ведь сущность «внутреннего постижения» заключается в понятиях «сокровенно-малого» и «утонченно-глубокого». «Сокровенно-малое» — это не вещь среди вещей, а семя всякой вещи. «Утонченно-глубокое» есть обозначение творческого начала природы. В комментариях к «Книге Перемен» говорится: «Перемены — это предел сокровенно-малого, постигаемый высшими мудрецами». Еще там сказано: «Благородный муж действует, созерцая сокровенно-малое и не оглядываясь на движение Солнца». В книге же Лао-цзы можно прочесть: «Настоящие мужи древности сокровенно постигали неуловимо-утонченное; глубину их постижения невозможно измерить». А в древней книге «Гуань-цзы» сказано: «Сердце не должно занимать себя грубой стороной вещей. Вникать в незримо-малое — вот основа совершенствования». Выходит, постижение «сокровенного» и «утонченного» и есть основа основ даосского совершенствования. Здесь промах на волос в начале уведет в сторону на целую версту в конце. Чем дальше продвигался Ван Липин на своем пути постижения Дао, тем внимательнее следили за ним старые даосы, тем тщательнее разъясняли они ему секреты своей школы.

Пришло время дать Ван Липину новую технику «духовной работы»: сидение в деревянном ящике. Старики смастерили для него ящик точь-в-точь по его росту, а с боков чуть шире его торса внутри из стенок ящика торчали гвозди длиною в дюйм, которые при малейшем движении больно кололи Ван Липина. Старики велели ученику залезть в этот ящик и заперли его снаружи. Осмотревшись внутри, Ван Липин с удовлетворением подумал: «Я к сидению привыкший, а тут сиди как хочешь, только не особенно шевелись. Что тут трудного?» Между тем Ван Цзяомин принес веревку, и втроем учителя подвесили ящик, в котором сидел Ван Липин, к ветке большого дерева. Ящик сразу же стал раскачиваться под ветром, и Ван Липину пришлось сосредоточить все свое внимание на том, чтобы не потерять равновесия и не уколоться о гвозди. Сидя в темном ящике, он должен был одновременно ощущать, как дует ветер, как раскачивается дерево, а с ним ящик и, наконец, он сам в ящике. Посте-

пенно Ван Липин научился воспринимать все эти движения сразу и уже мог без всякого напряжения сохранять сосредоточенность. Так он сидел в ящике больше двух месяцев и в конце концов научился различать малейшее дуновение ветра и даже шорох травы вокруг дерева.

Видя, что ученик делает успехи, старики уменьшили размеры ящика: теперь Ван Липин едва мог втиснуться в него. Но благодаря своему опыту внутреннего сосредоточения он и на этот раз быстро справился с испытанием.

NB ***Нехитрая сценка с раскачивающимся ящиком, внутри которого происходит настройка на разнообразие ритмов мира, заставила не раз вернуться к этой странице и как-то полюбилась.***

Вдали не только от людской суеты, но и от мистических абстракций такими земными предстают даосские внимание и сосредоточенность. Проще и конкретнее воспринимается здесь смысл откровений: «Стрельба из лука, верховая езда, игра на цине или игра в шашки — все эти искусства невозможно постичь в одно мгновение. Только Дао не имеет ни форм, ни правил, и его можно постичь в одно мгновение». Понимаешь, что помимо всего прочего эти слова значат именно то, что они значат. Они — фрагменты опыта, которые не могут быть разомкнуты, в них искренность пережитого неотделима от убежденности, они сама целостность и полнота.

Прикидывая расстояния, разум подсказывает, что ящик этот подвешен где-то невыразимо далеко. Одна бездна отделяет его от ясности божественного промысла, другая — от рационализма метафизики. Что же это — мир открытых, оголенных, обостренных ощущений? И да, и нет. Это место, где движение, сознание и чувство неразделимы. Их единство обнаруживает сродство человеческой природы и природы мира, позволяет уловить в дыхании бытия связующую динамику сущностей, свойств, признаков. Это мир, в котором философ и психолог не знают и уже не узнают никогда своих имен, ибо их ждет состояние, вечно предшествующее догадке, чудесное состояние, когда воля уже отвергла мириады возможных допущений, но еще не знает об этом.

Хочется пожелать, чтобы однажды найденная в Китае интуитивная форма гармонии практики и мистических метафор культуры обрела современного двойника в системе образования. Когда искусство конкретного сможет опереться на методологию и дидактику творчества и субъективности, тогда по-новому раскроется двойственная природа педагогики как искусства-науки.

Трудный путь в высшие миры

За один год Ван Липин сумел овладеть секретом «собирания сердца, взращивания природы». Теперь, после темной комнаты, ямы и могильного покоя он вышел в широкий мир, повернулся лицом к Вселенной. Отныне материалом для его совершенствования стало все неисчислимое множество вещей, его окружающих: солнце, луна и звезды, горы и реки, травы, деревья и цветы, звери и птицы, ветер и дождь, жара и прохлада, времена года и стороны света, моря и континенты, стихии и всякие приметы жизни, дошедшие до нас от древних времен. Все это заключало в себе источник творческих превращений мира — «непостижимомалую сокровенную пружину» жизни.

Так Ван Липин с помощью учителей начал свою «многотрудную работу с мирозданием».

Даосы считают: Небо, Земля и Человек образуют единую систему, человек же пребывает «между Небом и Землей»; Великое Дао пронизывает мир и приводит все сущее к равновесию. Несколько тысячелетий даосы твердо держались этой оси мирового круговорота, которой они дали название «дао», и обращали свою мудрость на познание мира и совершенствование человека.

Теперь учитель наставлял его «искусству уравновешивания», о котором рассказывается в книге «Искусство внутреннего достижения по древнему канону Божественного Сокровища». Это искусство принадлежало к разряду «внешних приемов» и заключалось в умении обмениваться жизненной энергией с растениями, животными или людьми. С его помощью даосский послушник достигал «равновесия энергии» между ним и окружающим миром. Такое равновесие позволило ему упрочить жизненные силы в себе и в конце концов достичь беспредельного покоя Великого Дао, открыть в себе «вечно живые свойства своей жизни».

Чжан Хэдао объяснил Ван Липину, как нужно «уравновешивать энергию», общаясь с горой. Потом все четверо погрузились в медитацию. Со своим годичным опытом совершенствования, принесшим знание «открытия небесного глаза», «малого круговорота Небес» и «уравновешивания энергии», Ван Липин уже через два часа вошел в состояние просветленности и воочию увидел над вершиной горы как бы струи лучезарных испарений. Так Ван Липин научился прозревать внутренним взором «подлинную энергию земли».

В другой день Ван Цзяомин привел ученика к пруду, где он заблаговременно приготовил связанный из нескольких досок небольшой плотик. Учитель велел Ван Липину сесть на плот и медитировать, а сам потихоньку столкнул плот в воду. Плот доплыл до середины пруда и остановился, Ван Липин же продолжал сидеть, не шелохнувшись. Прошло три с лишним часа. Решив, что ученик достиг нужного состояния, Ван Цзяомин наклонился к воде и провел по ней рукой. Тотчас по зеркальной глади пруда побежала волна. Когда волна достигла плотика, отражение Ван Липина в воде причудливо искривилось. На мгновение юноша испытал приступ страха и невольно вздрогнул всем телом. В следующее мгновение волна прошла, и в сознании Ван Липина снова воцарился покой. Еще несколько раз набегала на плотик волна, пущенная Ван Цзяомином, и каж-

дый раз ученик переживал то же смутное волнение. Учитель был очень доволен этим результатом и приказал Ван Липину вернуться на берег. Впрочем, сам Ван Липин в тот момент еще не понимал, что с ним произошло.

Когда они вернулись домой, Ван Цзяомин объяснил ученику смысл занятия, которое он только что провел. Обыкновенные люди думают, что отражения человека в воде или в зеркале — это не более чем иллюзии, «пустая видимость», которая не имеет никакой пользы или ценности. А для даосов такая «пустая видимость» тоже обладает духовной силой и способна воздействовать на человека. Человек, не прошедший даосской выучки, в сущности, бесчувствен, как доска. Но тот, кто умеет различать «сокровенно-утонченное», очень отчетливо ощущает воздействие зеркальных образов. То, что Ван Липин невольно вздрогнул, когда заколыхалось его отражение в воде, означало, что он уже достиг «среднего мира» и способен осознать реальность тени. Впоследствии учитель научил Ван Липина лечить болезни, воздействуя на тень или отражение больного. Таково одно из старинных искусств, которым владеют даосы.

Ван Липин уже мог сидеть без движения несколько дней и ночей подряд. Во время своего сидения он тщательнейшим образом вникал в круговорот природного бытия и искал в себе «сокровенно-утонченную» глубину опыта, в которой его внутренняя жизнь сливается с жизнью Вселенной. Мало-помалу он научился видеть эту глубину. Он узнал, что течение внутренней жизни и в самом деле согласуется с превращениями природной жизни и что всякое внешнее движение находит отклик внутри, этот отклик рождает ощущение, а ощущение ведет к знанию. Такое знание уже само по себе кажется обыкновенным людям чем-то выдающимся. Но оно еще очень далеко от целей, к которым стремятся даосы. Нужно идти дальше знания: возвращаться к «первозданной простоте» и «в покое оберегать единство». Только тогда человек сможет постичь Великое Дао.

Итак, круговорот энергии в нашем теле связан с движением всего мира, а самые заметные признаки этого движения — вращение земного шара, Луны и Солнца. И период обращения Земли вокруг своей оси, равный одним суткам, и период обращения Луны вокруг Земли, составляющий месяц, и время обращения Земли вокруг Солнца, составляющее целый год, соответствуют различным циклам обращения жизненной энергии в человеке. Даже те, кто понятия не имеют о духовном совершенствовании, знают, что ритмы природы определяют биологические ритмы человека. А те, кто хотят постичь Дао, стараются совместить действие сил инь и ян в себе с движением Неба и Земли. Такое единство почитается среди даосов высшим достижением. Опытные даосские наставники умеют вбирать в себя энергию из окружающего мира и питать ею свою врожденную жизненную энергию. Благодаря этому они становятся в конце концов бессмертными.

Эликсир бессмертия

С тех пор как Ван Липин начал свои занятия у старых даосов, три года промчались, как одно мгновение. Видя, что ученик стал уже почти взрослым и добился немалых успехов в своих занятиях, старики решили дать ему полное посвящение. Никогда не забудет Ван Липин своих ощущений, когда он впервые принял «пилюлю» Дао.

Даосское совершенствование с древности разделялось на два вида: внешнее и внутреннее. Внешнее совершенствование заключалось в определенной диете и приеме особых снадобий. Со временем оно превратилось в целую систему упражнений, которую называют «искусством выплавления пилюли».

Итак, однажды старики велели Ван Липину проглотить «золотую пилюлю», которую они принесли с горы Лаошань. У Ван Липина возникло такое ощущение, будто его внутренности объяты огнем. Он держался из последних сил. Миновало три дня непрерывных мучений, и боль внезапно стихла. Теперь «золотая пилюля» полностью рассосалась в теле Ван Липина, и каналы циркуляции энергии в нем очистились. Но у него появилось какое-то новое непривычное ощущение. В следующее мгновение он понял, что ему не нужно, как раньше, дышать носом. Оказывается, теперь ему было достаточно слегка сжать низ живота, и воздух из внешнего мира проникал прямо в его живот, оттуда растекался по всему телу, как будто оно слилось с космосом.

Осмотрев кожу и зрачки глаз Ван Липина, старцы решили, что решающие перемены уже свершились и их ученик созрел для следующего этапа совершенствования, который требовал полного отказа даже от растительной пищи.

Второй этап назывался «отказ от пищи». Теперь Ван Липин перестал принимать всякую пищу и мог только утром и вечером выпить чашку холодной воды. Его организм очистился настолько, что он уже не отправлял естественных надобностей. Теперь он обменивался энергией с окружающим миром; у него было такое чувство, будто его тело вместило в себя целый мир. Так продолжалось более пятидесяти дней.

Прошел двадцать шестой день, и двадцать седьмой, и двадцать восьмой... Старики осмотрели своего послушника: его дыхание прервалось, сердце не билось. Судя по всем признакам, Ван Липин умер.

О своих ощущениях в тот момент умирания бренного тела Ван Липин рассказывает так: сначала ему казалось, что он долго-долго падает в бездонную черную пропасть; он пытается уцепиться за что-нибудь, но не может найти опоры. Вдруг тело его словно потеряло свой вес, и он почувствовал, что свободно парит в воздухе, и все, что составляло его прошедшую жизнь — его родной дом и школа, знакомые горы и поля, друзья, учителя —

все это отлетело от него. Еще он пережил какой-то очень неприятный, болезненный опыт, но память об этом переживании не сохранилась в нем.

Вдруг прямо перед собой он увидел нескольких стариков в одежде старинного покроя. В приятных разговорах со старцами Ван Липин не замечал, как бежит время. Если судить по тому, как много он узнал от своих новых знакомых, то прошло, должно быть, несколько десятков лет. Но вот к нему подошел какой-то необычной летающей походкой старший среди патриархов и, взяв его за руку, сказал: «Теперь ты должен уйти. Тебе нельзя здесь больше оставаться». Он вывел юношу на светящуюся дорогу, по которой тот пришел к старцам, и простился с ним.

В темноте Ван Липин услышал какой-то шорох, и к нему постепенно вернулось ощущение его тела. Он медленно открыл глаза, увидел тусклый огонек лампадки и учителей, неподвижно сидевших рядом, холодный блеск мечей... Он был у себя в кузнице. Словно во сне, он поднялся, посмотрел вокруг.

Увидев, что Ван Липин пришел в себя, даосы немедленно вскочили на ноги. Учителя и ученик обнялись, как старые друзья. Тут выяснилось, что Ван Липин пролежал бездыханным только три дня. А встретился он с покойными патриархами школы: такой встречи удостаиваются все истинные посвященные учителя школы Лунмэнь. У Ван Липина невольно слезы навернулись на глаза.

Через смерть к жизни

Учитель говорил авторам этой книги: «В своей жизни я несколько раз переживал смерть и благодаря этому многое понял. Я, к примеру, воспринимаю время и пространство совсем иначе, чем люди, не имеющие опыта смерти. Впоследствии я подробно рассказывал отцу и матери о людях, которых встречал на том свете, и мои родители изумлялись тому, насколько точно описывал я своих давно умерших предков. Значит, я и в самом деле виделся с ними».

Теперь, когда Ван Липин вернулся в свою нынешнюю земную жизнь, он даже немного загрустил. Неужели вот эта маленькая темная комнатка и есть подлинная обитель человека? Не может быть! И чего ради люди копошатся в этих своих комнатках, строят планы, норовят друг друга перехитрить, бездумно расточают свои силы? На что они рассчитывают? Нет, их дело безнадежное!

— Юншэн, — сказал тогда Ван Липину Чжан Хэдао, — теперь ты другой человек, тот, кем ты был прежде, уже умер. Тот, умерший человек, искренне стремился к Дао, не ведая страха и сомнений. Но он все же был земной человек, человек «низшего мира». Теперь ты должен продолжить дело, которое он не завершил. Ты должен смело идти в «средний мир».

Ван Липин через опыт смерти узнал многое из того, что остается неведомым для обыкновенных людей, и, вернувшись к земной жизни, уже не находил в ней смысла. С еще большим правом, чем обыкновенные люди, он мог сказать: «Как ничтожна человеческая жизнь!» Ван Липин стал «умершим живым человеком». Он жил — но уже умер. Он умер — но все-таки жил. В его семнадцать лет к этому было нелегко привыкнуть.

Незримое совершенствование

Новый, шестой этап совершенствования Ван Липина так и назывался: «Совершенствование Дао в себе».

Все, чего достиг он за четыре года занятий до своей «смерти», было, если так можно сказать, «умением обыкновенного человека». Этому мог научиться и применять в своей жизни каждый. Но у Ван Липина было два преимущества в постижении Дао перед обыкновенными людьми. Во-первых, от природы он был необычайно одаренным, имел большие способности и несгибаемую волю, а это в деле личного совершенствования самое главное. Вот и в школе Лунмэнь полагается сначала дать «раскрыться своей природе», а потом «дать раскрыться своей судьбе»; наибольшее же внимание в ней уделяется «внутреннему достижению». Работа даосского послушника со своей природой — основа основ даосского совершенствования. И Ван Липин успешно преодолел этот этап, что удается очень немногим.

И тем не менее все, что пережил и освоил Ван Липин, было только подготовкой к настоящему обучению. Ведь тот, прежний Ван Липин, уже умер. Он теперь был совсем новым человеком, и даосы должны были преподать ему новые уроки.

На следующий день после разговора с Ван Липином Чжан Хэдао, заметив, что ученик справился со своей нервозностью, сказал ему:

— Ты разбил оковы жизни и смерти и не похож на обыкновенных людей. Но тебе еще долго идти к Великому Дао. На этом пути, как ты знаешь, есть три уровня. Сначала нужно с нижнего уровня перейти на средний, а потом подняться до высшего. Ты сможешь достичь того, что называют «Великим Свершением». Многие из тех, кто хотят постичь Дао, утром делают одно, а вечером другое, начинают резво, да кончают плохо и ничему не могут толком научиться. А потом они заявляют, что Дао для них — бремя. На самом деле они сами — бремя для Дао...

Закаливание своей природы

Упорядочивать свою природу — все равно что играть на лютне. Если струны лютни натянуты слишком туго, они лопнут, а если они распущены, то не зазвучит музыка. Однако ж всегда можно натянуть струны правильно. Так же закаливается

меч: если металл слишком тверд, он может треснуть, а если слишком мягок — погнуться. Но всегда есть возможность дать металлу правильную закалку. Так же следует относиться и к своей природе.

Не без удивления Ван Липин отмечал про себя, что поучения древних мудрецов, раньше казавшиеся ему странными и заумными, теперь звучали для него совсем понятно. Видно, он и вправду воспринимал мир по-новому. Ему теперь были интересны и многочисленные правила, регулировавшие жизнь даосов. Жадно слушал Ван Липин поучения наставников о том, как должен вести себя даосский послушник с учителями, родителями и государственными людьми, как должен он совершенствоваться и искоренять зло.

Вне времени и пространства

Здесь речь пойдет о преодолении мыслью узких границ чувственно воспринимаемого нами времени и пространства. Умение предсказывать будущее предполагает знание законов мирового движения. К примеру, все люди знают, что солнце, сев за горизонт, через несколько часов вновь выйдет из-за горизонта с другой стороны. Но многие ли знают, когда произойдет солнечное затмение? Знание таких явлений дается уже не житейским опытом, а методами науки. Прогностика есть, в сущности, знание связей между вещами. Если информации недостаточно, невозможно сделать и правильный прогноз.

Но что такое, в самом деле, «знание связей между вещами»? Как становится возможным определить, например, по лицу, руке или спине человека его судьбу? Как можно по одному моменту жизни человека узнать весь его жизненный путь? Многие, наверное, скажут, что эти вещи отстоят друг от друга слишком далеко и никак не связаны между собой.

Однако традиционная культура зиждется на другой посылке, а именно на идее о том, что жизнь природы и жизнь человека находятся между собой в нерасторжимой связи, и все вещи, все явления бытия, материальные и духовные, вплетены в одну всеобъемлющую, хотя и чрезвычайно сложную, сеть соответствий.

Человеческая душа, разъясняли учителя Ван Липину, разделяется на две категории: «душа инь», или тяжелая, темная душа, и «душа ян» — душа легкая и светлая. Сновидения тоже бывают двух видов. Один из них — так называемый «внутренний» сон, или сон как внутреннее состояние человека. Эта разновидность сновидений известна каждому человеку, но в отличие от обыкновенных людей даосы умеют контролировать эти сны и даже определять их содержание. Погружаясь в такой сон, даосы часто находят решения насущных жизненных вопросов. По словам Ван Липина, он никогда не пишет тексты своих выступлений, а

погружается на два-три часа в сон с мыслью о предстоящем выступлении, и во сне ему во всех подробностях открывается содержание его лекции. Двух-трехчасовой сон способен дать материал для многочасовой речи.

Путь учителя

В годы великого бедствия буддийские и даосские подвижники продолжали свой труд совершенствования в Дао и обучения учеников... Пересекая горные хребты и водные потоки, встречая и провожая весны и осени, даосы и их юный ученик провели в странствиях без малого два года. Ван Липин принял близко к сердцу слово «покой» и всем существом своим восчувствовал небытийность мира. Он открыл глаза, и мир предстал перед ним таким, какой он есть, во всем его великолепии.

...Нужно, чтобы ты остался в «пошлом мире» и жил, как все люди живут. И не потому, что мы так решили. Просто так нужно — и все! — Чжан Хэдао говорил с большим воодушевлением. Остальные внимательно слушали его.

— Перемены в мире имеют свой строй, свой порядок — такой тонкий, что и высказать нельзя, — продолжал Чжан Хэдао. — Дао движет Небом и Землею, оно охватывает все сущее и проникает в сокровеннейшие глубины бытия, — непостижимо утонченное, вечно сокрытое, всепроницающее. Мы трое ушли от мира, поселились в этих горах и посвятили наши жизни постижению истины Дао, но не очень-то преуспели в этом великом деле. И не потому, что мы не старались, просто время нам не благоприятствовало. Все, что нам удалось сделать за полвека нашего совершенствования в Дао, — это передать тебе секреты наших занятий. А у тебя будет свой благоприятный момент, ты сможешь внести свой вклад в дело познания Дао. Вот твое великое предназначение! — Чжан Хэдао замолчал, пристально посмотрел в глаза Ван Липину и продолжил: — Очень скоро в человечестве вновь проснется интерес к религиозному познанию, отношения человека и Неба опять окажутся в центре внимания людей, и тогда весь мир оценит мудрость Китая, и в особенности наследие даосских учителей. Чтобы миру стало доступно знание о Дао, нужно, во-первых, иметь мастеров, обладающих таким знанием, и, во-вторых, эти мастера должны хорошо знать современный мир. Как иначе знание о Великом Дао сможет войти в жизнь? Ты понял меня, Юншэн? И потом, — тут голос Чжан Хэдао зазвучал доверительно и ласково, — мы отправляем тебя в мир, чтобы ты, по слову древнего учителя, «соединяясь со светом, смешивался с пылью», стал совсем обыкновенным человеком, который с уважением относится к родителям, заботится о братьях и сестрах, вежлив с соседями.

Ван Липин прожил со своими учителями больше десяти лет, и за это время не только их ощущения или мысли, но сами жизненные судьбы у них стали общими. Учитель Ван часто говорит, что в нем живут сразу шесть человек: отец с матерью, трое учителей и он сам. Оттого разлука ученика с учителями не помешала им до тонкостей чувствовать друг друга и друг другу сопереживать. За этим стоит целая философия человека. Но эта философия основывается не на отвлеченном знании, а на внутреннем, интуитивном единении сознания и жизни. Такого единения нельзя достичь, не стремясь одновременно к нравственному совершенству. Только будучи доброжелательным, милосердным, безукоризненно честным по отношению к другим, можно научиться жить с окружающими как бы одной жизнью, создать некое общее поле духовного совершенствования, благодаря которому каждый отдельный человек способен перенимать достижения других и развиваться ускоренными темпами. Не надо забывать, что, занимаясь «внутренним деланием», мы приводим к гармонии душу и тело, устраняем низменные, корыстные желания, забываем о своем субъективном «я» и погружаемся в «великое единство» Дао. Это означает, что, занимаясь «внутренним деланием», мы по определению нравственны и ни одна частичка мирской суеты не пристает к нам.

В названии книги Лао-цзы на первом месте стоит Дао, на втором — добродетель. Дао — это сущность «прежденебесного» бытия, исток всего сущего. Из Дао проистекает все, обладающее формой и вещественностью. Характеризуя природу Дао, даосы говорили о «пустотно-небытийствующем», «первозданно чистом», «естественном», «нерукотворном», «чистом и покойном», «недеятельном», «мягком и уступчивом» и т.п. Все эти качества образуют в человеке «высшую добродетель». Эта «высшая добродетель» есть не что иное, как присутствие Дао в человеке.

У Лао-цзы сказано: «Высшая добродетель не добродетельна, вот почему она есть истинная добродетель». В той же книге говорится и так: «Изобильной добродетели только Дао следует». Это означает, что подлинная добродетель для даосов есть верх естественности, она не имеет образа или даже каких-либо признаков, но пребывает исключительно во внутреннем опыте и не познаваема рассудком. А совершенство нарочитое, познанное человеком, явленное и формальное, есть «низшая добродетель». Лао-цзы говорит об этом: «Когда люди низшей добродетели стараются быть добродетельными, тогда они теряют добродетель». Вот и выходит, что тот, кто хочет казаться добродетельнее всех, истинной добродетели в себе не несет.

«Человек высшей добродетели ничего сам не делает, но благодаря ему ничего не остается несделанным».

Учителя часто напоминали Ван Липину, что того, кто ожидает вознаграждения за хороший поступок, нельзя считать добродетельным. И даже если кто-то, сделав доброе дело, не ждет за него награды, но про себя отмечает, что он творит добро, обладает всего лишь «внешней добродетелью». Тот же, кто не знает и не помнит своих добрых дел, обладает «внутренней добродетелью», каковая и является высшей заслугой в представлении даосов.

Одним словом, всякая внешняя, показная добродетель, желание быть (а тем более прослыть) добрым, милосердным, любящим — все это в глазах даосского «человека высшей добродетели» не имеет ровно никакой ценности и даже мешает духовному совершенствованию. Как сказано у того же Лао-цзы: «У мудреца нет собственных убеждений. Сердца людей — его сердце».

Хотя мудрец превосходит добродетелью обыкновенных людей, он все же погружен в «суетный мир» и живет «как все». Это называется «превзойдя святость, возвратиться к обыденному».

Вот так началась самая что ни на есть обыкновенная жизнь учителя Ван Липина, обыкновенная и все же посвященная разгадыванию глубочайшей тайны космоса и человека.

Даосское «искусство домашней жизни» содержит наставления, касающиеся взаимоотношений человека с окружающим миром. В результате многолетних занятий в организме подвижника Дао происходит глубокая перестройка, и значительно увеличивается число различных факторов, влияющих на жизнь человека. К примеру, когда Ван Липин только начинал свою учебу у трех старцев-даосов, он сознавал свою связь лишь со своим непосредственным природным окружением. Со временем он научился чувствовать узы, связывавшие его с солнцем, потом с планетами и всеми двадцатью восемью небесными созвездиями. В конце концов его жизненным пространством стал весь космос. А на следующем этапе совершенствования он уже преодолел границы пространства и времени. Таким способом он смог усвоить себе все существующие в мире виды жизненной силы.

Теперь в жизни Ван Липина наступил важный момент. Так называемую «работу с энергией» пропагандировало уже так много людей, что общество было вполне подготовлено к восприятию идеи «жизненной энергии» и вытекающих из нее последствий для человеческой жизни. Появились условия для того, чтобы дать людям более углубленное понимание «энергии». Настало время поведать миру принципы духовного подвижничества даосской школы Лунмэнь, которые целое тысячелетие хранились в строгой тайне.

Наступил 1985 год. В области изучения «жизненной энергии» — и притом именно вследствие необыкновенной популярности этого понятия — нарастали разброд и хаос. Наряду с настоящими мастерами развелось множество шарлатанов, и как раз голос этих лжеучителей звучал громче всего. Кое-где появились даже самозванцы, объявившие себя подлинными учителями школы Лунмэнь.

Учитель Ван Липин уже давно ждал от своих наставников приказания «выйти в мир». И настал день, когда Чжан Хэдао передал Ван Липину весть о том, что ему нужно «выйти в мир, поведать правду», иначе говоря — рассказать людям о принципах и приемах «внутреннего делания», принятых в школе Лунмэнь, дабы «распространить в Поднебесном мире Великое Дао». Теперь Ван Липин мог предстать перед людьми в своем истинном облике учителя школы Лунмэнь в восемнадцатом поколении и рассказать им о своем двадцатитрехлетнем опыте совершенствования в Дао.

По словам учителя Ван Липина, в недалеком будущем культура Востока, имеющая своим средоточием даосскую традицию, привлечет к себе внимание всего человечества. Китайская культура сможет возродиться из забвения, и этот шанс нельзя упустить.

Изучая даосскую традицию, важно различать ее сущность и изменчивые формы ее бытования в обществе. В чем секрет необычайной жизненности даосского учения? В той ли так называемой «примитивной диалектике», которую многие современные ученые находят в «Даодэцзине»? Или в технике даосского совершенствования, которое исцеляет от недугов и продлевает жизнь? И то и другое, несомненно, способны заинтересовать многих. Но, по нашему мнению, главное достоинство даосизма в том, что он дает людям возможность использовать скрытые возможности своего организма. Мудрость даосов помогает нам понять, что наше сознание столь же безгранично и неисчерпаемо, как Вселенная вокруг нас, и тот, кто обретет в самом себе творческую свободу, станет пастырем всего человечества!

С самой первой встречи с Ван Липином его учителя стремились разрушить все оковы и путы, стеснявшие духовную свободу их ученика. Их целью было восстановление в Ван Липине младенчески целомудренного и безмятежного сознания. От накатанных шаблонных путей мысли они вели своего юного послушника в царство первозданной свободы духа, где нет никаких правил, никаких форм. Этот путь к свободе лежит через тяжкие испытания, ибо идущий им движется против «естественного» течения жизни, с неизбежностью влекущего к смерти.

В течение двух лет, когда Ван Липин проходил этап «устранения сознания, пестования природы», учителя говорили ему только то, что он устраняет в себе «дикую природу» и «закладывает основу». Лишь приобретя многолетний опыт занятий, Ван Липин понял, что его занятия значили нечто гораздо большее: то был путь воссоединения с Великим Дао, когда подвижник «непроизвольно, в полном покое прозревает истину до конца».

У Лао-цзы об этом говорится так: «Достигай предела Пустоты, твердо храни Покой. Все вещи проявляются совместно, а я

созерцаю их возврат. Вещи разрастаются и множатся, и каждая возвращается к своему корню. Возвращение к корню именуется Покоем. Вот что зовется следованием Судьбе. Следование Судьбе — вот постоянство, а кто познал постоянство, тот мудр. Не знать постоянства — значит действовать понапрасну. Будет несчастье».

«У мира есть начало: такова Мать Мироздания. Познав мать, узнаешь и дитя, а узнав дитя, будешь оберегать мать. Тогда не нужно будет страшиться гибели».

В этих изречениях очень четко сказано о том, что сознание, пребывающее в состоянии «первозданной простоты и безыскусности», способно прозревать глубочайшую истину мироздания. «Предел пустоты» — это природа Беспредельного Хаоса, который является одним из наименований Великого Дао. Он представляет собой «основу», или «корень», всего сущего. Тот, кто удерживает в себе это первозданное единство, способен прозревать «возвращение к истоку» всех вещей. Хотя вещи в мире претерпевают бесчисленные превращения, они возвращаются к своему истоку или, можно сказать, к полноте своего бытия в «незыблемо-покойном» и «вечноотсутствующем». Постигнув этот принцип, можно понять и законы превращений всех вещей.

Древние мудрецы как раз имели в виду такое понимание, когда они говорили: «постигай истину до самого ее истока, в познании сердца иди до самого корня». У реки есть исток, у дерева есть корень. Человек способен охватить мыслью все явления и все принципы мироздания, но где сам исток человеческой мысли? Этот исток подобен неподвижному омуту или он есть деятельное начало бытия? Он лишь пассивно отражает происходящее или сам освещает действительность? Великая мудрость Востока заключена в предложенных восточной цивилизацией ответах на эти вопросы.

Даосы говорят: «Тот, кто учится наукам, каждый день приобретает. Тот, кто учится Дао, каждый день теряет. Потеряв и еще потеряв потерю, достигаешь недеяния. В недеянии все свершается». Имеется у даосов и наставление «чистить неустанно темное зеркало в себе». Буддисты же говорят о том, чтобы «разбить оковы кармы», т.е. очиститься от накопившихся за тысячелетия последствий плотских желаний и суетных мыслей, и тогда человеческое сознание воссияет, подобно до блеска начищенному зеркалу или ясной луне в осеннем небе, озаряя своим духовным светом целый мир, выявляя в себе «изначальный облик» всего сущего. Тогда человек непроизвольно постигнет истину всего существующего в мире.

Подолгу находясь в обществе учителя Ван Липина, мы не уставали изумляться ясности и силе его ума. Когда его о чем-то спрашивали или просили поставить диагноз болезни, он без раздумий тотчас давал правильный ответ. По словам Ван Липина,

даосы не размышляют над проблемами, а постигают существо дела посредством духовной интуиции. Такая интуиция является высшей формой познания. Однако ее нельзя наработать определенными занятиями или размышлениями. Она как бы сама приходит к тому, кто совершенствуется в Дао. Вообще говоря, даосская наука сложилась из практики даосского совершенствования, и тот, кто хочет эту науку постичь, должен испытать на себе принципы даосской медитации. Очень многое в даосской практике не может быть выражено словами, а требует «безмолвного постижения».

Духовная интуиция и непосредственное знание истины так или иначе доступны почти каждому человеку. Те, кто совершенствуются в Дао, крайне высоко ценят эти скрытые возможности человеческого сознания. Из покоя может родиться знание. Те, кто много лет занимаются совершенствованием, знают это по собственному опыту. Но «блюсти покой» не значит целыми днями неподвижно сидеть, как пень или камень, а пустота вовсе не означает смерть или отсутствие чего бы то ни было. Как раз наоборот: пустота, о которой говорят даосы, вмещает в себя все сущее, она есть импульс всех творческих перемен, «первозданное состояние» сердца, основа человеческой природы. Поскольку она воплощает собой предельную чистоту, покой, высшее единство, незамутненную ясность, естественность и недеяние, она есть высшее состояние сознания, и из нее исходят все метаморфозы мира. Из этого покоящегося сознания внезапно исходят и так же молниеносно исчезают всевозможные образы. А после окончания сеанса медитации люди не без удивления замечают, что события, пережитые ими в медитации, повторяются в реальной жизни. Бывает, что к вам и в самом деле приходит только что виденный человек, или случается увидеть уже увиденное внутренним взором событие, или, наконец, к вам приходит решение давно мучающей вас проблемы. Секрет тут заключается не в том, что подвижник неподвижно сидел, а в том, что он сохранял полнейший покой и ясность сознания, и это сделало возможным действие его духовной интуиции, проницающей и прошлое, и будущее.

Мы можем оценить это явление в свете данных аналитической психологии и учения о бессознательном на Западе. Мы можем сказать, что достижение «предела пустоты и покоя» и «возвращение к истокам всех явлений» знаменуют погружение в стихию бессознательного, которое, согласно Фрейду, намного шире и глубже сферы сознания. В области бессознательного хранится весь опыт, вся память человека, но содержание ее становится доступным человеку лишь в редкие моменты его жизни.

Швейцарский психолог Юнг ввел понятие «коллективного бессознательного», которое включает в себя опыт всех предшествующих поколений человечества. Мы можем предположить, что

в глубинах бессознательного хранится вся история человечества и даже история всего космоса.

В школе Лунмэнь есть техника «возвращения к младенческому сознанию», которая означает восстановление в памяти и переживание заново всего жизненного опыта. Такое возможно лишь в состоянии глубокого покоя сознания. Когда учитель Ван Липин на семинаре в храме Благоуханных Ветров обучал этой технике, многие слушатели семинара вновь пережили во всей полноте давно забытые ими события их жизни, а некоторые пожилые люди начинали вдруг кричать, точь-в-точь как младенцы. Но до какой же точки можем мы дойти в процессе воспоминания пережитого? По словам учителя Ван Липина, воскрешение памяти может продолжаться до бесконечности — все зависит только от степени погружения в покой. Одновременно человек может узнавать и о будущих своих переживаниях, хотя будущее тоже открывается ему постепенно — слой за слоем. Так происходит, вероятно, потому, что в области бессознательного тоже имеются различные слои, или уровни, и каждый слой обладает своим особым содержанием. Эти слои раскрываются перед нами в определенной последовательности, поскольку, видимо, и в неявном знании тоже есть своя структура.

По словам учителя Ван Липина, он чаще всего пользуется опытом сновидений. Когда ему как врачевателю попадается какой-нибудь тяжелый случай и он не может определить сразу способ лечения, он не ломает себе голову попусту, а ложится спать и, зафиксировав проблему в уме, засыпает. Во сне его мозг продолжает самостоятельно трудиться, и проснувшись, Ван Липин находит в своих сновидениях решение вопроса.

Один ученый сказал, что главным препятствием для нашего познания является как раз то, что познано нами. За тысячелетия люди накопили огромный запас знаний, и у них выработались устойчивые мыслительные привычки и стереотипы. Эти стереотипы заставляют людей признавать лишь то, что соответствует их представлениям о мире, а все прочее отвергать. В результате живое, бесконечно творческое сознание человека превратилось в компьютер, работающий по заданной программе. Буддисты называют это «преградой знанию». Конечно, рациональная мысль и логика имеют свои достоинства, но человеческое сознание нуждается в более высоких, более универсальных формах мышления. Даосы как раз и стремятся разбить оковы мысли, дать мысли полную свободу, предоставить сознанию возможность непроизвольно и радостно изливать в мир свой свет.

... Как-то, беседуя с Ван Липином, мы забыли и про время, и про жару. Удалились куда-то голоса детей на улице, уже давно остыл разлитый в чашках зеленый чай... Спохватившись, учитель Ван Липин предложил нам выпить чаю и крикнул в раскрытое окно: «Фуян, вымой и принеси нам три яблока».

Через минуту сын Ван Липина — красивый и рослый мальчик — принес на маленьком подносе три красных яблока. Увидев, что в комнате сидят четыре человека, он удивленно спросил у отца: «Папа, вас всего четверо, а ты попросил меня принести только три яблока!»

— Все в порядке, — ответил Ван Липин. — А ты подумай, как разделить три яблока на четверых.

Фуян опустил поднос на пол и, не сводя глаз с яблок, погрузился в раздумье. Видя замешательство сына, Ван Липин улыбнулся своей веселой улыбкой и сказал: «Смотри-ка, мысли у тебя пошли в одном направлении: ты думаешь о том, как бы каждому из нас съесть яблоко, и не думаешь о том, что четыре человека тоже могут съесть одно яблоко».

Фуян удивленно посмотрел на отца, потом взял со стола нож, разрезал каждое яблоко на четыре части и, отложив в сторону три самых маленьких кусочка, сказал: «Папа, съешь вот эти три куска!» Ван Липин погладил сына по голове и, все так же улыбаясь, сказал: «Вот это правильно».

Решив заданную отцом задачку, Фуян опять побежал играть с друзьями, а Ван Липин, положив в рот кусок яблока, вдруг спросил нас:

— Как вы думаете, сколько углов в этой комнате?

— Четыре.

— А внизу не считаются? — со смехом отозвался Ван Липин.

— Ну, тогда всего восемь.

— Опять промашка! — покачал головой Ван Липин. — Откуда ж только восемь? Чтобы определить, сколько в комнате углов, я в молодости специальную тренировку проходил.

Заинтригованные, мы попросили Ван Липина рассказать об этом подробнее.

— Обычно мы представляем пространство вокруг нас в виде ящика, в котором мы сами находимся в центре, — начал свой рассказ Ван Липин. — Но в действительности пространство Вселенной многомерно, и в нем, по сути, не бывает единой, универсальной точки отсчета. Мои учителя потратили немало времени, чтобы заставить меня понять эту простую истину.

Мы узнали, что для начала старые даосы заставляли Ван Липина подолгу стоять на голове и созерцать мир, так сказать, перевернутым. Поначалу Ван Липину и вправду казалось, что все предметы перед его взором находятся в перевернутом положении, но со временем это ощущение исчезло, и мир, стоящий перед ним «вверх тормашками», он уже воспринимал как естественный. Так Ван Липин понял, что меняются на самом деле не вещи, а наши представления о них. Он часто повторяет, что вещи мертвы, а человеческая мысль — жива.

Позднее учителя запирали его в темной комнате и приказывали определить на ощупь, сколько в комнате углов. И вот пятнадцатилетний подросток Ван Липин шарил руками по стенам,

пытаясь сосчитать попавшиеся ему углы. В конце концов он пришел к выводу, что в комнате в самом деле восемь углов. Учителя же над ним посмеялись и велели ему сосчитать снова. Едва сдерживая обиду, Ван Липин опять отправился в комнату и старательно обошел все стены. Тогда его мышление было еще примитивным, одномерным. Он мог только осматривать пространство с той точки, где стоял. Вдруг Чжан Хэдао заглянул в комнату через окно и со смехом окликнул его: «Эй, ученик, скажи мне, из нас двоих ты смотришь на меня или я смотрю на тебя?» И тут же исчез.

В то же мгновение Ван Липин вдруг все понял. Ведь в каждой комнате есть еще углы снаружи. Чтобы узнать общее количество углов в комнате, нужно смотреть на нее одновременно изнутри и снаружи.

Вот так обучали старцы-даосы своего ученика. Они не учили его идеям и доктринам, а заставляли познать все на собственном опыте, через конкретные ситуации. Можно сказать, что учителя формировали мышление Ван Липина в соответствии с устройством самой действительности.

Потом они приготовили для Ван Липина большую корзину, сплетенную из ивовых прутьев и обмазанную снаружи глиной, так что внутри корзины царил полный мрак. Велев ученику залезть в эту корзину, они подвесили ее к дереву, после чего Ван Цзяомин проделал в стенке корзины маленькую дырочку и спросил Ван Липина: «Откуда идет в корзину свет?» — «Сверху», — отвечал Ван Липин. Ван Цзяомин проделал еще одну дырку и спросил: «А теперь откуда идет свет?» Ван Липин отвечал: «Снизу». Вот так Ван Цзяомин проделывал одну за другой дырки и заставлял ученика отвечать ему, где они находятся, до тех пор, пока Ван Липин окончательно не потерял ориентацию. В конце концов Ван Липин понял: в мире нет ни верха, ни низа, ни правого, ни левого, ни внутреннего, ни внешнего. Любая точка отсчета в нем условна.

Впрочем, учителя далеко не всегда обучали Ван Липина согласно наперед заданному плану. Часто обучение шло от непредвиденных, спонтанно возникавших жизненных ситуаций. В этом смысле обучение даосской мудрости было подлинным творчеством.

К примеру, однажды утром Чжан Хэдао заглядывает в большой кувшин и, заметив, что рядом стоит Ван Липин, говорит как бы в раздумье: «Н-да, что же тут в кувшине...» И обрывает фразу на полуслове.

Ван Липину становится любопытно, он заглядывает в кувшин, видит, что там нет воды, и договаривает то, что, как ему кажется, должен был сказать старший наставник: «В этом кувшине нет воды!»

«Вот и хорошо, сходи-ка за водой», — тут же подхватывает Чжан Хэдао. И приходится Ван Липину идти по воду: сам себе работу накликал!

Позднее Ван Липин заметил, что учителя всегда действуют «по обстоятельствам», но так, чтобы не создавать конфликтов, не нарушать естественного течения событий. Глядя на них, Ван Липин тоже научился поступать и говорить так, чтобы не разрушать согласия между людьми, но в то же время побуждать их действовать правильно и из каждой жизненной ситуации извлекать для себя урок.

Пока мы слушали рассказы старого учителя Ван Липина о его жизни с даосскими наставниками, на пороге комнаты появилась, держа за руку сына Ван Липина, соседская старушка.

— Липин, — сказала она, не переставая улыбаться, — Фуян расковырял нам всю стену у дверей.

В руках у Фуяна была маленькая лопатка, его штаны были выпачканы грязью. Ван Липин встал, рассыпался в извинениях и попросил старушку войти в комнату. Видя, что у Ван Липина гости, соседка сослалась на занятость и вышла, все так же улыбаясь. Весь этот разговор выглядел вполне по-домашнему. Как нужно поступить с озорником, залезшим во двор к соседям? Большинство людей, наверное, стали бы бранить мальчика, читать ему мораль и требовать от него обещания больше так не делать. Кое-кто, может быть, для вящей убедительности еще и побил бы мальчугана. А Ван Липин, не говоря ни слова, повел сына на кухню и, подведя его к стене, сказал:

— Если хочешь, работай здесь.

Мальчик, не говоря ни слова, сел на корточки и принялся скоблить стену своей детской лопаткой.

Вот такой урок тактичного и доброго воспитания преподнес нам тогда учитель Ван Липин.

Через некоторое время из кухни донесся радостный голос Фуяна: «Папа! Я понял! Я понял!»

— Что же ты понял? — спросил Ван Липин.

— Я понял, — возбужденно затараторил Фуян, — что в стене внутри красные кирпичи, а между кирпичами еще есть маленькие крошки!

Теперь, когда открылась настоящая цель шалости Фуяна, мы поняли подлинный смысл поступка учителя Ван Липина. И как было не поразиться его прозорливости и находчивости?

Наставники, вспоминал Ван Липин, любили говорить: «Дети — наши учителя». Весь секрет даосского совершенствования состоит в том, чтобы от нашего нынешнего, «послеутробного» состояния возвратиться к состоянию «внутриутробному», предшествующему нашему рождению. Вот и Лао-цзы вопрошает в своей книге: «Можешь ли стать ребенком?» Речь идет, конечно, не о том, чтобы снова «впасть в детство», но о том, чтобы восстановить в себе кристальную ясность и свежесть творческого духа. Это и есть наш подлинный «мир детства», предшествующий всем возможностям и всем состояниям нашей жизни.

Мышление детей — в наибольшей степени «естественное», искреннее, творческое, свободное от стереотипов, прививаемых обществом. Секрет обучения ребенка состоит в том, чтобы сберечь и развить эту способность к свободному и творческому мышлению, не дать укрепиться в ребенке страху перед неизвестным и незнакомым. Нельзя оказывать на ребенка давление, унижать его и тем более навязывать ему собственные мыслительные привычки, свой жизненный опыт, свои личные симпатии или антипатии. Напротив, «все понимающие» взрослые люди должны учиться у детей вещам, которые они растеряли в суете будничного существования.

Учитель Ван Липин считает главными принципами воспитания детей уважительное отношение к их естеству, последовательное и здоровое развитие их природных задатков. По этой причине в мышлении и поведении его сына есть много особенностей, отличающих его от других детей. Например, на уроке «родной речи» учитель читает в букваре о том, что каждый день солнце встает на востоке. Все ученики в классе послушно повторяют за учителем то, что он читает, а Фуян встает и спрашивает: «А почему солнце не встает на западе?» На этот вопрос учитель ответить не может. На него, по сути дела, не ответят и самые великие ученые. И если заняться всерьез этим «наивным» вопросом, то можно, пожалуй, додуматься до очень важных вещей.

Однажды Фуян пришел домой из школы очень расстроенный. Ван Липин спросил его, что случилось, и сын ответил ему, что из-за его высокого роста ему приходится на уроке физкультуры стоять в заднем ряду, а учитель всегда командует: «Равнение направо!» «Почему надо равняться только направо, а не налево?» — недоумевал мальчик. Искренняя огорченность Фуяна порядком всех позабавила, но Ван Липин знал, что в таких, казалось бы, наивных переживаниях как раз и таятся семена мудрости.

Однажды в школе, где учился Фуян, проходил спортивный праздник, и Ван Липин с домочадцами отправился посмотреть на сына. Школьники, завидев своих родителей, кричали им: «Папа!», «Мама!». Только один школьник кричал: «Ван Липин! Ван Липин!» Ван Липин пригляделся — а это его собственный сын! Когда Фуян вернулся домой, Ван Липин спросил его, почему он называл его по имени, и тот ответил: «Все вокруг одеты в одинаковую форму и все зовут «папа!» или «мама!». И я, чтобы выделиться, стал звать отца по имени». Ван Липин был очень рад тому, что его сын так высоко ценит свою индивидуальность.

— Впрочем, — признается Ван Липин, — я в последнее время был так занят, что не уделял сыну достаточно внимания. А в школе детей приучают мыслить по трафарету и занимаются только наращиванием их познаний. А ведь в действительной жизни нет ни прогресса, ни регресса. Говорят: «Надо идти вперед!» Но

еще не известно, что у нас впереди, а что сзади. Стоит нам развернуться, и то, что было впереди, окажется позади.

Учитель Ван Липин считает главным недостатком современного образования чрезмерную специализацию знаний и перегруженность учебной программы различными предметами. Такая увлеченность функциональной стороной образования подавляет способность учащихся к творчеству и самостоятельному мышлению, делает из них «живые машины», а не самобытные личности.

Даосы относятся к воспитанию учащихся прямо противоположным образом. В процессе перехода к высшим формам сознания мышление человека становится все более многомерным, глубоким и целостным. Переходя к третьему уровню познания, человеческая мысль преодолевает все рубежи пространства и времени, достигает абсолютной свободы и благодаря этой свободе получает непосредственное знание о природе мира и своего внутреннего опыта.

— В конце концов, — говорит учитель Ван Липин, — суть дела не в том, широки или узки учебные программы, а в том, постиг ли ученик принципы мышления, способного объять все «три мира», которые мы познаем на нашем пути к Великому Дао. Ведь эти три мира — только три уровня единой реальности.

По этому поводу мы напомнили учителю Ван Липину буддийскую поговорку: «В кончике волоска прозреваются мириады миров, пылинка кружится — как вращается Колесо Дхармы».

Учитель Ван Липин улыбнулся и в знак согласия кивнул головой.

Портрет Лао-цзы, относящийся к эпохе Мин (XIV—XVII вв.) из книги «Портреты древних людей разных эпох с похвалою». Надпись на рисунке гласит: «Прародитель Первозданного Хаоса и Ведущий к Великой чистоте. Пять тысяч тайных слов его объемлют всю вселенную». Здесь «вселенная» обозначена словами Цянь и Кунь, которые выражают и смысл двух триграмм: Небо и Земля. О Лао-цзы существует много легенд, в которых рассказывается о необычности мудреца. Так, говорится, что его мать родила сына, когда ей было восемьдесят один год (по другой версии: семьдесят два года), родился он седым. Когда стал взрослым, его облик описывается так: «Ростом в восемь чи и восемь цуней, желтолик, с красивыми бровями, большеглазый, длинноухий» (заметим, что в Китае длинные уши это признак благо-родства. — *Д.В.*). Комментаторы также отмечали, что «обликом он был похож на глупца», тем самым как бы продолжая мысль, что «великая мудрость содержит в себе глупость».

Л.С.ВАСИЛЬЕВ

ДАОСИЗМ

Леонид Сергеевич Васильев — известный отечественный китаевед, автор учебного пособия «История религий Востока». «Даосизм» — одна из глав этого учебного пособия. Редакция надеется, что читатель почерпнет из нее немало важных культурно-исторических сведений о древнейшей китайской философской доктрине.

Редакция благодарит Л.С.Васильева за согласие включить главу «Даосизм» (с небольшими купюрами) в настоящее издание.

Верхи китайского общества жили по конфуцианским* нормам, исполняли обряды и ритуалы в честь предков, Неба и Земли. Любой из тех, кто находился выше уровня простолюдинов или стремился выдвинуться из их среды, должен был подчинить свою жизнь строгому соблюдению этих норм и церемоний; без знания и соблюдения их никто не мог рассчитывать на уважение, престиж, успех в жизни. Однако ни общество в целом, ни человек в отдельности, как бы ни были они скованы официальными догмами конфуцианства, не могли всегда руководствоваться только ими. Ведь за пределами конфуцианства оставалось мистическое и иррациональное, не говоря уже о древней мифологии и примитивных предрассудках. А без всего этого человек, даже умело затянутый в подгонявшийся под него веками конфуцианский мундир, не мог время от времени не испытывать чувство духовного дискомфорта. Экзистенциальная функция религии в этих условиях выпала на долю даосизма — учения, ставившего своей целью раскрыть перед человеком тайны мироздания, вечные проблемы жизни и смерти.

* Наряду с даосизмом и буддизмом конфуцианство — одно из трех главных этико-религиозных учений Китая. Основа его мировидения — всеобщий социально-этический порядок, в котором внутреннее, присущее человеческой натуре, взаимодействует вовне, согласуется с благопристойностью и почтительностью как важнейшими принципами мировой гармонии. Согласно создателю учения — Конфуцию — человек воспринимается как член большого общества-семьи.

Конфуций не признавал духов и скептически относился к суевериям и метафизическим спекуляциям: «Мы не знаем, что такое жизнь, — говаривал он, — как же можем мы знать, что такое смерть?» (Луньюй, гл. XI, § 11). Неудивительно, что все смутное, подсознательное, относившееся к сфере неподконтрольных разуму чувств, конфуцианство оставляло в стороне. Но все это продолжало существовать, будь то суеверия простого народа или философские искания творчески мыслящих и ищущих индивидов. В предханьское время и особенно в начале эпохи Хань (II в. до н.э.) — очень насыщенную для истории Китая пору, когда складывалось и принимало свой окончательный вид уже реформированное ханьское конфуцианство, все эти верования и обряды были объединены в рамках оформлявшейся параллельно с конфуцианством религии даосов — религиозного даосизма.

Философия даосизма. Даосизм возник в Китае практически почти одновременно с учением Конфуция в виде самостоятельной философской доктрины. Основателем философии даосов считается древнекитайский философ Лао-цзы. Старший современник Конфуция, о котором — в отличие от Конфуция — в источниках нет достоверных сведений ни исторического, ни биографического характера, Лао-цзы считается современными исследователями фигурой легендарной. Легенды повествуют о его чудесном рождении (мать носила его несколько десятков лет и родила стариком — откуда и имя его, «Старый ребенок», хотя тот же знак «цзы» означал одновременно и понятие «философ», так что имя его можно переводить как «Старый философ») и о его уходе из Китая. Идя на запад, Лао-цзы любезно согласился оставить смотрителю пограничной заставы свое сочинение «Дао-дэ цзин».

В трактате «Дао-дэ цзин» (IV—III вв. до н.э.) излагаются основы даосизма, философии Лао-цзы. В центре доктрины — учение о великом Дао, всеобщем Законе и Абсолюте. Дао господствует везде и во всем, всегда и безгранично. Его никто не создал, но все происходит от него. Невидимое и неслышимое, недоступное органам чувств, постоянное и неисчерпаемое, безымянное и бесформенное, оно дает начало, имя и форму всему на свете. Даже великое Небо следует Дао. Познать Дао, следовать ему, слиться с ним — в этом смысл, цель и счастье жизни. Проявляется же

Дао через свою эманацию — через дэ, и если Дао все порождает, то дэ все вскармливает.

Трудно отделаться от впечатления, что концепция Дао во многом, вплоть до второстепенных деталей, напоминает многократно зафиксированную в Упанишадах* индо-арийскую концепцию великого Брахмана**, безликого Абсолюта, эманация которого сотворила видимый феноменальный мир и слиться с которым (уйти от феноменального мира) было целью древнеиндийских философов, брахманов, отшельников и аскетов. Если прибавить к этому, что и высшей целью древнекитайских даосов-философов было уйти от страстей и суетности жизни к первобытности прошлого, к простоте и естественности, что именно среди даосов были первые в древнем Китае отшельники-аскеты, о чьем подвижничестве с уважением отзывался и сам Конфуций, то сходство покажется еще более очевидным и загадочным. Чем объяснить его? На этот вопрос ответить нелегко. О прямом заимствовании говорить трудно, ибо для этого нет документальных оснований, кроме разве что легенды о путешествии Лао-цзы на запад. Но и эта легенда не объясняет, а лишь запутывает проблему: Лао-цзы не мог принести в Индию философию, с которой там были знакомы не менее чем за полтысячелетия до его рождения. Можно лишь предположить, что сам факт путешествий показывает, что и в то отдаленное время они не были невозможными и что, следовательно, не только из Китая на запад, но и с запада (в том числе и из Индии) в Китай могли перемещаться люди и их идеи.

В своей конкретной практической деятельности даосизм в Китае, однако, мало чем напоминал практику брахманизма. На китайской почве рационализм одолевал любую мистику, заставляя ее уходить в сторону, забиваться в углы, где она только и могла сохраняться. Так случилось и с даосизмом. Хотя в даосском трактате «Чжуан-цзы» (IV—III вв. до н.э.) и говорилось о том, что жизнь и смерть — понятия относительные, акцент явно был сделан на жизнь, на том, как ее следует организовать. Мистические же уклоны в этом трактате, выражавшиеся, в частности, в упоминаниях о фантастическом долголетии (800, 1200 лет) и даже бессмертии, которых могут достичь праведные отшельники, приблизившиеся к Дао, сыграли немаловажную роль в трансформации философского даосизма в даосизм религиозный.

Даосизм в Цинь-Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.).

Проповедь долголетия и бессмертия обеспечила даосским проповедникам популярность в народе и благосклонность импе-

* *Упанишады* — тексты, завершающие канонический свод священных книг индуизма, Вед.

** *Брахман* — высшая и единственная реальность, не поддающаяся описанию; безличная основа всего сущего, выражающаяся в нем, но действительно существующая за внешностью явлений.

раторов, отнюдь не безразличных к своей жизни и смерти. Насколько можно судить, первым, кто соблазнился этой идеей, был объединитель Китая Цинь Ши-хуанди. Даосский маг Сюй Ши поведал ему о волшебных островах, где есть эликсир бессмертия. Император снарядил экспедицию, которая, как и следовало ожидать, провалилась (Сюй Ши сослался на то, что обилие акул помешало ему пристать к острову). Так же кончались и другие экспедиции за волшебными снадобьями. Разгневанный император нередко казнил неудачников, но тут же посылал других в новый поход, не ставя под сомнение саму идею. Первые ханьские императоры, особенно могущественный У-ди, продолжали эту традицию: снаряжали экспедиции, поддерживали даосских магов, щедро жертвовали деньги на их работы над пилюлями и эликсирами.

Официальная поддержка помогла даосизму выжить и даже укрепиться в условиях господства конфуцианства. Но, выстояв, даосизм довольно сильно изменился. Общефилософские метафизические спекуляции на тему о Дао и дэ были отодвинуты на задний план, как и идея отшельничества с его принципом увэй (недеяния). Зато на передний план вышли многочисленные даосские маги и проповедники, примкнувшие к даосизму знахари и шаманы, которые не только резко усилили свою активность, но и умело синтезировали некоторые философские идеи даосизма с примитивными верованиями и суевериями крестьянских масс. В частности, для этого были использованы многие давно полузабытые или заново привнесенные в Китай извне мифы. Так, например, с помощью даосов получил широкое распространение миф о богине бессмертия Сиванму, в саду которой где-то на западе будто бы цветут раз в 3000 лет персики бессмертия. Получил распространение и миф о первочеловеке Паньгу.

Особенно интересна проблема мифа о Паньгу. В параграфе 42 даосского трактата «Дао-дэ цзин» есть туманная, но полная глубокого смысла фраза: «Дао рождает одно, одно рождает двух, двое рождают трех, а трое — все вещи». Комментаторы и интерпретаторы этой фразы выдвигают множество вариантов ее понимания. Но почти при любом варианте заключительная часть формулы сводится к мифу о Паньгу. Не вдаваясь в детали споров, стоит заметить, что первоначальная креативная триада, которая способна породить все сущее (трое порождают все вещи), сводится в философском даосском трактате скорей всего к Дао, дэ и ци. О Дао и дэ речь уже шла, они близки к древнеиндийским Брахману и Атману*. Что же касается ци, то это нечто вроде жизненной силы, т.е. великая первосубстанция, которая делает живым все живое, сущим все сущее. В какой-то мере ее можно сопоставить с индо-буддийскими дхармами, комплекс которых и есть жизнь, нечто сущее. Но еще больше первосубстанция ци напоминает пурушу.

* *Атман* — сокровенная сущность человека, его самотождественность.

Понятие «пуруша» в древнеиндийских текстах неоднозначно и чаще всего сводится, как о том уже шла речь, к духовному началу живого. В этом и сходство его с ци. Однако уже в древнейшей из индийских Вед — Ригведе зафиксирован миф, согласно которому именно первогигант Пуруша, распавшись на части, дал начало всему — от земли и неба, солнца и луны до растений, животных, людей и даже богов. Стоит добавить к этому, что другой древнеиндийский космогонический миф исходит из того, что мир был создан находившимся в космическом яйце Брахмой. Даосский миф о Паньгу, зафиксированный в послеханьских текстах (III—IV вв.), вкратце сводится к рассказу о том, как из космического яйца, две части скорлупы которого стали небом и землей, вырос первогигант, чьи глаза стали затем солнцем и луной, тело — почвой, кости — горами, волосы — травами и т.п. Словом, из первосубстанции Паньгу было создано все, включая и людей.

Идентичность Паньгу и Пуруши давно была замечена специалистами. Похоже на то, что та самая мысль, которая выражена формулой «трое рождают все вещи» и которая явно восходит к идее о первоначальных Брахмане, Атмане и Пуруше (в китайском варианте, скорее всего, к Дао, дэ и ци), в популяризировавшемся даосами мифе о Паньгу была изложена доступным и красочным языком. Вторичность этого мифа, т.е. заимствование его из мифологических построений брахманизма и индуизма, лишний раз ставит вопрос о том, что мистика и метафизика даосов по меньшей мере частично восходят к внешним истокам. Впрочем, это никак не помешало тому, что на китайской почве даосизм как доктрина, независимо от происхождения тех или иных его идей, с самого начала был именно китайской религией.

Крестьянское даосское восстание «Желтых повязок».

Конец династии Хань был ознаменован в Китае кризисом и политическим упадком, отягощенным еще и стихийным бедствием, эпидемией, во время которой даосский маг Чжан Цзюэ прославился в народе тем, что чарами и заклинаниями излечивал больных. Огромные толпы обезумевших от горя и бедствий людей повалили к нему, и вскоре маг оказался во главе могущественной секты почти по-военному организованных ревностных последователей новой религии.

С головокружительной быстротой даосизм из респектабельного учения придворных алхимиков и проповедников бессмертия превратился в знамя обездоленных и угнетенных. В даосском трактате «Тайпинцзин (Книга о великом равенстве)» теоретически обосновывались политика и практика апеллировавших к массам даосов. Как это не раз бывало в истории, новая религия заявила о себе мощным революционным взрывом — восстанием «Желтых повязок».

Секта Чжан Цзюэ ставила своей целью свержение существующего строя и замену его царством Великого Равенства (тайпин). Хотя конкретные очертания этого царства представлялись лидерам секты весьма смутно, требования обездоленного крестьянства были учтены ими в первую очередь. Чжан Цзюэ и его помощники провозгласили 184-й год, год начала нового 60-летнего цикла, игравшего в Китае роль века, началом эпохи нового «Желтого Неба», которое принесет миру радость, счастье и навсегда покончит с эрой «Синего Неба», ставшего символом зла и несправедливости ханьского времени. В знак своей приверженности новым идеям повстанцы надевали на голову желтые повязки.

План восстания стал известен властям, начались жестокие преследования сектантов. Вскоре их преждевременно поднятое восстание было подавлено, а оставшиеся в живых последователи погибшего Чжан Цзюэ бежали на запад, где в горных пограничных районах Китая действовала другая мощная даосская секта, «Удоумидао», во главе с Чжан Лу, внуком знаменитого даосского мага Чжан Дао-лина, который считается основателем даосской религии. Усиленная остатками восставших секта Чжан Лу вскоре, особенно в связи с окончательным крушением династии Хань и началом эры межвластия, периода Южных и Северных династий (III—VI вв.), превратилась в фактически самостоятельное теократическое образование, сумевшее добиться определенной автономии; с ним впоследствии считались официальные китайские власти.

Теократическое государство даосов.

«Государство» даосских пап-патриархов, передававших свою власть по наследству, просуществовало в Китае вплоть до недавнего времени (63-й даосский папа из рода Чжанов после 1949 г. переехал на Тайвань). Вначале оно было строго организовано и состояло из 24 религиозных общин, возглавлявшихся наследственно правившими «епископами». Вся власть в каждой из общин принадлежала группе духовных наставников-даосов во главе с «епископом», причем все сектанты повиновались им беспрекословно. Жизнь в общинах даосов была организована таким образом, чтобы каждый мог очиститься, покаяться и, пройдя через серию постов и обрядов, подготовить себя к бессмертию.

Несмотря на важную роль наследственной теократии Чжанов и связанных с ней различных даосских сект, главам которых нередко приписывалась чудодейственная сила и даже власть над демонами и духами, все они были лишь высшей духовной инстанцией, своеобразными хранителями принципов и догматов учения. Реальной административной власти вне своих общин и сект даосские патриархи и «епископы» не имели. Они и не стремились к этому. Даосская религия за свое почти двухтысячелетнее существование не создала стройной церковной структуры, и это в условиях господства конфуцианства было оправданным: организационная слабость религиозного даосизма вне его общин

и сект способствовала проникновению этой религии во все поры китайского общества. В этом смысле даосизм был близок к буддизму — учению, у которого он очень многое взял как в области теоретической, доктринальной, так и в плане организационном.

Более всего влияние буддизма и вообще индийской мысли заметно на той трансформации, которую испытали даосские концепции о путях и методах достижения бессмертия. Эти концепции были разработаны в ряде трактатов. Вкратце они сводятся к следующему.

Даосизм о достижении бессмертия.

Тело человека являет собой микрокосм, который в принципе следует уподобить макрокосму, т.е. Вселенной. Подобно тому, как Вселенная функционирует в ходе взаимодействия Неба и Земли, сил инь и ян, имеет звезды, планеты и т.п., организм человека — это тоже скопление духов и божественных сил, результат взаимодействия мужского и женского начал. Стремящийся к достижению бессмертия должен прежде всего постараться создать для всех этих духов-монад (их 36 тыс.) такие условия, чтобы они не стремились покинуть тело. Еще лучше — специальными средствами усилить их позиции, дабы они стали преобладающим элементом тела, вследствие чего тело дематериализуется и человек становится бессмертным. Но как достичь этого?

Прежде всего, даосы предлагали ограничение в еде — путь, до предела изученный индийскими аскетами-отшельниками. Кандидат в бессмертные должен был отказаться вначале от мяса и вина, потом вообще от любой грубой и пряной пищи (духи не выносят запаха крови и вообще никаких резких запахов), затем от овощей и зерна, которые все же укрепляют материальное начало в организме. Постепенно удлиняя перерывы между приемами пищи, следовало научиться обходиться совсем немногим — легкими фруктовыми суфле, пилюлями и микстурами из орехов, корицы, ревеня и т.п. Специальные снадобья готовились по строгим рецептам, ибо их состав определялся и магической силой ингредиентов. Следовало также научиться утолять голод с помощью собственной слюны.

Другим важным элементом достижения бессмертия были физические и дыхательные упражнения, начиная от невинных движений и поз (позы тигра, оленя, аиста, черепахи) до инструкций по общению между полами. В комплекс этих упражнений входило постукивание зубами, потирание висков, взъерошивание волос, а также умение владеть своим дыханием, задерживать его, превращать его в едва заметное — «утробное». Влияние физической и дыхательной гимнастики йогов и вообще системы йогов здесь проявляется достаточно отчетливо. Однако даосизм был все-таки китайским учением, даже если на него и было оказано определенное воздействие извне. И это нагляднее всего проявляется в том, сколь большое значение даосская теория достижения

бессмертия придавала моральным факторам. Причем морали именно в китайском смысле — в плане добродетельных поступков, демонстрации высоких моральных качеств. Чтобы стать бессмертным, кандидат должен был совершить не менее 1200 добродетельных акций, при этом даже один безнравственный поступок сводил все на нет.

На подготовку к бессмертию должно было уходить немало времени и сил, фактически вся жизнь, причем все это было лишь прелюдией к завершающему акту — слиянию дематериализованного организма с великим Дао. Эта трансформация человека в бессмертного считалась очень непростой, доступной лишь для немногих. Сам акт перевоплощения почитался настолько священным и таинственным, что никто его не мог зафиксировать. Просто был человек — и нет его. Он не умер, но исчез, покинул свою телесную оболочку, дематериализовался, вознесся на небо, стал бессмертным. <...>

Самое интересное в легенде — ее назидательность.

Псевдонауки даосов.

Увлечение волшебными эликсирами и пилюлями в средневековом Китае вызвало бурное развитие алхимии. <...>

В китайской алхимии, как в арабской или европейской, в ходе бесчисленных опытов по методу проб и ошибок совершались и полезные побочные открытия (например, был открыт порох). Но эти побочные открытия теоретически не осмыслялись, поэтому они и не сыграли существенной роли в развитии естественных и технических наук.

Став в средневековом Китае монополистами в области оккультных наук, даосы составляли гороскопы и делали предсказания; причем без совета даосского гадателя никто обычно не начинал серьезного дела, а женитьба в Китае всегда начиналась с обмена гороскопами, точнее, с присылки гороскопа невесты в дом жениха.

Одной из популярных оккультных наук была геомантия (фэншуй). Связав небесные явления, звезды и планеты со знаками Зодиака и странами света, с космическими силами и символами (Небо, Земля, инь, ян, пять первоэлементов и т.п.), геоманты разработали сложную систему взаимодействия между всеми этими силами и земным рельефом. Только при благоприятном сочетании небесных сил участок земли считался подходящим для строительства, устройства могилы или приобретения в собственность. Даосская геомантия всегда имела успех: даже самые утонченные, рафинированные и презиравшие суеверия конфуцианцы не пренебрегали ею. <...>

Много сделали даосы для китайской медицины. Опираясь на практический опыт знахарей-шаманов и придав этому опыту свои мистические выкладки и магические приемы, даосы в процессе поисков бессмертия познакомились с анатомией и функ-

циями человеческого организма. Хотя научную основу физиологии человека они не знали, многие их рекомендации, лечебные средства и методы оказывались достаточно обоснованными и давали положительные результаты. <...>

Даосы в средневековом Китае.

Усилившись за счет дальнейшей разработки своей теории, даосы в раннесредневековом Китае сумели стать необходимой и незаменимой частью духовной культуры страны и народа. В эпоху Тан (VII—X вв.) даосы широко расселились по всей стране. В качестве опорных пунктов даосизма повсюду были созданы крупные монастыри, где ученые даосские маги и проповедники готовили своих последователей, знакомя их с основами теории бессмертия. Даосские гадатели и врачеватели, получив первоначальное образование, растекались по Китаю и практически сливались с гражданами Поднебесной, не отличаясь от них ни одеждой, ни образом жизни — только своей профессией. Эта профессия со временем превращалась в наследственное ремесло, так что для овладения им не было нужды в специальном обучении на стороне — требовалось лишь засвидетельствовать свой профессиональный уровень и получить от властей сертификат на право заниматься своим делом.

Даосы в средневековом Китае обслуживали также множество храмов и кумирен, создававшихся в честь многочисленных богов и героев, духов и бессмертных постоянно разраставшегося даосского пантеона. Они принимали участие в бытовых обрядах, в частности в церемониале похорон. В раннесредневековом Китае даосизм из преследуемой секты превратился в признаваемую и даже необходимую стране религию. Эта религия заняла достаточно прочные позиции в китайском обществе еще и потому, что она никогда не пыталась соперничать с конфуцианством и скромно заполняла те пустоты в культуре и образе жизни народа, которые оставались на ее долю. Более того, по своему образу жизни слившиеся с народом даосы сами были теми же конфуцианцами, а своей деятельностью они даже укрепляли идеологическую структуру страны.

Сложнее были взаимоотношения даосов с буддистами, проникшими в Китай в начале нашей эры и активно сотрудничавшими с даосами. Помогая буддизму укрепиться на китайской почве, снабжая его терминами и знаниями, даосизм столь же щедро черпал сведения у буддистов и обогащался за счет индобуддийской культуры. Даосизм заимствовал у буддистов идеи (представление об аде и рае), институты (монашество), через посредство буддизма познакомился с практикой йогов и т.п. Но по мере того, как буддизм в Китае приобретал самостоятельность, его идеологи со все большим раздражением относились к бесцеремонным заимствованиям со стороны даосов. Вынужденный отстаивать свое лицо, даосизм пошел на хитрость, выдумав легенду о том, как Лао-цзы, отправившись на запад, достиг Индии и оплодотворил спящую мать Будды. Легенда эта, оформленная в виде специальной сутры «Лао-цзы хуа-ху цзин» (Лао-цзы обращает варваров), оказалась весьма коварной: если принять во внимание ее конец, то все заимствования даосов у буддизма выглядели вполне закономерными. Тем самым даосизм сумел сохранить свое лицо.

Верхний и нижний пласты даосизма.

На протяжении веков даосизм переживал взлеты и падения, поддержку и гонения, а порой, правда на короткие сроки, становился официальной идеологией какой-либо династии. Даосизм был нужен и образованным верхам, и невежественным низам китайского общества, хотя проявлялось это по-разному.

Образованные верхи обращались чаще всего к философским теориям даосизма, к его древнему культу простоты и естественности, слияния с природой и свободы самовыражения. Специалисты не раз отмечали, что каждый китайский интеллигент, будучи в социальном плане конфуцианцем, в душе, подсознательно, всегда был немного даосом. Особенно это касалось тех, чья индивидуальность была выражена более ярко и чьи духовные потребности выходили за рамки официальных норм. Открывавшиеся даосизмом возможности в сфере самовыражения мысли и чувства привлекали многих китайских поэтов, художников, мыслителей. Но это не было оттоком от конфуцианства — просто даосские идеи и принципы наслаивались на конфуцианскую основу и тем обогащали ее, открывая новые возможности для творчества.

Необразованные низы искали в даосизме иное. Их прельщали социальные утопии с уравнительным распределением имуществ при жесточайшей регламентации жизненного распорядка. Эти теории играли свою роль в качестве знамени в ходе средневековых крестьянских восстаний, проходивших под даосско-буддийскими лозунгами. Кроме того, с народными массами даосизм был связан обрядами, практикой гадания и врачевания, суеверий и оберегов, верой в духов, культом божеств и патронов, магией и лубочно-мифологической иконографией. К даосскому гадателю и монаху шли за помощью, советом, рецептом, — и он делал все, что от него ожидали, что было в его силах. Именно на этом, низшем уровне «народного» даосизма складывался и тот гигантский пантеон, которым всегда отличалась религия даосов.

Пантеон даосизма.

Включивший в себя со временем все древние культы и суеверия, верования и обряды, всех божеств и духов, героев и бессмертных, эклектичный и неразборчивый даосизм легко удовлетворял самые разнообразные потребности населения. В его пантеон наряду с главами религиозных доктрин (Лао-цзы, Конфуций, Будда) входили многие божества и герои, вплоть до

случайно проявивших себя после смерти людей (явился кому-либо во сне и т.п.). Для деификации не требовалось ни специальных соборов, ни официальных решений. Любой незаурядный исторический деятель, даже просто добродетельный чиновник, оставивший по себе хорошую память, мог быть после смерти обожествлен и принят даосизмом в его пантеон. <...>

Даосизм в Китае, как и буддизм, занимал скромное место в системе официальных религиозно-идеологических ценностей. Лидерство конфуцианства никогда им всерьез не оспаривалось. Однако в периоды кризисных ситуаций и больших потрясений, когда централизованная государственная администрация приходила в упадок и конфуцианство переставало быть эффективным, картина нередко менялась. В эти периоды даосизм и буддизм подчас выходили на передний план, проявляясь в эмоциональных народных взрывах, в утопических идеалах восставших. И хотя даже в этих случаях даосско-буддийские идеи никогда не становились абсолютной силой, но, напротив, по мере разрешения кризиса постепенно уступали лидирующие позиции конфуцианству, значение бунтарско-эгалитаристских традиций в истории Китая не должно преуменьшаться. Особенно если принять во внимание, что в рамках даосских или даосско-буддийских сект и тайных обществ эти идеи и настроения были живучи, сохранялись веками, переходя из поколения в поколение, и тем накладывали свой отпечаток на всю историю Китая. Они сыграли определенную роль и в революционных взрывах XX века.

МЫСЛИ МУДРЫХ

Думал: Жизнь есть просветление сознания до известного крайнего определенного предела. Как Лао-тзе говорит: что мало и гибко, что растет, то сильно; что велико и твердо, что выросло, то слабо; человек с самого рождения слабеет физически и сильнеет духовно.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ (1828—1910),
великий русский писатель и мыслитель

Нигде проблема миро- и жизнеутверждения сама по себе и в соотношении с этикой не воплощена в такой элементарной и всеобъемлющей форме, как в китайской мысли. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Конфуций, Мэн-цзы, Лецзы и другие являются мыслителями, излагающими мировоззренческие проблемы, над разрешением которых бьется наше западное мышление, в чужой нам, но постижимой и не оставляющей нас безучастными форме.

Альберт ШВЕЙЦЕР (1875—1965),
немецко-французский философ-гуманист, теолог,
лауреат Нобелевской премии мира

Эти китайские тексты... основаны на практических прозрениях высокоразвитого китайского духа, и у нас нет ни малейшего оправдания для того, чтобы недооценивать их.

Карл Густав ЮНГ (1875—1961), швейцарский психолог,
создатель «аналитической психологии»

Заключение от первого читателя

В высказываниях древнекитайских Учителей и в исторической практике можно найти прямо противоположные примеры отношения к ученику — от демократизма и желания идти навстречу каждому до полного равнодушия к тому, кто и как подхватит оброненные зерна мудрости. Но в целом даосская традиция — основа для иного отношения к этому вопросу. Согласно древнекитайской пословице «когда ученик готов, учитель появится сам». И здесь все дело в учителе. Готов ли он угадать потребности ученика на пути «правды сердца», чувствителен ли он к ученическому потенциалу, соразмерно ли его видение масштабам личности ученика, с одной стороны, и культуры — с другой? И взращенный тысячелетней традицией неодномерный, «симфонический» взгляд на природу мира и человека — это тот безошибочный ориентир, который позволяет подлинному Учителю не проглядеть за задачей и приемом полноту, целостность и гармоничность. Это то главное, чему можно и нужно учиться и нам сегодня.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лао-цзы. Книга пути и благодати /Сост. и перевод И.Лисевича (Дао дэ цзин). — М.: Мусагет, 1994.

Восхождение к Дао /Сост. В.В.Малявин. — М.: Наталис, 1997.

Антология даосской философии /Сост. В.В.Малявин, Б.Б.Виногродский. — М.: Товарищество «Клышников, Комаров и Ко», 1994.

Лао-цзы. Обрести себя в Дао /Сост., авт. предисл., перевод, коммент. И.И.Семененко. — М.: «Республика», 1999.

Чжуан-цзы. Ле-цзы /Пер. В.В.Малявина. — М.: Мысль, 1995.

Васильев Л.С. История религий Востока: Учеб. пособие для студ. вузов. — 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1988.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. — М., 1967.

Антология даосской философии /Сост. В.В.Малявин, Б.Б.Виногродский. — М.: Товарищество «Клышников, Комаров и Ко», 1994.

Бенджамин Хофф. Дао Пуха — М.: Дао и сыновья, 2000.

Васильев Л.С. Культы, религии и традиции в Китае. — М., 1970.

Дао дэ цзин /Пер. В.Перелешин. — М., 2000.

Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.

Древнекитайская философия. Т. 1. — М., 1972.

История китайской философии. — М.: Прогресс, 1989.

Конфуций. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996.

Лукьянов Е.А. /Лао-цзы и Конфуций: Философия Дао. — М.: Восточная литература РАН, 2000.

Малявин В.В. Сумерки Дао. — М.: АСТ, 2000.

Роль традиций в истории и культуре Китая. — М.: Наука, ГРВЛ, 1972.

Лаоцзы. Обрести себя в Дао /Сост., авт. предисл., перевод, коммент. И.И.Семененко. — М.: Республика, 1999.

Чжуан-цзы. Ле-цзы /Пер. В.В.Малявина. — М.: Мысль, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Семенов А.Л. Путь образования 5

Сыма Цянь. Перевод и комментарии Р.В.Вяткина 15

Лао-цзы. Дао дэ цзин («Книга пути и благодати») 19
перевод Ян Хин-шуна,
стихотворный перевод и комментарии И.С.Лисевича
Книга первая 20
Книга вторая
перевод Ян Хин-шуна 100

Воскресенский Д.Н. Из «Краткого послесловия китаиста» 111

Ле-цзы. Перевод Л.Д.Позднеевой 112

Чжуан-цзы. Перевод Л.Д.Позднеевой 124

Чэнь Кайго, Чжэнь Шуньчао
Восхождение к Великому Дао.
Жизнь даосского учителя Ван Липина.
Перевод с китайского В.В.Малявина 167

Васильев Л.С. Даосизм 208

Использованная литература 221

Рекомендуемая литература 222

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ЛАО-ЦЗЫ

Составитель и автор предисловия
Алексей Львович Семенов

Первый читатель
Михаил Геннадевич Мокринский

Редактор
Борис Никифорович Докутович

Набор и верстка
Ирина Сергеевна Калиничева

Редакционно-издательская подготовка,
оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ИД № 02878 от 20.10.2001 г.
Подписано к печати 12.11.2001. Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 1701.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
113184, Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16
Тел.: (095) 959-55-54 доб. 121, 120

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской
областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

ISBN 5-89147-036-5

9 785891 470361

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В **"Антологии"** используется ранее не применявшийся в практике Российского учебного книгоиздания прием фокусирования на страницах книги не всегда совпадающих позиций — **автора** классического наследия; **составителя тома**, ученого, излагающего свои взгляды во вступительной статье и комментариях, и **первого читателя**, учителя, сегодня смотрящего в глаза своим ученикам, призванного сегодня реализовывать **идеи гуманной педагогики.**

Истинная педагогика не обретет крылья, пока не наполнится Мудростью, данной Свыше. «Миллионы существ в Поднебесной рождаются из Бытия, Бытие же рождается из Небытия», — утверждал Дао Дэ Дзин. Так где же крылья Истинной Педагогики: в Бытии, которое рождает Вселенную, или в Небытии, Матери Бытия? Я допускаю: крылья Там, в Наднебесном, в Небытии.

Шалва Амонашвили